

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2

Том 4. История

Санкт-Петербург
2011

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2 (Том 4) 2011
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2011

Содержание

ЭТНОГРАФИЯ

М. Н. Романова, Л. Н. Щанкина

Хозяйственные постройки мордвы Республики Мордовия
и Дальнего Востока..... 7

Т. М. Шавлаева

Искусство окрашивания изделий и понятие цвета
у чеченских народных мастериц 16

Д. С. Ермолин

Представления о судьбе, смерти и загробном мире
у приазовских албанцев 25

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

В. В. Вострикова

Либеральная концепция формирования гражданского общества
в России: от теории к практике (конец XIX – начало XX в.)..... 34

М. Л. Размолодин

О некоторых проблемах типологизации
черносотенных организаций как политических партий..... 43

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В. В. Шевлякова

Передовые сельскохозяйственные технологии конца XIX –
начала XX в. и их пропаганда российской периодической печатью.... 50

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

А. Ю. Пиджаков, В. А. Хороших

Зарождение авиационных обществ и авиационного
образования в дореволюционной России 60

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Д. Н. Соловьёв

Артиллерийское и вещевое снабжение в казачьих
подразделениях России во второй половине XIX – начале XX вв. .. 71

В. А. Журавлев, И. А. Тропов

Роль солдат в формировании местных органов власти
в России в 1917 г..... 80

А. В. Гусев

Защита населения и объектов Москвы
от немецко-фашистской авиации..... 91

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

А. С. Киричѐк

Противодействие общественному движению и законы
о порядке формирования уездных судов
в Юго-Западном крае Российской империи (1839–1850 гг.)..... 97

А. Г. Поляков

Управление викторианским течением
в Русской православной церкви (апрель 1928 – май 1931 г.)..... 106

А. Б. Фетюков

Художественная интеллигенция в «хрущёвский» период:
состав и социальный облик (по материалам Ленинграда)..... 113

Сведения об авторах..... 123

Contents

ETHNOGRAPHY

M. N. Romanova, L. N. Schankina

Household buildings of the mordvins of the Republic
of Mordovia and the Far East 7

T. M. Shavlaeva

Art of colouring products and concept of colour
of the Chechen national skilled workers..... 16

D. S. Yermolin

Concepts of fate, death and after world among the Azov Albanians... 25

HISTORY OF PUBLIC THOUGHT AND SOCIOPOLITICAL MOVEMENTS

V. V. Vostrikova

Liberal conception of civil society forming in Russia: from theory
to practice (late XIX-early twentieth century's)..... 34

M. L. Razmolodin

About some problems of classification of Black hundred's
organizations as political parties 43

ECONOMIC HISTORY

V. V. Shevlyakova

Advanced agricultural technologies in the late XIX – early XX
centuries and their promotion of the Russian periodical press 50

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

A. Yu. Pidzhakov, V. A. Horoshih

The origin of aviation companies and aviation education
in pre-revolutionary Russia..... 60

MILITARY HISTORY

D. N. Soloviev

Artillery and clothing supplies in the Russian Cossack units
in the second half of XIX – early XX centuries 71

V. A. Zhuravlev, I. A. Tropov

The role of soldiers in the formation of local authorities
in Russia in 1917 80

A. V. Gusev

Protection of people and objects in Moscow
from the German Aviation..... 91

RUSSIAN HISTORY PAGES

A. S. Kirichyok

Counteraction to social movement and laws about order of forming
of district courts in the Southern-Western region (1839–1850) 97

Al. G. Polyakov

The management of the Victorian trend
in Russian Orthodox Church (April, 1928 – May, 1931) 106

A. B. Fetjukov

Art intelligency during "the Khrushchev's" period:
structure and social shape (based on Leningrad) 113

About authors 123

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39(=511.152)

*М. Н. Романова**, *Л. Н. Щанкина***

Хозяйственные постройки мордвы Республики Мордовия и Дальнего Востока

В статье рассматриваются хозяйственно-бытовые постройки мордвы, проживающей в Республике Мордовия и на Дальнем Востоке. Надворные постройки в обследованных регионах представлены стайками для домашних животных, амбарами, подвалами, погребами, банями, летними кухнями.

Household buildings of the Mordvins living in the Republic of Mordovia and in the Far East are considered in the article. Such buildings in the studied regions are cattle-pens, barns, basements, cellars, bath-houses, summer cook-houses.

Ключевые слова: Республика Мордовия, Дальний Восток, мордва, переселенцы, хозяйственные постройки.

Key words: the Republic of Mordovia, the Far East, the Mordvins, migrants, household buildings.

Основным элементом любого сельского населенного пункта является крестьянская усадьба, которая определяет его планировку, внешний вид и функциональность хозяйственных построек. Выбор способа застройки усадьбы обусловлен не только вкусами хозяев, но и природно-географическими и климатическими факторами, спецификой крестьянского хозяйства, уровнем состоятельности каждой семьи, традициями строительной культуры населения.

Хозяйственно-бытовые постройки мордовского населения гармонично примыкают к жилому дому, образуя в зависимости от местных условий, национальных традиций и бытовых потребностей различные застройки усадьбы. По способу примыкания построек к жилищу выделялась покоеобразная (буквой П) и глаголеобразная застройка (буквой Г). Если строения стояли в один ряд, то такая за-

* **Романова Марина Николаевна**, соискатель отдела археологии и этнографии, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск.

** **Щанкина Любовь Николаевна**, кандидат исторических наук, докторант, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва.

стройка считалась однорядной. Двурядная застройка представляет разобщенную связь жилого дома и надворных построек, расположенных в два ряда, параллельно друг другу. Торцевые стороны огораживаются обычно изгородью и забором с воротами [3, с. 28–29]. Характерную особенность мокшанского двора составлял открытый, со стороны улицы, навес (латал) в форме полукруга или прямоугольника, расположенный рядом с воротами. Здесь ставили телеги, сельскохозяйственные орудия, вешали сбрую, привязывали лошадей. Латалня была отгорожена со двора плетнем, но находилась под общей крышей с двором [1, с. 178]. У мордвы-эрзи чаще встречались закрытые дворы [2, с. 572]. Для мордовских усадеб Дальнего Востока был характерен открытый двор. По свидетельству информаторов, «раздельное помещение надворных построек считается наиболее удобным и безопасным вариантом на случай пожара» (ПМА: Валянина, Попова).

Надворные постройки мордовского населения можно разделить на несколько категорий: для содержания скота (хлев, конюшни, летние помещения для домашних животных под навесом); для хранения продуктов (амбары, погреба, подвалы); бани и др. [5, с. 114].

В ряду дворовых построек основное значение имеют помещения для содержания домашнего скота (скалонь, траксонь кардаз – м., э.) и птицы. Число построек во дворе определяется состоятельностью хозяев и количеством скота. Строительным материалом, используемым при возведении хозяйственных построек, было дерево. Бедные слои населения строили из плетня. Техника сооружения срубных надворных построек довольно проста. Углы стен преимущественно рубятся «в чашу» и «в лапу». Нижний венец сруба обычно лежит на земле или опирается по углам на камни или на столбчатые фундаменты. Сруб делается различной высоты – он может быть от 15 до 20 венцов. Пазы венцов конопатятся паклей. Все хозяйственные постройки освещались небольшими окошками. Крыша хозяйственных построек имела стропильную конструкцию. Форма крыши обычно двускатная, а местами, в отдельно стоящих строениях – односкатная. Материалом для покрытия крыши служила в прошлом солома, а в настоящее время – толь, шифер, железо. Помещения были как однокамерные, так двух- и трехкамерные, разделенные бревенчатой стеной на две или три половины с отдельными входами. Как отмечают информаторы из с. Зайцево Краснослободского района Мордовии, «свиной держали отдельно от других животных, так как они могли покусать вымя у коров» (ПМА: Осипова).

Мордвы дальневосточного региона надворные постройки рубят из тонких бревен, возводят небольшими, из менее добротного материала, и они считаются недолговременными. Согласно сведениям

информаторов из Сахалинской области, это объясняется несколькими причинами: нехваткой строительного материала и тем, что животноводством в этой местности заниматься сложно из-за сильных морозов и каменистой почвы (ПМА: Лияськин, Яськина). В Амурской области, напротив, хозяйственные постройки возведены на века, несмотря на то, что мордовское население проживает на окраине города Шимановска, основав «свой мордовский угол» (ПМА: Аношкина). У мордвы Сахалинской области и Камчатского края распространенной постройкой был крольчатник. Это помещение срубной постройки на столбах под двускатной крышей, которое делится на небольшие клетки с отдельными дверками. Летом вместо дверей вставляются железные решетки [4, с. 186].

В летнее время под навесом в одном из углов двора жердями загораживали место для содержания скота. У некоторых они крылись односкатной соломенной крышей, опирающейся на столбы. Птицу (кур, уток, гусей) содержали в специально огороженных загонах или же сооружали отдельные сараи – курятники. В пос. Эссо Быстринского района Камчатской области в помещение для содержания домашней птицы в настоящее время подведено паровое отопление [4, с. 185].

Для приготовления корма домашним животным сооружалось небольшое помещение из досок под плоской крышей, в котором располагалась печь-голландка с плитой. Некоторые ставили печь прямо на улице. Это характерно и для мордвы, проживающей в Республике Мордовия, и мордвы, проживающей на Дальнем Востоке.

Обязательной приусадебной постройкой в Мордовии был амбар (утом, утомо - м., э.) – помещение для хранения зерна. Его строительство считалось не менее ответственным делом, чем строительство дома. Как отмечает информант Е.А. Ивашкина, из с. Кишалы Атюрьевского района Мордовии, «амбар ставили "на века", на несколько поколений» (ПМА: Ивашкина). Обычно в целях противопожарной безопасности амбары возводились как можно дальше от дома. При этом старались, чтобы дверь амбаров была видна из окон. Для сруба, как правило, выбирали крепкий влагоустойчивый лесоматериал. Первые 3–4 венца ставили из дуба, остальные – из сосны. Все помещение делилось на две части. Сразу за деревянной перегородкой начиналась система сусеков. Амбары строили, как правило, без окон, чтобы помещение меньше нагревалось и не было соблазна для воров. Если окна все-таки прорубали, то они были маленькими, в одно бревно, и располагались под самой крышей. Пол в амбаре делали из плотно подогнанных толстых досок, чтобы упавшие зерна не могли высыпаться через щели. Потолок также защищал запасы зерна от возможного протекания крыши во время дождя или таяния снега. Крыша у амбаров устраивалась четырех-

или двускатная стропильной конструкции. Кровельным материалом являлась солома, тес, позднее железо, шифер. Если на территории Мордовии амбар составлял необходимую принадлежность каждого крестьянского двора, то на Дальнем Востоке его заменил дощатый сарай, представляющий собой небольшое помещение под двускатной крышей, покрытой шифером. В таком сарае хранилась домашняя утварь, некоторые продукты питания и др.

Хлебный амбар у мордвы пользовался определенным вниманием. В устно-поэтическом творчестве мордовского народа он описывался следующим образом: «Во дворе старухи Веры поставлен амбар из лыка на ольховых чурках. По обе стороны амбара двери: одна дверь на улицу, другая – на чужую сторонку [6, с. 65].

Для хранения продуктов питания (картофеля, свеклы, капусты и других овощей) строились погреба. Они делались двух видов. Первый из них представлял яму, которую сверху покрывали жердями или же досками, плотно пригнанными друг к другу. На зиму погреб утепляли, засыпая его землей. Располагался погреб, как правило, на огороде или реже, на улице. Такие погреба в ходе экспедиции были зафиксированы в г. Александровск-Сахалинский Сахалинской области.

Второй вид погреба устраивался чаще всего во дворе, под навесом. Над накатом погреба сооружалась погребица в виде двускатного шалаша, иногда на невысоком срубе в 2–3 венца. Спуск в погреб осуществлялся по деревянной или железной лестнице и закрывался крышкой на петлях. Стены погреба укреплялись камнем или деревом. В пос. Эссо Быстринского района Камчатского края изнутри погреб обкладывали бетонными блоками [4, с. 187]. Иногда над погребом ставили дощатый или бревенчатый сарайчик под двускатной крышей. Здесь, как правило, хранили муку, крупы, соль, некоторые запасы зерна. Такие погреба мы встретили во многих мордовских населенных пунктах Республики Мордовия. К примеру, в с. Отрадное Чамзинского района Мордовии до сих пор сохранились погреба из плетня, снаружи обмазанные глиной (ПМА: Валеева). Интересны погреба в г. Александровск-Сахалинский. Выбирали сопку из относительно мягкой породы, выдалбливали внутри, обустроивали и закрывали дверью. Иногда к такому погребу пристраивали коридорчик из дерева, обделывали его внутри тесом и обмазывали глиной. Чаще погреб делали на 2–3 семьи с общим коридором. Место под погреб выбирали там, где понравится. «Облюбовал сопочку поближе к дому, там и делаешь его, а двери закрывали не от воров, а от холода и ветра», – говорит А.С. Лияськин. В настоящее время погребами почти не пользуются – далеко от дома, и их стали вскрывать посторонние (ПМА: Лияськин). В пос. Ноглики Ногликского района Сахалинской области их делали

также на несколько семей, высотой до 2 м, а в пос. Эссо Быстринского района Камчатского края – до 3,5 м. Перед тем как складывать для хранения продукты на зиму, погреб высушивали. На дне ямы жгли костер, как только дрова перегорали, прикрывали сверху досками, оставляли щель для выхода дыма от тлеющих углей. Для костра использовали березовые ветки [4, с. 187].

Для хранения продуктов в летнее время устраивали погреба-ледники, которые представляли собой ямы с впущенными в них срубам. Сверху также ставили небольшой сруб с односкатной крышей или же делали шалаши из жердей и досок. Благодаря тому, что стены и дно ледников облицовывали плитами из льда и закидывали снег, скоропортящиеся продукты хранились все лето.

Мордовское население Мордовии в прошлом в некоторых случаях обращалось к покровителям погребов. Так, например, в молитвах упоминались Бохарям-атя и Бохарям-ава. Им молодухи жертвовали хлеб, холст и монеты, которые зарывали в земляной пол погреба и при этом просили духов: «Бохарям-атя, Бохарям-ава... будьте ко мне милостивы! Дайте мне в моей супружеской жизни счастья, пищу и здоровья! Защитите меня от несчастий, когда я буду спускаться в погреб» [7, с. 213].

Не менее архаичная постройка – подвал (виход), который обычно строили на улице против окон избы. Он представлял собой полуземлянку, состоявшую из двух камер, углубленных на 0,70–1 м в землю. Крыша двускатная, из дерна, передняя наружная стенка иногда складывалась из камня. В подвале хранили на случай пожара наиболее ценное имущество, главным образом одежду и зерно, в летнее время он служил местом для сна [2, с. 572]. Во многих поселениях принято строить глинобитные мазанки, которые, как и амбар, служили для хранения различной домашней утвари и запасов зерна. Мазанки ставили обычно на улице перед домами на противоположной стороне дороги. Следует отметить, что для территории Дальнего Востока эти постройки не были характерны, так как не было в них такой необходимости.

Усадебный комплекс, помимо помещений для содержания скота, хозяйственных помещений для хранения домашнего имущества, инвентаря, которые занимают значительное место, включает также постройки для хранения дров. Их хранят не только в помещении, но и на улице под навесом, для удобства складывая их в ряды.

Запасы сена мордва складывает в стога либо в специально построенные из досок сеновалы, имеющие плоские либо двускатные крыши.

Важное место в крестьянском быту занимала баня. Она играла большую роль как в повседневной, так и в обрядовой жизни. Наличие бани зависело от самостоятельности крестьянского двора,

обеспеченности деревни лесными угожьями, традициями. В прошлом небольшое число бань в селениях Мордовии объясняется слабой обеспеченностью хозяйственными постройками. Мордва нередко предпочитала не строить свою баню, а пользоваться чужой за определенную плату, либо ходили к близким родственникам, соседям. Баня располагалась, как правило, в одном из дальних углов усадьбы, подальше от дома. Мордовская баня – срубной постройки, с полом, потолком и стропильной крышей. Повсеместно преобладала техника рубки «в чашу» («в угол») и реже – «в лапу». К примеру, в с. Симкино Большеберезниковского района Мордовии в настоящее время предпочитают строить «в лапу», так как получается больше пространства (ПМА: Глухов). К срубам бани пристраивался легкий дощатый предбанник. Стены в банях не штукатурили, считалось, что глина сыреет, это быстрее приводит к гниению стен, а также пар в таких банях более тяжелый. Внутренняя планировка бани подразделялась на несколько типов. Согласно принятой классификации повсеместно распространенным являлся первый тип – средневеликорусский план, когда печь-каменка ставилась у двери, устье ее было обращено к боковой стене с окошком. Например, в с. Отрадное Чамзинского района Мордовии была зафиксирована южнорусская планировка (восточный подтип). Воду грели в котле, который вставлялся или вмазывался в печь; в некоторых банях из-за отсутствия котла воду нагревали в чугунах, которые ставили близко к огню и периодически меняли воду. За печкой располагались полати. Для мытья предназначены лавки у задней и боковой стены. Свет проникал через низкое окно в боковой, противоположной печи стене. Чтобы вода не застаивалась на полу, его укладывали под легким уклоном в сторону полока, под которым нередко делали деревянный желоб для стока воды наружу. Топились бани в прошлом по-черному. В настоящее время бани есть почти в каждом хозяйстве и топят по-белому.

Топили баню обычно по субботам и обязательно перед престольными праздниками. На топку использовали хворост, дрова, кизяк. Мылись вначале мужчины, а потом женщины с детьми. За один раз сразу заходили до десяти человек. Веники для бани запасала каждая семья. Парились березовыми, дубовыми или смешанными, состоящими из нескольких лекарственных растений (крапивы, душицы), а на Дальнем Востоке использовали еще и пихтовые. Веники заготавливали на год после Петрова дня, более 40 штук.

Строительство бань в Камчатской области не было распространенным явлением из-за природных термальных источников, которые научились использовать не только для мытья, лечения, но и для обогрева квартир, подачи воды для бытовых нужд. Тем не менее в пос. Эссо Быстринского района есть семья Волчатниковых, пересе-

лившаяся сюда из Дубенского района Мордовии, которая построила баню [4, с. 188].

С баней у мордвы связано много поверий, обычаев и обрядов. Считали, что там живет «банная бабушка». Когда в баню кто-то заходил первым, то к ней обращались с разрешением, так как верили, что она может помочь в исцелении от некоторых болезней: «Банявушка, давай цебярь пар, мон штаян, чтоба афолень середе» («Банявушка, дай мне хороший пар, я помоюсь, чтобы не болел»). После мытья ей оставляли кусочек мыла, веник и немного воды в ушате. При выходе из бани ее благодарили (ПМА: Ивашкина).

Источником воды служили колодцы. Чаще всего устраивались общественные колодцы на улице, одиночные колодцы во дворе явление редкое, так как рытье колодцев – трудоемкое небезопасное занятие. Там, где грунтовые воды проходили близко, они устраивались почти в каждом крестьянском дворе. Колодцы представляли собой ямы, вырытые до уровня грунтовых вод, стенки которых укреплялись срубом из дерева. Для строительства колодцев повсеместно использовали липу, березу, клен для тех венцов, которые находятся в воде, а для верхних венцов – дуб. В зависимости от способа добывания воды колодцы различались по своему устройству. При простейшем способе добывания воды в колодец опускали ведро на веревке с крюком. Для облегчения подъема воды были широко распространены колодцы с журавлем. Журавль – длинный шест с естественным или искусственным утолщением на одном конце, составлявшим противовес ведру с водой. Он подвижно укреплялся в развилине вертикального столба, поставленного недалеко от колодца. На облегченный конец журавля над отверстием колодца, подвешивалось ведро. Точка опоры шеста бралась с таким расчетом, чтобы при подъеме ведра с водой оно уравнивалось тяжелым концом его. Такие колодцы в настоящее время встречаются очень редко. У мордвы имеются и колодцы с «барабаном» – вращающимся валом, на который наматывалась веревка с ведром. В целях безопасности и во избежание засорения колодезный сруб на несколько венцов выступает над землей и имеет покрытие. Иногда над колодцем делают крышу двускатной, реже четырехскатной формы.

В мордовских населенных пунктах были свои специалисты по рытью колодцев. Они же определяли место для их возведения. По словам информатора В.А. Левина из с. Баево Ардатовского района Республики Мордовия, «мордовское село славится своими плотниками по рытью колодцев, они среди населения пользуются большим спросом» (ПМА: Левина).

С недавних пор во многих дворах у мордвы появились парники, которые представляют собой помещения прямоугольной формы под

двускатными крышами с небольшим скатом, полностью застекленные либо покрытые прозрачной пленкой. На территории Республики Саха (Якутия) нижние венцы делали из сруба. Это объясняли тем, что климатические условия в этой местности суровые и много строительного материала (ПМА: Понетайкина).

Вошли в быт строения, используемые для отдыха. В дождливую погоду, а также для укрытия от солнечных лучей около дома устраивают беседки. Их делают из досок, плотно пригнанных друг к другу; крышу делают обычно куполообразной формы. Такие беседки имеют несколько окон, чтобы проникал естественный свет. Некоторые делают ее из деревянных прутьев, и полностью украшают вьющимися цветами. В центре беседки ставят стол, а по кругу – лавки. В летнее время семья обычно обедает и ужинает в ней.

Для дальневосточной мордвы, жившей в частных домах, наиболее характерной постройкой является летняя кухня. В отличие от жилых домов, она небольших размеров, с двускатной и односкатной крышей, покрытой шифером или железом. Летние кухни рубят «в лапу» или «в чашу»; сени обычно делают из досок. Окна маленькие или большие с разными наличниками, чаще прямоугольной формы.

Таким образом, комплекс хозяйственных построек мордвы за вековой период прошел сложный путь развития, который характеризуется, с одной стороны, сохранением этнических традиций, с другой – возникновением инноваций. На состав построек повлияли и общие процессы улучшения быта и благосостояния населения. Некоторые постройки построек хозяйственного назначения сильно сократились в размерах, другие – совершенно исчезли. Так, например, исчезновение ледников объясняется появлением холодильников; появление гаражей – приобретением автомобилей и т. д.

Список литературы

1. Белицер В.Н. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX – первой половине XX в. // Исслед по материальной культуре мордовского народа: тр. Морд. этнограф. экспед. – М.: Изд. во АН СССР, 1963. – Вып. 2. – С. 161–191.

2. Белицер В.Н. Мордва // Народы Европейской части СССР / под ред. В.Н. Белицер, Н.И. Воробьева, Л.Н. Терентьевой и др. – М.: Наука, 1964. – Ч. 2. – С. 548–597.

3. Вавилин В. Ф. Традиции и новации в современном сельском жилище МССР // Вестн. Морд. ун-та (науч.-публицист. журн). – Саранск, 1991. – № 4. – С. 28–29.

4. Мордва Дальнего Востока / Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Авдошкина Н.Н. и др.; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. – Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2010. – 312 с.

5. Мордва: историко-этнографические очерки // НИИЯЛИЭ при Совете Министров Морд. АССР / отв. ред. В. И. Козлов и др. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. – 336 с.

6. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6. Ч. 1. Эрзянская свадебная поэзия. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. – 471 с.

7. Харва У. Религиозные воззрения мордвы / пер. с нем. А.Ф. Гуриной. – Хельсинки: Финская академия наук, 1952. – 387 с.

Полевой материал авторов (ПМА)

Аношкина Мария Григорьевна, 1920 г. р., г. Шимановск Амурской области, записи 2009 г.

Валеева Вера Ивановна, 1960 г.р., с. Отрадное Чамзинского района Республики Мордовия, записи 2008 г.

Валянина Елена Ивановна, 1929 г.р., с. Заречное Октябрьского района Приморского края, записи 2004 г.

Глухов Николай Павлович, 1956 г.р., с. Симкино Большеберезниковского района Республики Мордовия, записи 2008 г.

Ивашкина Елена Андреевна, 1930 г.р., с. Кишалы Атюрьевского района Республики Мордовия, записи 2004 г.

Левин Василий Андреевич, 1956 г.р., с. Баево Ардатовского района Республики Мордовия, записи 2008 г.

Лияськин Алексей Степанович, 1937 г.р., г. Александровск-Сахалинский Сахалинской области, записи 2004 г.

Осипова Анна Васильевна, 1943 г.р., с. Зайцево Краснослободского района Республики Мордовия, записи 2005 г.

Понетайкина Наталья Николаевна, 1959 г.р., пос. Синегорье Алданского района Республики Саха (Якутия), записи 2009 г.

Попова Татьяна Яковлевна, 1920 г.р., пос. Ванино Ванинского района Хабаровского края, записи 2004 г.

Яськина Анастасия Ивановна, 1922 г.р., пос. Ноглики Ногликского района Сахалинской области, записи 2004 г.

Искусство окрашивания изделий и понятие цвета у чеченских народных мастериц

В статье рассмотрено традиционное искусство окрашивания шерстяных изделий, распространённое среди чеченских народных мастериц в прошлом. Автор обращает внимание на разные способы и приёмы окрашивания. Отработанная технология, а также множество цветообозначающих терминов в языке – свидетельство давности красильного дела в домашнем производстве чеченцев.

The article is dedicated to the traditional art coloring of woolen products, popular among the Chechen people's masters in the past. The particular attention is paid to the different methods and techniques of painting. Refined technology, as well as variety of terms for colors in the language serves as an evident of anciency of dyeing business in home production of Chechens.

Ключевые слова: растительные красители, марена, ализарин, цвет, символ, шерстяные изделия.

Key words: plant dyes, madder, alizarin, the color, symbol, woolen products.

Крашение – это искусство Востока, которое проникло в другие края и удачно приспособилось к местной сырьевой базе.

В данной статье автор ставит своей целью изучить вопросы традиционного восприятия цвета и приёмы крашения, принятые в практике народных мастериц чеченцев в прошлом. Слабую изученность этой темы в исторической литературе мы попытаемся восполнить этнографическими сведениями, собранными в 90-е гг. в сёлах горной Чечни.

Актуальность темы объясняется тем, что в обществе всё больше возрастает интерес к народным изделиям и традиционной технологии производства и крашения. Возрождение лучших национальных традиций чеченцев сегодня нельзя представить без возрождения забытых народных промыслов, которые являются частью народной культуры.

Первые сведения об искусстве крашения датируются 3 тыс. до н. э. и относятся к Египту, где найдены настенные человеческие изображения в цветной одежде. Красители как животного, так и растительного происхождения известны с давних времён. Первое упо-

* **Шавлаева Тамара Магамедовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков, Чеченский государственный университет.

упоминание о красителе животного происхождения – пурпуре, изготовляемого из морских моллюсков, встречается в древнеегипетских рукописях, датируемых 2 тыс. до н.э. Однако широкое распространение имели красители растительного происхождения, особенно марена красильная (*Rubia tinctorum*), с корнями, насыщенными красящим пигментом – ализарином. Упоминание о ней встречается в Талмуде [11]. Само название «ализарин» происходит от названия корня марены – «лизари», «ализари», который так называли в странах восточной части Средиземного моря (Леванта).

В Европе и на Кавказе марена появилась намного позже, но активно культивировалась вплоть до появления искусственных красителей. Просторные маренные плантации были в районе Дербента и Шуши на Кавказе.

Исследователь кустарной промышленности кавказского края А.А. Алибегов считал, что туземные способы крашения имеют многовековой опыт, что подтверждает скрупулёзная и технологически сложная процедура изготовления растительных красителей. Старые мастерицы, считая искусственные красители «шайтан-красителями», упорно продолжали готовить растительные. Но менее хлопотливые, яркие и легко доступные анилиновые красители всё же одержали верх, а их качественный недостаток как-то поглотил рост торговых отношений [10, с. 137].

Чеченское название марены – *циадарш* – хорошо перекликается со словами, которые восходит к древнему пласту чеченского языка: *циий* (кровь), *циие* (красный) *цие* (огонь, имя), *циа* (дом), *циаста* (медь), содержащими компонент *ци* со значением красного, багряного. Представляется, что предки чеченцев были знакомы с этим растением издавна. По свидетельству известного краеведа, этнографа А. Сулейманова, в Чечне встречаются целые мареновые рощи – *циийдаран боьра*, а в лесных массивах – мареновые заросли. Из корней марены добывали красильное вещество, которое широко использовалось в хозяйстве чеченцев [9, с. 89, 165].

В 70-е гг. XVIII в. Гюльденштедт свидетельствовал о великом множестве марены на правом берегу Терека в районе Брагунов. Отсюда вывозилось и продавалось до 5 тыс. пудов сушёной или 20 тыс. пудов сырой марены. Кавказская марена пользовалась большим спросом у текстильщиков России. На 40–70-е гг. XIX в. приходит особый расцвет этой отрасли. До 1874 г. из трёх округов Кавказа – Кумыкского, Кизлярского и Грозненского – ежегодно вывозили до 80 тыс. пудов сырой марены. Вступив в конкуренцию с Европейской мареной, она полностью вытеснила последнюю с рынка. Мареноводство являлось выгоднейшей отраслью хозяйства. Не зря говорили, что «сеять марену – сеять золото» [2, с. 118–121].

Корни марены продавали на внутренних рынках местного значения, а также на крупных рынках городов Кизляра, Моздока, Дербента, Грозного. Причиной её популярности в тот период является практическая значимость её для окрашивания шерстяных изделий, производством которых занимался этот регион.

В то же время специалисты давно интересовались необычными свойствами корня марены. В 1826 г. учёные Робике и Колэн из корня марены получили ализарин в чистом виде, а в 1869 г. в научной среде произошло нечто сенсационное: немецкие химики К. Грэбе и К.Т. Либерман проникнув в тайну строения ализарина, установили, что он является производным углеводорода антрацена. При накаливании цинковой пылью ализарин имеет свойство переходить в антрацен – углеводород, содержащийся в каменноугольном дёгте, а также его можно обратно превратить в ализарин. Словом, был получен искусственный ализарин, который вскоре, вопреки усилиям мареноводов, проник в Россию и совершил «убийство» марены. Корни марены так и остались в земле невыкопанными. Экономический ущерб, например, мареноводам Дербента в Дагестане составил более 16 млн руб. [2, с. 133].

В 1874 г. на страницах газеты «Тифлисский Вестник» развернулась дискуссия о судьбе кавказской марены. Автор статей С. Ходжаев пытался выяснить, может ли марена существовать рядом с искусственным ализарином. Он приводил заключение известного химика А.М. Бутлерова, который прямо сказал, что теперь потребление её должно сильно ограничиться, а со временем она будет вытеснена из промышленности. Неутешительный прогноз дал Г. Волков, а Г. Дидковский продлил «жизнь» марене при условии недостатка искусственного ализарина и заметил, что это открытие освободит большие площади земли, занятые плантациями [4, с. 1–2]. Химики были убеждены не только в практической выгоде, но и в качественном превосходстве искусственного ализарина. Как показала жизнь, в этом они глубоко ошибались.

Изготовление растительных красителей и сам процесс крашения, действительно, доставляли больше хлопот, чем работа с искусственными. Осенью начиналась заготовка сырья, его ассортимент зависел от географической полосы и окружающего села растительного мира. Но в любом районе в качестве растительного сырья для крашения особой популярностью пользовалась марена красильная (*Rubia tinctorum*), которая давала множество цветов на красной основе. За ней следовали следующие: две разновидности зверобоя (*Hypericum*) – *јаждаран буц*; кора дуба (*Quercus cortex*) – *ножан ковст*; кора ольхи (*Alnus*) – *маъ*; скорлупа грецкого ореха (*Juglans regia*) – *биора буот*; трава чебреца (*Thymus*) – *хьожа йогія буц*; плоды шиповника (*Rosa*) – *муьргаш*; крапива (*Urtica*) – *нитташ*.

Известный исследователь кустарных промыслов Северного Кавказа О.В. Маркграф отмечал, что на первом месте стояли местные растительные красители, готовые привозные краски употреблялись редко. Закрепители были тоже преимущественно местные [6, с. 127].

Заготавливаемое растительное сырьё сушили под навесом, избегая прямого попадания солнечных лучей. После сушки сырьё дробили на мелкие кусочки. При крашении сырьё погружали в большой медный котёл и заливали водой в соотношении 1:10. Одни мастерицы предпочитали оставить такую заготовку на несколько суток (1–3), другие сразу варили её в несколько приёмов, охлаждая попеременно. После чего туда погружали предварительно протравленное изделие, подвергающееся окрашиванию. Это универсальный рецепт, к которому в итоге прибегало подавляющее большинство чеченских мастериц. Но в разных сёлах горных районов республики зафиксировано использование самобытных вариантов.

Мастерицы Чаберлоя чаще всего окрашивали войлоки и пряжу. Для этой цели они заготавливали кислые ягоды, измельчали их ступкой, заливали холодной водой и оставляли в течение нескольких дней. После чего туда погружали изделие для протравы и так же оставляли на пару дней. В следующем цикле в медном котле, попеременно охлаждая, варили просушенную кору ольхи, в полученный раствор погружали протравленное изделие, которое по истечении нескольких дней выжимали, промывали в обильной воде и сушили, выбрав солнечное место.

У мастерицы родом из Джагулди, проживавшей в ст. Алпатово Наурского района, записан уникальный рецепт крашения, который ей передали старшие. Сырую заготовку коры варили в растворе золы 4–5 часов. Затем кору вынимали и сушили, а в раствор погружали изделие и оставляли там до тех пор, пока не высушится отделённая кора. Высушенную кору дробили и добавляли в ту же ёмкость и опять откладывали на некоторое время. Потом выжимали, промывали в обильной воде, сушили на ветру и солнце. «И это была самая прочная краска на свете», – считала информатор Муртазова Забинат. Следует понимать, что сначала из коры активно выводили при помощи щелочного раствора красящее вещество, а затем в процессе сушки кора окислялась, и ею же закрепляли краситель [8].

В получении зелёного цвета мастерицы испытывали определенные затруднения, так как особых растений не было. Исследователь кустарных промыслов Кавказа А. Пиралов отмечает, что на Кавказе для получения зелёного цвета мастерицы в индиго окрашивали изделия, предварительно выкрашенные в жёлтый цвет [7, с. 31].

Зафиксированный в Нижнем Чаберлое способ, который, на наш взгляд, является очень давним, проще решал эту проблему. Зелёную траву, крапиву, ягоды – всё, что имеет естественный зелёный цвет, тщательно перетирали, добавляя солевой раствор высокой концентрации. Затем в эту жижу погружали окрашиваемое изделие и откладывали на 5–6 дней до окисления. Стирала в проточной воде и сушили на солнце [8]. Лачки из соседнего Дагестана в подобной ситуации предпочитали раздробленные зелёные ягоды заливать холодной водой, а затем в этой ёмкости прокипятить изделие или пряжу, протравленные в течение 15 суток в моче крупного рогатого скота [1, с. 63].

Вот как описывает способ окрашивания изделий кистинскими мастерицами (кисты – этнические чеченцы, проживающие в Грузии – *Т.Ш.*) профессор Л.Ю. Маргошвили. Речь идет об окрашивании войлока в чёрный цвет корой чёрной ольхи. Красили обычно в больших котлах, кору тонко нарезали и помещали в котёл, куда опускали и окрашиваемый войлок. Сверху войлока опять клали слой коры, затем всё содержимое заливали водой и кипятили до тех пор, пока вода не выкипит до половины. Затем войлок доставали из котла, а в котёл вносили 3–4 стакана купороса и добавляли воду, доводили до кипения, после чего опять опускали войлок и варили до тех пор, пока уровень воды не опустится почти до дна [5, с. 120].

Разумеется, после такой двухциклической операции с внесением закрепителя краска была очень стойкой. Обращают на себя внимание, казалось бы, такие малозначительные моменты: в первом случае войлок варили до тех пор, пока вода не выкипит до половины, а во втором – пока уровень воды не опустится почти до дна.

Мы здесь наглядно видим заложенные в технологии процессы, во-первых, крашения, а во-вторых, совмещённые – закрепления красителя и запарки изделия, которые применяются и в современных художественных промыслах, но только в других производственных и технологических условиях.

Войлоки и пряжу, предназначенную для красочных ремней, а также детские вещи чеченки окрашивали в разные цвета, в том числе и яркие. Пряжу для сукна красили только в серый цвет, а бурки – исключительно в чёрный. Мастерицы соблюдали следующее правило: сначала окрашивали в яркие тона – красный, жёлтый, затем – в чёрные. После эти растворы обычно соединяли и выходили цвета с коричневой основой, называемые «хора бос», т. е. полученные в результате соединения, смешивания, представляющие два компонента. Для окрашивания крупных изделий несколько мастериц объединяли свои усилия.

С получением анилиновых красителей технология крашения намного упростилась. Крупные изделия красили также в больших котлах. Самой распространённой мерой измерения красителей являлись: *т1ара* – наперсток, *ахкана* – полгорстни и *кана* – горсть. В качестве закрепителя использовали квасцы – *ачов*, медный купорос – *готтуош* или соль в том же измерении. Дагестанские мастерицы, к примеру, при закреплении красильных пигментов, кроме названных веществ, использовали кислое молоко и мочу домашнего скота.

Самым большим мастерством в искусстве крашения, как растительными, так и искусственными, считается достижение ровности окрашивания. Для этого мастерицы прибегали к разным приёмам, в частности, добавляли плоды шиповника и бузины.

В начале XX в. в Чечне красильное дело оформляется из домашнего промысла каждой семьи в ремесло. В таких сёлах, как Дуба-Юрт, Ведено, Старый-Юрт, Нойбери Шали, Старые Атаги, появились специализированные красильные мастерские, в которых работали по 3–5 красильщиц. К примеру, крупная красильная мастерская с. Дуба-Юрт, кроме своей округи, обслуживала ещё и Шатойское общество. По сведениям наших информаторов, за «горячий сезон» (поздняя осень – ранняя весна) в этой мастерской окрашивали до 500 войлочных полотен мастерицы только из Шатойских сёл [8]. О.В. Маркграф, отмечая разделение труда в красильном деле в Кумыко – чеченском районе, пишет, что там есть семьи, которые имеют свои котлы и красильные материалы, к ним приходят желающие покрасить свои изделия сами за сносную сумму. Обычно окрашивают готовое изделие, а не шерсть [6, с. 128].

Такие специализированные красильные мастерские были широко известны на Северном Кавказе, в частности, они активно функционировали в крупных сёлах Дагестана: Акуша, Цудахар, Хаджал-Махи [3, с. 197].

Большое значение придавали мастерицы цветовому решению. В паласах, декоративных коврах преобладали красные тона (*цие*), с которыми они связывали представления о кровном родстве, общинном огне, здоровом цвете лица. Но в одежде его допускали только детской. Изделия, что украшали мужскую половину дома, отличались приглушенными тонами, там недопустимо было присутствие красного цвета. В мужской одежде были позволительны только три цвета: белый, чёрный и серый. Предпочтение отдавали серому. Для женского пространства находим некоторые смягчения, в зависимости от возраста.

Под синим цветом (*сийна* или *стигал буос* – цвет неба), как это ни странно, чеченцы в прошлом имели в виду и зелёный: *сийна стигла* (голубое небо) и *сийна аре, сийна г а* (синяя поляна, синие листья). Синие цвета связаны с мирным небом, чистой водой, флорой – в общем, с положительными эмоциями, но в то же время синий цвет упоминается наряду с чёрным в отрицательном смысле – *сен велла* (посинел).

Зелёный цвет (*баьцара*) обозначается в изделиях, как цвет травы (*буц*), покрывающей землю, несущей смысл полноценной жизни, однако отдельно траву чеченцы опять таки называют не зелёной, а синей.

Чёрный цвет (*1аьржа*) несёт при характеристике, в основном, негативный смысл, тем не менее он всегда преобладал в одежде народов Кавказа. Самой богатой, плодородной и желанной была чёрная земля. Чёрную землю и синее небо воспевали в песнях, ими клялись.

Жёлтый цвет (*муожа*) в искусстве чеченцев символизирует солнце и свет, но в то же время с ним связывают увядание природы и болезненное состояние человека.

В декоративных войлочных коврах, изготовленных в технике аппликации, присутствовало до пяти цветов – носители определённого смыслового содержания. Заметно предпочтение жёлтого цвета – символа солнца, которому поклонялись чеченцы. Любимыми сочетаниями цветов были: жёлтый-зелёный (солнце-растение); белый-чёрный (день-ночь); синий-чёрный (небо-земля). Совершенно отрицательный смысл вкладывали в сочетание чёрный-красный (земля-кровь; земля-огонь).

В подобном изделии мастерицы Кубиевой Хурзадай как раз встречаются четыре цвета из перечисленных нами цветов – все, кроме красного. В нём заложен чудесный смысл на языке искусства: над чёрной плодородной землёй простирается голубое мирное небо, на Земле – полноценная жизнь, что олицетворяет зелёный цвет. Над всеми этими кругами возвышается сравнительно малый, но очень значимый для всех остальных жёлтый круг – это Солнце, дающее свет, тепло и радость. По краям ковра мы видим абстрагированные крылья птиц как стилизация вечного стремления к высоте, миру, счастью и свободе.

Цветовое решение в искусстве народных промыслов имело большое значение, потому что являлось не только эстетической стороной вопроса, но и носителем смыслового содержания, вкладываемого в понятие цвета. По цвету определялось практическое назначение изделия [8].

Однако со временем мастерицы несколько отошли от ранних правил, и о них просто стали забывать. С усилением товарно-денежных отношений, когда производство декоративных войлочных ковров было в основном, ориентировано на рынок, для мастериц главное заключалось в том, чтобы создать эффект от сочетания цветов, чем сохранить его смысловое содержание.

Богатая цветообразующая лексика чеченцев обозначает оттенки, присутствующие в естественной природе и природных явлениях (земля, небо, солнце, море, цветы, снег и др.), связанные с окрасом диких и домашних животных (волк, лошадь, медведь, лиса, кошка, голубь, ворона и др.). Для точной передачи цветовой палитры изделия чеченцы могут использовать сложное сочетание слов типа – *ц1ен – сийна – можа*, т. е. красно-сине-жёлтый, при этом соблюдая очерёдность преобладающего цвета.

Имеют место обозначения: цвет – *буос*; однотонный – *буоси*; цветной – *босо*; бесцветный – *беси*, когда окончание слова и даже произношение меняют его смысл. Кроме этого, яркие – *сирла*; жгучие – *чехка*, тёмные – *таь1на*; тяжёлые – *г1ора*; спокойные – *тора*; компонентные – *хора*, которые дают дополнительную информацию о цвете.

О.В. Маркграф высоко ценил искусство крашения кустарей Северного Кавказа применительно к шерсти и сафьяновым козам, и ставил его выше, чем у русских кустарей. Но в то же время он отмечал, что по дереву, кости, камню окраска встречается у них очень редко и не достигает той степени искусства, как у русских кустарей. Тем не менее, по его же свидетельству, туземные деревянные изделия окрашиваются охрою или мумией в кирпичный цвет или раскалённым железом выжигают коричневые пятна и полосы [6, с. 127].

Таким образом, суммируя всё вышеизложенное, приходим к выводу, что в народных промыслах чеченцев широко практиковалось искусство окрашивания изделий растительными, а затем и искусственными красителями. Тщательно отработанная технология окрашивания и богатая база цветообразующих терминов убеждает нас в том, что чеченцы издревле были знакомы с искусством крашения. Цвета являлись носителями смыслового содержания. Мастерицы придавали значение сочетаниям цветов. Тщательно подбирали цветовой текст декоративного войлочного ковра, допуская при этом до пяти тонов. Стилизованные представления об окружающей среде, наряду с изображением, передавали и языком цвета.

Возрождение традиционного искусства чеченцев обогатит знание о духовных ценностях народа в прошлом.

Список литературы

1. Булатова А.Г. Лакцы. – Махачкала, 1971.
2. Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 2. – Махачкала, 1970.
3. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаев А.Г. Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967.
4. Газета: Тифлисский Вестник. – 1874. – № 77. – № 86.
5. Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX – начале XX в. (кисты панкиси). – Тбилиси, 1990.
6. Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882.
7. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. – СПб., 1913.
8. ПЭМА (Полевой этнографический материал автора). Раздел «Крашение».
9. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 4. – Грозный, 1985.
10. Труды первого съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. – Тифлис, 1913.
11. Электронный ресурс. URL: <http://www.eleven.co.il/article/12225> (дата обращения: 15.02. 2011).

Представления о судьбе, смерти и загробном мире у приазовских албанцев

В статье описаны представления о судьбе, смерти и загробном мире, бытующие среди албанского населения Приазовья (Украина). В работе рассматриваются поверья, связанные с судьбой и ее предопределенностью, предвестниками смерти, хорошим временем для смерти и похорон, случаи обмирания, представления о душе и ее пребывании в потустороннем мире.

The article is devoted to the concepts of fate, death and after world, prevailing among the Albanian population of the Azov region (the Ukraine). The author pays attention to the beliefs concerning fate and its predeterminacy, death signals, proper time for dying and burial, lethargy, soul and its staying in the land of the dead.

Ключевые слова: албанцы, Приазовье, сохранение традиции, полевая этнография, предвестники смерти, судьба, душа, обмирания.

Key words: Albanians, Azov region, preserving of traditional culture, fieldwork ethnography, death signals, fate, soul, lethargy.

В данной статье продолжено исследование похоронной обрядности албанцев Приазовья с использованием материалов, собранных в 1998–2010 гг. в Приазовском р-не Запорожской обл. Украины (собиратели А.А. Новик, Д.С. Ермолин). Рассматривается круг вопросов, объединенных общей тематикой – представлениями албанцев о смерти: судьба и ее предопределенность, предвестники смерти, хорошее время для смерти и подходящее / неподходящее для похорон, случаи обмирания, душа и ее пребывание в потустороннем мире.

1. Представления о судьбе. Пожалуй, одним из наиболее ярких балканских сюжетов в комплексе традиционных представлений албанцев Приазовья является широко распространенное в карпато-балканском ареале поверье о демонах судьбы, которые являются на первую или третью ночь после рождения ребенка и предопределяют судьбу, характер и личные качества новорожденного. Представления об этих мифологических персонажах устойчиво бытуют в балканских и отчасти карпато-украинских локальных традициях [2, с. 162–167; 3, с. 156–157; 17, с. 42–63; 21, с. 342; 27, с. 143 и др.]. Сохраняются эти поверья и среди бессарабских и приазовских болгар [5, с. 41; 8]. Для данного исследования задача детального опи-

* **Ермолин Денис Сергеевич**, аспирант, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, отдел европейстики.

сания представлений о демонах судьбы, бытующих на Балканах, не является ключевой, поэтому автор не останавливается на них подробно (см.: [14. Л. 56–61]).

В рассказах, записанных у албанцев Приазовья, специальных терминов для обозначения демонов судьбы зафиксировано не было. Равно как не было выявлено и единого представления о внешнем облике данных персонажей. По словам различных информантов, будущую жизнь в книгу судьбы записывают трое мужчин («три больших черных мужика» [14. Л. 56]), три женщины в черном, три ангела / человека в белых одеждах или сам Господь (*Парандья*, приаз. алб. *Parandî-ja*).

Несмотря на столь разнообразные представления о внешнем облике этих существ, устойчивой остается вера в предопределенность жизненного пути и судьбы вообще. Исходя из данной позиции, любые события и перипетии в жизни албанцы склонны трактовать как проявление воли высших сил, которые так или иначе зависят от Бога: *Parandîsë puna* (досл. Божья работа), *saj shkrujtjka Parandîja* (досл. сколько написал Бог), *sa llînka dîtë Parandîja, aju ata rrojtë* (досл. сколько дней дал Бог, столько и проживет) – так говорят албанцы и в случае смерти человека.

Помимо предопределения будущей жизни новорожденного, важным моментом, за который также отвечают демоны судьбы, является характер смерти. Какова будет кончина человека – легкая или тяжелая – определяется в начале его жизненного пути, но все же, как правило, она связана с прижизненным отношением индивида к окружающим. По словам информантов, грешники умирают плохо – чувствуют невыносимые боли: *aju ka shumë mukate, antaj ata shumë mundohet der të dal shpirtî* (досл. у него много грехов, поэтому он очень мучается, пока душа выйдет) [8]. В этом случае родные вынуждены разбирать потолок или делать в нем отверстие, чтобы хоть как-то облегчить предсмертные муки: через это отверстие душе легче выйти¹. Иногда случается так, что плохой человек умирает легко (приаз. алб. *lezdî vdit'*), и обществом это воспринимается как несправедливость. Плохим людям желают тяжелую смерть (приаз. алб. *rëndë vdit'*), хорошим же просят у Бога тихого и незаметного отхода в мир иной².

2. Предвестники смерти. Помимо веры в неизбежность и предопределенность той участи, которая была «записана» человеку в первые дни жизни, в системе традиционных представлений при-

¹ Подобные практики хорошо известны, и ареал их распространения столь широк, что ограничить его каким-либо образом не представляется возможным (см.: [18, с. 39; 23, с. 118 и др.]).

² Развернутый анализ оппозиции «плохая – хорошая смерть» см. [1, с. 48–56].

азовских албанцев заметное место занимают различные предвестники смерти, выраженные, прежде всего, в вещих снах и приметах.

Сны к смерти. По словам информантов, основным типом снов, предвещающих смерть того, кто их увидит, являются те, в которых в сновидении приходят ранее умершие родственники. Они могут звать с собой, рассказывать о легкости бытия в ином мире, даже угрожать (приаз. алб. *Sot nok adîñesh, a nesër adîñesh ma mu* – досл. сегодня не пойдешь, а завтра пойдешь со мной). Чтобы сон не сбылся, нужно пойти на кладбище на могилу того человека, который приснился, и помянуть его. Можно также заказать панихиду в церкви или просто поставить свечу за упокой. Визит ранее умершего родственника во сне как предвестник смерти хорошо известен и современным албанцам Балкан, в частности, данное поверье зафиксировано у македонских и косовских албанцев [24, f. 264; 26, f. 201–202].

Помимо снов с участием умерших, приазовские албанцы рассказывают и о других сновидениях, предрекающих смерть собственную или кого-то из близких. Нужно понимать, что перечень снов к смерти, о которых поведали информанты, является далеко не полным из числа бытующих, но и на основании зафиксированного можно сделать некоторые обобщения.

Первая группа предметных снов напрямую связана со смертью и похоронами: во сне являются *намогильный крест, гроб, выкопанная могила*. Тематика второй группы сновидений имеет схожую семантику, хотя образ могилы представлен фигуративно: *вырытая яма, пашня или вспаханное поле*. Данный мотив также известен среди балканских албанцев [26, f. 203]. Помимо этого, к собственной смерти, по словам информантов, может сниться *мост*. В основе третьей группы снов лежит мотив утраты, потери или порчи чего-либо. К смерти снится: как *рубят дерево*, как *выводят бычка со двора*, как *горит дом*, *перепеченный обугленный хлеб*, *выпавшие зубы* или *зубная боль* (причем, если зубы выпадают с кровью, это предвещает смерть кровного родственника). Поверья о последнем сне имеют широчайший ареал распространения и фиксируются в локальных традициях самых различных этнических групп, включая балканских албанцев, болгар, русских и даже памирских исмаилитов [10, с. 229; 22, с. 167; 24, f. 263; 26, f. 203 и др.]. Четвертой группой предсказаний к смерти являются увиденные во сне *золотые украшения, цепочки и бусы*. Одной информантке приснилось, что бусы ей надела умершая бабушка – это было знаком к смерти члена ее семьи. В общем смысле бусы символизируют предстоящее горе и слезы.

В ходе опросов удалось выяснить также несколько предвещающих смерть снов, тематика которых не поддается объединению в группы. Во-первых, к смерти кого-то из близких снится *строительство нового дома* и обмазывание его побелкой. Вероятно, этот

мотив перекликается с метафорой «могила ~ дом», нашедшей отражения в универсальных мифологических представлениях [11, с. 109; 18, с. 139–140; 26, f. 203 и др.]. Во-вторых, к смерти могут сниться *мухи, куриные яйца* или *цыплята*. Албанцы верят в то, что в облике мух могут предстать души покойных, что, возможно, нашло отражение в данном толковании сновидения. Представление о мухе и яйце как ипостаси души после смерти распространено среди славян [29, с. 70–77]. Вероятно, увиденные во сне цыплята или яйца в качестве предвестников смерти соотносятся с представлениями о курице, хтоническая природа которой раскрывается в мифологических сюжетах самых разных традиций [9, с. 143–148].

Информанты говорят, что если приснился один из перечисленных снов к смерти, во-первых, нужно перекреститься со словами: *ku va të nata, lle atî lîndî adei* (досл. *куда идет ночь, туда и сон уходит*), во-вторых, не нужно держать его в себе – лучше рассказать о нем близким, чтобы предсказание не сбылось. Люди, которым поведали о таком сне, старались отговорить увидевшего сновидение и сделать так, чтобы он не принимал ничего всерьез. Если же во сне мучает покойник (т. е. постоянно является в сновидениях и зовет с собой), существует следующий способ избавиться от этих кошмаров. Нужно взять луковицу, пойти с ней на кладбище и посадить вверх корнями на могиле того покойного, который приходит во сне, со словами: «*Когда взойдет этот лук, тогда и ты мне приснишь*» [8].

Приметы к смерти. Вторым классом предвестников смерти, согласно представлениям албанцев, являются приметы, т. е. стечения обстоятельств и непреднамеренные события, истолковывающиеся как знаки, по которым можно узнать о ближайшем будущем. Так, например, если *воет собака*, это верный знак того, что кто-то со двора умрет: собака выводит (выживает) человека из этого дома [7. Л. 36]. Подобное предзнаменование смерти встречается в ряде районов Албании [24, f. 264; 25, f. 337]. Другим предзнаменованием к смерти албанцы считают следующую примету: когда *сыч сидит на трубе* или на крыше дома и кричит. Если в случае первых двух примет такое стечение обстоятельств вполне естественно, то третий тип вестников смерти носит иррациональный характер. К этой группе относятся различные *видения*: образы людей, голоса, стуки, другие посторонние шумы. На эти голоса и шумы ни в коем случае нельзя отзываться, поскольку они могут нести плохую весть.

Отдельной категорией примет к смерти следует считать те, которые актуализируются в контексте погребального обряда. Так, например, по словам ряда информантов, если человек умер с *открытыми* или *приоткрытыми глазами*, это значит, что он с собой кого-то уведет – в скором времени умрет еще кто-то из окружения покойного. Часть опрошенных албанцев утверждает, что если

через покойного *перепрыгнет кошка*, это также приведет к кончине кого-либо из семьи умершего. И, наконец, третьим поверьем с той же семантикой является примета, согласно которой *разбрасываемые* из гроба *цветы* во время движения траурной процессии укажут дорогу на кладбище молодым.

Гадания. Не самым распространенным среди албанцев, но все же заслуживающим упоминания способом узнать о предстоящей смерти являются гадания, которые, например, заключаются в следующем. Знахарка держит сосуд с водой над головой пациента и выливает растопленный воск в воду, сопровождая весь ритуал нашептыванием определенных «молитв» (этот термин используется албанцами применительно к любым заклинаниям). Если воск застывает в воде в виде змеи, змеиной головы, черепа, гроба, креста, то скорая смерть больного неизбежна.

3. Представления о времени смерти. Время для смерти и похорон. Несмотря на веру в фатализм судьбы и предопределенность момента смерти, албанцы Приазовья имеют четкие представления о том, когда хорошо умирать. В основе этих взглядов лежит православный календарь: если человек умирает в один из крупных (прежде всего, двенадесятых) праздников – Пасха, Рождество и т. д., то после смерти его ожидает жизнь праведника. Пасха воспринимается албанцами как главный христианский праздник, а поэтому смерть в этот день считается особенно хорошей и расценивается как показатель безгрешности почившего. Более того, среди албанцев бытуют верования, согласно которым хорошо умереть и в Великий пост, и в последующие сорок дней после Пасхи [15, с. 300–301]. Умерших в праздники албанцы причисляют к категории *и ндэлурэ нары* (приаз. алб. *i ndelurë narī*), т. е. чистых перед Богом, людей без греха. Таким людям гарантировано место в раю.

Несколько иначе обстоит дело с представлениями о похоронах в праздничный день. Если человек умер накануне большого христианского праздника, то его не хоронят на следующий, праздничный, день (как того требует традиция албанцев), а переносят погребение на сутки. Таким образом, очевидна разница в отношении к факту смерти и похоронам в праздничные дни православного календаря. Если смерть в этот период времени маркирует безгрешность усопшего, его сопричастность с Царствием Божьим, то предание тела земле считается делом небогоугодным.

4. Обмирания. Обмирание (замирание) – народное название летаргического сна или глубокого обморока, понимаемого как временная смерть, когда спящий (или его душа) перемещается на «тот свет», общается с обитателями загробного мира, а по пробуждении возвращается в реальную действительность [20, с. 462]. Нарративы об обмираниях представляют огромную ценность как для носителей культуры, так и для исследователей, ее изучающих: первые полу-

чают описания жизни после смерти, что называется, «из первых уст», в расположении вторых оказывается ценный материал для анализа представлений, существующих у изучаемой общности.

Приазовским албанцам незнаком термин «обмирание», описывая произошедшие случаи, они использовали русское слово «сон». На местном говоре фраза «этот человек впадал в состояние летаргического сна» выглядит следующим образом: *aju narî baldîska* или *aju fit bajaldisî*. Информанты рассказывают, что если человек оказывался без сознания, необходимо было проверить у него наличие признаков жизни и положить в одну из комнат дома. От него не отходили, и если человек не приходил в сознание, через некоторое время рядом с ним ставили зажженную свечу – на случай смерти. Очевидно, что обмирание албанцами воспринимается как путешествие живого в потусторонний мир (приаз. алб. *në atë jetë* – досл. в ту жизнь). Примечательно, что в рассказах албанцев о случаях обмирания в селах часто фигурируют числа три и двенадцать для описания продолжительности дней, в течение которых люди находились между жизнью и смертью. Вернувшись с «того света», замиравшие рассказывали односельчанам об увиденном, и эти повествования передавались албанцами в качестве описания того, что каждого ждет после смерти.

Один такой рассказ был записан А.А. Новиком в 1998 г. со слов А.К. Бурлачко (алб., 1940 г.р., с. Георгиевка). Бабушка Анны Кирилловны в двадцать шесть лет впадала в летаргический сон, в котором пребывала двенадцать дней. После этого случая она много рассказывала о своем путешествии, но не все, а только то, что ей было дозволено¹ [13. Л. 71]. Проводником женщины на том свете являлся маленький старичок с длинными седыми волосами по плечи и седой бородой до колен. Этот старичок ходил с посохом. Он-то и запретил ей рассказывать обо всем. Женщина видела многое, но некоторые места для нее были закрыты. Перед ее глазами предстали сцены будущего (голод, война) и страшного суда. Помимо этого, старичок показал и райские красоты, и как в котле со смолой варятся души грешников. Ключевым моментом путешествия является увиденная река – не широкая, но длинная. Это была река из слез женщины, выпланных за четыре года с момента смерти мужа. На другом берегу реки стояли все ее умершие родственники и звали к себе. Женщина хотела пойти к ним, но старичок остановил ее со словами, что она пойдет туда, но позже. Как нетрудно догадаться, проводником по «тому» свету выступал сам Господь (*Парандья*) [13. Л. 69–72].

¹ Мотив запрета на разглашение некоторой части из поведанной на «том свете» информации является одним из устойчивых компонентов подобных повествований [20, с. 464].

5. *Представления о пребывании души в загробном мире.* До сорока дней с момента смерти (а особенно пока тело умершего находится в доме) существует опасность, что его душа не сможет перейти в иной мир и останется в мире живых. Именно поэтому структурой погребального обряда албанцев предусмотрен ряд мер, направленных на недопущение такого развития событий. В частности, с момента смерти человека до сорокового дня в доме держат завешанными все зеркала и отражающие поверхности, чтобы там не осталась его душа¹. После выноса гроба с покойным из дома закрывают входную дверь, а перевернутую посуду, при помощи которой его мыли, ставят в нормальное положение.

По словам информантов, душа умершего за сорок дней после смерти должна пройти сорок комнат, чтобы искупить свои прижизненные грехи, и только после этого идти на поклон к Богу. Подобные представления бытуют также и у греческого населения Приазовья [4, с. 361]. Естественно, сохраняется также поверье, согласно которому в течение сорока дней² душа регулярно посещает свой дом, а также все те места, где человек побывал при жизни.

По мнению некоторого числа опрошенных албанцев, когда душа умершего предстает перед Господом, Он определяет ее дальнейшую участь и отправляет в рай или в ад: *Parandija tî ndrete sil nî ku* (досл. Бог определит, кому куда). Другая часть информантов настаивает на том, что определение места вечного пребывания души состоится на Страшном суде – в конце времен. Тем не менее большинство албанцев, разделяя православную позицию, верят в рай и ад как финальную точку пребывания души человека после его смерти, но затрудняются однозначно сказать, когда определяется участь души. В говоре албанцев Приазовья для понятия «рай» существует лишь одна лексема *raj*. Описательно про людей, заслуживающих вечной жизни в раю, могут говорить: *aju ad birë ni të mirë vend* (досл. он упадет в хорошее место) [8]. Для обозначения понятия «ад» в приазовском говоре албанского языка есть специальный термин *katran*, который сами жители сел переводят как «черная смола». Сцену попадания грешников в ад албанцы описывают следующим образом: на кладбище стоит казан с кипящей смолой, и в этот казан Бог кидает людей [6. Л. 41]. Представления о смоле как субстанции, находящейся под землей, характерны, в том числе, для балканского и отчасти карпатского ареалов [2, с. 33; 12, с. 93–94].

¹ По некоторым данным, в ряде локальных, в том числе балканских, традиций зеркало рассматривалось как прибежище предков, душ людей, когда-либо обитавших в доме [19, с. 86–87].

² Число сорок в погребальной обрядности имеет явно сакральное значение и восходит к мифопоэтическим концепциям глубокой древности.

Согласно другим представлениям албанцев Приазовья, души грешников после смерти будут обречены на вечные скитания – они будут летать над землей и не смогут найти себе места успокоения. Эти поверья отразились в повседневном дискурсе, прежде всего, в виде проклятий. Так, например, своему врагу можно пожелать, чтобы *его душа не нашла в той жизни места* (приаз. алб. *shpirtî mos të vdenë vend ni atë jetë*).

Итак, подводя итог сказанному выше, можно сформулировать следующие положения:

- приазовские албанцы верят в предопределенность судьбы: в момент рождения человека высшие силы определяют время и обстоятельства его смерти;
- непосредственное приближение смерти могут предвещать сны, приметы и гадания, вера в которые устойчиво сохраняется у албанцев;
- при жизни некоторые люди могут посещать тот свет (обмирать) и, таким образом, получать информацию об устройстве потустороннего мира;
- душа человека после его смерти наделена рядом качеств и характеристик, сближающих ее одновременно и с живым организмом, и с существом потустороннего мира.

В качестве заключения хотелось бы отметить, что, несмотря на мощное влияние городской традиции, испытываемое культурой приазовских албанцев в последнее время, изучаемой этнической общности удалось сохранить свою самобытность и инаковость¹ в полиэтничном регионе Приазовья, в том числе посредством актуализации в повседневной жизни представлений о судьбе и смерти. Такая ситуация позволяет надеяться на то, что культура албанских колонистов, живущих вне родных земель уже около пяти веков, будет сохраняться и давать новый материал для этнографического исследования.

Список литературы

1. Виноградова Л.Н. Смерть хорошая и плохая в системе ценностей традиционной культуры // Категории жизни и смерти в славянской культуре: сб. ст. – М.: ИнСлав РАН, 2008. – С. 48–56.
2. Георгиева И. Българска народна митология. – София: Наука и изкуство, 1993.
3. Голант Н.Г. Балканские элементы в мифологических представлениях жителей юго-западной Румынии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 10 / отв. ред. Е.Г. Федорова. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – С. 153–159.
4. Греки России и Украины / сост., отв. ред. Ю.В. Иванова. – СПб.: Алетейя, 2004.
5. Державин Н.С. Очерки быта южно-русских болгар. I. Родинные и свадебные обычаи // Этнографическое обозрение. – 1898. – № 3. – С. 41–62.

¹ О самоназвании и самосознании албанцев Приазовья см. [16, с. 57–76].

6. Ермолин Д.С. Приазовский отряд. Полевой дневник 2008 года. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1851.
7. Ермолин Д.С. Погребально-поминальная обрядность албанцев Приазовья. Полевые записи 2009 года. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1905.
8. Ермолин Д.С. Погребально-поминальная обрядность албанцев Приазовья. Полевые записи 2010 г. Личный архив автора.
9. Зеленин Д.К. Троецыплетница // Зеленин Д.К. Избр. тр.: ст. по духовной культуре. 1901–1913. – М.: Индрик, 1994. – С. 105–150.
10. Колев Н. Българска етнография. – София: Наука и изкуство, 1987.
11. Малинка А.Н. Новогреческие похоронные причитания и представления о загробной жизни // Этнографическое обозрение. – 1898. – №3. – С. 107–112.
12. Морозов И.А., Толстой Н.И. Ад // Славянские древности: Этнолингвист. слов.: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – Т. 1: А–Г. – М.: Междунар. отношения, 1995. С. 93–94.
13. Новик А.А. Приазовский отряд. О материальной и духовной культуре албанцев, украинцев Приазовья. Полевые записи. 1998 г. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1726.
14. Новик А.А. Отчет об экспедиционных исследованиях в Приазовье в июле – августе 2009 г. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1935.
15. Новик А.А. Пасхальные празднества и обряды албанцев Приазовья: По материалам прошлых и новых экспедиций 1998-2009 гг. // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов / отв. ред. С.И. Михальченко. Вып. 12. – Брянск, 2010. – С. 273–302.
16. Новик А.А. Самосознание албанцев Украины: к вопросу этнонима (полевые материалы 1998-2008 гг.) // Материалы полевых исслед. МАЭ РАН. Вып. 10 / отв. ред. Е.Г. Федорова. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 57–76.
17. Седакова И.А. Балканославянские представления о демонах судьбы: трансформации во времени и в пространстве // Время в пространстве Балкан: Свидетельства языка: сб. ст. / отв. ред. И.А. Седакова. – С. 42–63.
18. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М.: Индрик, 2004.
19. Толстая С.М. Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология / отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2000. – С. 52–95.
20. Толстая С.М. Обмирание // Славянские древности: Этнолингвист. слов.: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 462–464.
21. Узенева Е.С. Этнолингвистические материалы с юго-западной Украины // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура: сб. ст. / отв. ред. А.А. Плотникова. – М., 2008. – С. 321–347.
22. Шоинбеков А.А. Традиционная погребально-поминальная обрядность исмаилитов Западного Памира (конец XIX – начало XXI вв.): дис ... канд. ист. наук. – СПб., 2007.
23. Ястребов В.Н. Материалы по этнографии Новороссийского края. – Одесса: Тип. Шт. Одесского военного округа, 1894.
24. Kadishani J. Disa bestyni rreth paralajmërimet të vdekjes në Drenicë // Gjurmime albanologjike. Folklor dhe etnologji. IX – 1979. (Bot. 1980). – F. 262–264.
25. Mehmeti F. Zakone, rite e besime vdekjeje në Kelmend // Etnografia shqiptare. Nr. 9. Tiranë, 1978. – F. 333–358.
26. Sulejmani F. Bestytnitë për vdekjen në Malësinë e Tetovës // Gjurmime albanologjike. Folklor dhe etnologji. 14 – 1984. – F. 201–218.
27. Tirta M. Panteoni e simbolika / Doke e kode në etnokulturën shqiptare. Tiranë: AShSH, 2007.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

УДК 34(47).082/089:316.621

*В. В. Вострикова**

Либеральная концепция формирования гражданского общества в России: от теории к практике (конец XIX – начало XX в.)

В статье рассматривается концепция гражданского общества, разработанная российскими либералами в начале XX в. Показано, что данная концепция включала в себя как теоретическое осмысление феномена гражданского общества, так и программу по его формированию в России. Сущностью программы было создание условий для самореализации личности, однако основная роль в этом процессе отводилась государству.

The article explores the concept of civil society, developed by Russian liberals in the early twentieth century. It is shown that this concept is included as a theoretical understanding of the phenomenon of civil society and its development program in Russia. The essence of the program was to create conditions for personal fulfillment, but the main role in this process was assigned to the State.

Ключевые слова: гражданин, гражданское общество, гражданское равенство, либерализм, местное самоуправление, общественные объединения, права и свободы личности, правовое государство.

Key words: citizen, civil society, civil equality, liberalism, local government, public associations, human rights and freedoms, constitutional state.

Важнейшей составляющей модернизационных процессов в современной России выступает формирование гражданского общества. Отсюда несомненная политико-практическая актуальность обращения к концепции гражданского общества, разработанной идеологами отечественного либерализма в начале XX в. и включавшей в себя как теоретическое осмысление феномена гражданского общества, так и программу по его формированию в России. Данная тема имеет и научно-теоретическое значение, поскольку, несмотря на всплеск интереса к истории отечественного либерализма в последнее

* **Вострикова Влада Владиславовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры. Всероссийский заочный финансово-экономический институт (филиал), г. Орёл.

двадцатилетие, взгляды неолибералов на гражданское общество остаются малоизученными. Более обстоятельное освещение в современной историографии получила программа формирования гражданского общества в России [15, с. 14–70].

В настоящей работе ставится задача анализа сущности, структуры, генезиса гражданского общества в отечественной либеральной мысли начала XX в., а также трансформации данных теоретических воззрений в программу формирования гражданского общества в России.

Зарождение гражданского общества либералы связывали с модернизационными процессами Нового времени, в социальном плане сутью которых было разрушение сословной структуры, установление гражданско-правового равенства.

Последнее было для либералов фундаментом, на котором базируется система прав и свобод личности. Ранжируя данные права, большинство либеральных теоретиков исходили из истории их закрепления в законодательстве. Как указывали мыслители, первым правом, предоставленным личности, была свобода совести, провозглашенная в XVI в. в Англии пуританами и повлекшая за собой утверждение целого ряда других свобод: свободы слова, печати, собраний, корреспонденции [3, с. 535], а также принципа неприкосновенности личности, без реализации которого все прочие свободы оказались бы иллюзией. Исходя из этого, Б.А. Кистяковский считал необходимым поставить неприкосновенность личности по значимости на первое место среди прочих личных прав [7, с. 322]. Вышеперечисленные свободы, а также свобода собственности, передвижения и труда, указывал С.И. Гессен, вошли в перечень субъективных прав, получивших законодательное закрепление в Декларации прав человека и гражданина [3, с. 536].

На протяжении XIX в. произошло дальнейшее расширение прав, способствующих самоопределению личности, причем этот процесс имел количественную и качественную составляющие. Первая, с точки зрения либералов, выражалась в дополнении перечня личных прав и свобод, прежде всего, социально-экономическими правами, которые российские мыслители именовали «правом на достойное существование» (право на образование, социальное обеспечение и т. п.).

Вторая тенденция развития системы гражданских прав виделась неолибералам в расширении рамок прав, уже получивших законодательное оформление. Яркой иллюстрацией этого процесса была демократизация избирательного права, которой либералы придавали особое значение, рассматривая избирательное право как институт, способствующий воспитанию гражданина, сознающего

свою связь с общим государственным делом [16, с. 15], а значит, и важнейший фактор становления гражданского общества.

Процесс развития системы субъективных прав либеральные теоретики считали перманентной составляющей общественного прогресса, предрекая, что «усложняющаяся человеческая жизнь выдвинет в будущем новые свободы, которые будут признаны такими же неотъемлемыми правами человека» [3, с. 539].

Постепенное расширение границ прав и свобод личности составляло для либеральных мыслителей суть процесса формирования и развития гражданского общества, ибо таким образом индивиды обретали все больше возможностей для самоопределения и самореализации. Причем идеологи нового либерализма подчеркивали важную роль государства в этом процессе. «Общество (гражданское – *V.V.*), – писал В.М. Гессен, – возникает и развивается, живет и умирает в той искусственной сфере, которая создается государством, его устройством, его законами, его управлением, внегосударственное общество точно такая же фикция, как внегосударственный индивид» [1, с. 632]. Отсюда либералами делался вывод о том, что государство могло либо способствовать, либо препятствовать становлению и развитию гражданского общества. Во втором случае особое значение имело не просто признание, но реальная гарантия верховенства прав личности, условием которой, в свою очередь, было верховенство права. Для действия на общественно-политическом поприще, подчеркивал Н.И. Лазаревский, граждане должны иметь сознание неприкосновенности своих прав [9, с. 13].

Однако либералы отмечали, что сколь бы ни были значительны правовые усилия государства по формированию гражданского общества, последнее все же не создается по воле власти; наделение индивида гражданскими правами еще не делает его гражданином: оно только создает условия для проявления гражданской активности. Должны произойти изменения в общественном сознании, должен сформироваться гражданин – носитель идеологии прав личности, занимающий активную общественную позицию, который, в свою очередь, будет воздействовать на государство с целью расширения возможностей для самореализации.

Таким образом, в становлении и развитии гражданского общества, по мнению либералов, взаимодействуют две составляющие: государство, посредством права создающее формально-юридические основания, способствующие институционализации структур гражданского общества, и субъективный фактор в виде политической и правовой культуры, выступающей одновременно и индикатором развитости гражданского общества.

Либеральные мыслители отмечали длительность и сложность процесса трансформации традиционного общества в гражданское, его зависимость от целого ряда факторов: специфики государственно-правового развития, социальной структуры, системы образования и т. д. «Трудно думать, – писал М.М. Ковалевский, – что веками созданные привычки правительственной опеки и пристрастие по крайней мере некоторых слоев населения к историческому прошлому могли быть искоренены сразу, хотя бы и революционным путем. Прошлое дает себя знать и в своеобразной организации партий и в большем или меньшем значении, какое сохраняет в обществе – где дворянство, где чиновничество и войско, а где нередко и все эти более или менее корпоративные организации. Прошлым обуславливается и степень проведения в местную жизнь начала общественной самодеятельности, а соответственно и сумма влияния и власти, удерживаемая бюрократией» [8, с. 23]. Данное высказывание свидетельствует об осознании российскими либералами того, что гражданское общество может выступать в различных национальных формах, с разной степенью зрелости. Вместе с тем они всячески подчеркивали универсальность данного феномена как такового, его имманентность общественному прогрессу.

Анализ представлений отечественных либеральных идеологов о генезисе гражданского общества показывает, что в структуре последнего для них базовым элементом выступал гражданин, неотъемлемым качеством которого было стремление к общественной деятельности, под которой подразумевалась любая деятельность, приносящая обществу пользу, содействующая духовному, политическому, социально-экономическому прогрессу. Следует отметить, что важнейшим условием формирования такого гражданина либералы считали частную собственность, ибо она пробуждает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу, дает человеку чувство уверенности, собственного достоинства, тем самым возвращая чувство гражданской самостоятельности. «Собственность есть материальное поприще личности, основа личного хозяйственного и вообще культурного творчества, как бы продолжение личности в вещах», – писал С.И. Гессен [4, с. 84].

В качестве средства для реализации присущей индивидам потенции общественной деятельности и элемента гражданского общества либеральные мыслители рассматривали общественные организации, движения, союзы – добровольные, самоуправляющиеся и надлежащим образом оформленные объединения, занимавшиеся совершенствованием различных сфер жизни. «Для произведения социального результата необходима комбинация ин-

дивидуальных сил», – указывал П.И. Новгородцев [11, с. 133]. Следует отметить, что идея правовой регламентации функционирования общественных союзов как в плане защиты их прав, так и в отношении пресечения их деятельности, несовместимой с принципами свободы личности, общего блага, стала одним из теоретических достижений нового российского либерализма.

Особой разновидностью союзов либералы считали политические партии, включая их в число институтов гражданского общества, действующих в специфической сфере – сфере политического участия. По мнению идеологов отечественного либерализма, политические партии – «необходимое условие и признак здоровой политической жизни народа», механизм, обеспечивающий возможность различным общественным силам открыто отстаивать свои взгляды, вводящий политическую борьбу в цивилизованное русло [14, с. 147]. Как общественный союз рассматривалась и церковь при условии отделения ее от государства.

Неотъемлемым элементом гражданского общества для либералов начала XX в. были органы местного самоуправления, обладающие самостоятельностью, без которой, отмечал В.М. Гессен, последние превращаются в разновидность чиновничьего присутствия [2, с. 32]. Отсюда позиция центральной власти по отношению к органам местного самоуправления должна заключаться не в том, чтобы распоряжаться ими и повелевать, а в надзоре за законностью их действий. Вместе с тем, либеральные идеологи были сторонниками государственной теории самоуправления, согласно которой решение местных проблем необходимо гармонизировать с государственными интересами в целом [2, с. 123].

Важнейшим способом артикуляции гражданским обществом своих интересов, инструментом его влияния на государство идеологи либерализма считали общественное мнение. Только общественное мнение, настаивали они, есть, с одной стороны, сила, способная заставить власть имущих вести действенный диалог с обществом, а с другой – необходимое условие их сотрудничества, ведь для проведения политического курса на разрешение насущных общественных проблем власть, по меньшей мере, должна их ясно услышать. К основным легальным формам выражения общественного мнения причислялась пресса, а при усиленной цензуре и литература в целом, референдум, парламентские выборы и само народное представительство, причем последнее рассматривалось как орган кристаллизации общественного мнения из совокупности разнородных и часто противоречивых интересов различных социальных групп.

Таким образом, в либеральной мысли России начала XX в. гражданское общество понималось как совокупность организованных субъектов, складывавшаяся из деятельности отдельных индивидов, обладающих гражданскими правами и свободами, а также из взаимодействия организованных групп, объединений, учреждений, органов местного самоуправления и других общественных формирований. Либералы обозначили ряд измерений гражданского общества: правовое, политическое и социально-экономическое.

В либеральной теории гражданское общество выступало в качестве самостоятельного, но тесно связанного с правовым государством института. Без зрелого гражданского общества, настаивали либералы, невозможно построение правового демократического государства, поскольку именно сознательные свободные граждане способны создавать наиболее рациональные формы человеческого общежития. При этом отечественные мыслители начала XX в. могут быть причислены, скорее, к сторонникам этатистской модели взаимосвязи государства и гражданского общества, разработанной в Германии в XIX в. и основанной на идее особой роли государства, когда государственная власть определяет способ и порядок обеспечения каждого человека гражданскими правами и свободами.

Теоретические изыскания либералов по проблеме гражданского общества стали научным фундаментом для разработки программы формирования гражданского общества в России, выступавшего в качестве важной составляющей либеральной модели переустройства страны. Причем проблема создания гражданского общества актуализировалась по мере осознания либералами нежелания власти проводить ускоренную политическую модернизацию.

Разрабатывая программу формирования гражданского общества, либеральные идеологи отмечали, что первые шаги в этом направлении были сделаны в период Великих реформ. «Смысл всех преобразований» эпохи, – утверждал С.А. Муромцев, – заключался в возбуждении самодеятельности общества» [10, с. 5]. Поддержать и развить эту тенденцию призван был комплекс мер, среди которых приоритетная роль отводилась мерам правового характера. Такой подход непосредственно вытекал из анализа либеральными теоретиками процесса становления гражданского общества в западных странах, который наглядно демонстрировал, что хотя гражданское общество создается через формы самоконституирования и самоорганизации, но институционализируется оно посредством законов, особенно законов о правах личности, которые стабилизируют социальную дифференциацию.

Среди законодательных актов такого рода первоочередным либералы считали установление гражданского равенства, отмечая

особую значимость данной реформы для российского общества, социальная структура которого сохраняла немало пережитков феодального периода, включала в себя множество социальных групп по самым различным основаниям, имевших неравный правовой статус.

Идеологи либерализма ясно осознавали, что установление гражданского равенства в России потребует пересмотра всей системы законодательства. Это нашло практическое отражение в «Основных положениях законов о гражданском равенстве», представленных кадетской фракцией в I-ю Государственную думу и предполагавших разработку четырех разрядов законопроектов: по отмене ограничений по национальному, религиозному и половому признакам, а также всех сословных перегородок между крестьянством и дворянством.

Наряду с гражданским равенством роль своеобразного правового фундамента для пользования гражданами правами и свободами составлял принцип неприкосновенности личности, ибо, как подчеркивали либералы, ни в одной европейской стране личность «более не терпит от посягательств на нее со стороны администрации» [5, с. 36]. Базовым тезисом законопроектов о неприкосновенности личности, разработанных кадетскими правоведами и представленных в 1-ю и 2-ю Государственные думы, стала передача права по ограждению неприкосновенности личности от прокурорского надзора судам. В либеральной программатике закрепились также требования свободы слова, собраний, союзов.

Дискуссионным в либеральной среде был вопрос о включении в перечень личных прав избирательного права. Это требование отстаивали кадеты, рассматривавшие его как механизм реализации гражданского равенства в политической сфере. Напротив, либеральные политики, представлявшие центр и консервативное крыло либерализма, не считали, что получение личных прав влечет автоматическое обретение политических прав в полном объеме, что на практике вело к устранению от выборов в нижнюю палату народного представительства женщин [12, с. 38].

В условиях низкого уровня благосостояния большинства населения России безусловно необходимым, по убеждению либералов, было дополнение системы субъективных прав правами социальными, обозначенными как «право на достойное существование», что нашло непосредственное отражение в программных требованиях по рабочему и аграрному вопросам.

Сознательному пользованию гражданами предоставленными им правами и свободами должна была способствовать система мер по развитию народного образования, включавшая введение всеобщего, бесплатного, обязательного обучения в начальной школе;

увеличение числа средних и высших учебных заведений, снижение в них платы за обучение; установление преемственности обучения; устройство органами местного самоуправления образовательных учреждений для взрослого населения; развитие профессионального образования и т. д. [13, с. 333, 347, 353, 361].

В процессе формирования гражданского общества в России важную роль либеральные идеологи отводили развитию местного самоуправления, ибо последнее рассматривалось ими как институт, способствовавший становлению гражданского общества «снизу», как своеобразная школа общественной деятельности, призванная содействовать пробуждению общественного мнения.

По убеждению либералов, необходимо было развивать местное самоуправление в форме земско-городских органов, наиболее адекватной российским условиям. Основными направлениями реформы земств были: распространение их на всю территорию империи, демократизация системы выборов в земские учреждения, расширение их компетенции, но, главное, создание мелкой земской единицы.

Неотъемлемой составляющей формирования гражданского общества в России выступала трансформация политической и правовой культуры населения в плане утверждения в ней в качестве доминанты либеральных и демократических ценностей, ибо, как утверждалось в программе «Союза 17 октября», от «степени сознательности, с которой население отнесется к осуществлению дарованных ему прав», зависит «самая судьба... политической реформы» [13, с. 347]. В практическом плане предполагалась система мер по преодолению правового нигилизма как в сознании масс, так и в сознании бюрократии.

Подводя итог, следует отметить, что сущностью либеральной программы формирования гражданского общества в России было становление его необходимого элемента – свободной, сознающей собственную самоценность личности. Это был тип «правовой личности» – «личности, дисциплинированной правом и устойчивым порядком, ...наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими» [6, с. 115]. В процессе формирования гражданского общества ключевая роль отводилась государству, призванному создать для этого необходимые правовые условия. Причем новые социальные функции государства, заключающиеся в обеспечении условий жизни, не унижающих человеческое достоинство, по сути, сближали его с гражданским обществом, отчасти преодолевая антитезу между ними.

Список литературы

1. Гессен В.М. Общество // Энцикл. слов. Репринтное воспроизведение / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – М., 1991. – Т. 42.
2. Гессен В.М. Губернатор как орган надзора // Гессен В.М. Вопр. местного самоуправления. – СПб., 1904.
3. Гессен С.И. Политическая свобода и социализм // Гессен С.И. Избр. – М., 2010.
4. Гессен С.И. Проблемы правового социализма // Там же.
5. Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы. 1905–1907 гг. / под ред. Н.И. Астрова, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Муромцева, П.И. Новгородцева и кн. Д.И. Шаховского. – СПб., 1907.
6. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910 гг. – М., 1991.
7. Кистяковский Б.А. Государственное право: общее и русское: лекции, читанные в Моск. коммерч. ин-те в 1908/1909 гг. – М., 1908.
8. Ковалевский М.М. Общее конституционное право. – СПб., 1908.
9. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. – СПб., 1908.
10. Муромцев С.А. Статьи и речи. В области политики и публицистики (1880-1910). – М., 1910. – Вып. 5.
11. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. – М., 1909.
12. Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. – М., 2002.
13. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. – М., 1995.
14. Селезнева Л.В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. – Ростов н/Д, 1995.
15. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. – М., 1996.
16. Шершеневич Г.Ф. Народные представители. – Казань, 1905.

О некоторых проблемах типологизации черносотенных организаций как политических партий

В статье рассматриваются проблемы, связанные с типологизацией черносотенных организаций в России начала XX в. как политических партий. Автор приходит к выводу о невозможности отнесения черносотенных организаций к разряду политических партий в связи с отсутствием у них главной черты политической партии – стремления к обладанию государственной властью и участия в ее осуществлении. Черную сотню можно классифицировать как православное религиозно-политическое движение, объектом охранения которого выступали основы исторической русской цивилизации – православие, самодержавие, народность.

The article covers problems connected with classification of Black hundred's organizations in Russia in the beginning of the XX century as political parties. The author comes to a conclusion that it is impossible to attribute extreme right to political parties because of absence of characteristic feature – aspiration for possession and implementation of the government. It is reasonable to regard Black hundred as Orthodox political movement which defend foundations of historical Russian civilization – Orthodoxy, autocracy, nationality.

Ключевые слова: черная сотня, крайне правая идеология, политическая партия, самодержавие, консерватизм, традиционализм, базовые ценности русской цивилизации.

Key words: Black hundred, extreme right ideology, political party, originality of Russian civilization, conservatism, traditionalism, basic values of Russian civilization.

Организационное оформление черносотенных союзов на общественной арене России после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. позволило структурировать и институализировать участие консервативно настроенной части российского общества в политическом процессе. Несмотря на то, что черносотенные организации имели внешние признаки политических партий (программы, уставы, руководящие органы, сеть местных организаций и т. п.), марксистская и либеральная системы типологизации политических партий, имея достаточно широкий арсенал критериев (социальная опора, идеологический облик, принципы организации и др.), наталкивались на определенные трудности при анализе крайне правых объединений.

* **Размолодин Максим Львович**, кандидат исторических наук, УФСБ РФ по Ярославской области.

Современными исследователями крайне правого движения признано, что черносотенцы имели опору во всех слоях общества, классах, социальных и профессиональных группах [5, с. 69–104; 8, с. 40–60; 14, с. 86–119]. Поэтому применение использовавшегося в советской историографии классового подхода не дает возможности классифицировать правомонархические союзы только как организации, представлявшие интересы отдельных классов (например, помещичьи, буржуазные, пролетарские, крестьянские) или отдельных социальных слоев и групп (например, интеллигенции или мелкой буржуазии).

Уходя корнями в русский консерватизм, крайне правая система взглядов заимствовала оттуда следующие социально-культурные ценности: православие, народ, семья, мораль, закон, порядок, традиция, государство, власть, иерархия, собственность, безопасность. В отличие от либеральных индивидуалистических доктрин характер этих ценностей подчеркивал примат целого над частным, приоритет коллективистских начал над индивидуалистическими, неприятие разделения общества, стремление обеспечить единение и согласие на базе традиционных ценностей. В признании ценности общества-коллектива черносотенная идеология была схожа с социализмом, но кардинально ее отличало утверждение религиозно-духовных принципов, интегрировавшихся в такие основополагающие ценности, как религия, родина, община, нация, общее прошлое, общая судьба и т. п.

Черносотенцы рассматривали народ и государство как живой организм с хорошо отлаженным механизмом социального регулирования, в рамках которого монарх выступает выразителем общенациональных интересов, а не какой-либо партии или группировки. Идея социального единства, воплощенная в понятиях «русская народность» и «патриотизм» как высший принцип единства личностного (индивидуального) и государственного, являлась неотъемлемым элементом черносотенной идеологии. Единство нации и государства, вытекавшее из исторического опыта выживания и самосохранения России в непростых геополитических условиях, должно было и в будущем обеспечить стабильность общества и его основополагающих ценностей.

Всесословный характер организаций давал идеологам черной сотни основание утверждать надпартийный (или внепартийный) формат их союзов как выражающих интересы всех слоев общества. Следуя базисной установке консерватизма по защите христианской традиции, крайне правые призывали к объединению нации на православных началах, которые секулярным сознанием воспринимались лишь как умозрительная религиозная утопия. Именно религиозно-культурное единство, обусловленное общенациональ-

ным согласием, и должно было стать основой единения русского народа, который рассматривался как сплоченная семья, а не разделенное на классы, партии и группы образование. Данную мысль в концентрированном виде выразил В.А. Грингмут, утверждавший, что «Союз русского народа не какая-нибудь партия – он есть не что иное, как сам русский народ, объединившийся в общий многомиллионный союз на защиту своей церкви, своего царя и своей Родины».

Широкое представительство различных социальных групп в крайне правых организациях обусловило масштабы их численности, которая превышала количество членов всех политических партий России вместе взятых. Комплексный анализ источников позволяет установить, что в момент наивысшего расцвета черной сотни, приходившегося на 1907–1908 гг., в рядах монархических организаций состояло более 400 тыс. членов [14, с. 140].

Однако наиболее трудный вопрос возникает в связи с отсутствием у черносотенных союзов основных черт политических партий, что проявлялось в отказе от борьбы за власть, стремлении к общегосударственному единению, служении общегосударственным интересам. Действительно, исходя из общепринятого определения политической партии как организованной группы единомышленников, представляющей интересы части народа, следует ее основная задача – завоевание и удержание государственной власти, участие в ее осуществлении. «Всякая политическая партия – случайное и временное собрание единомышленников-заговорщиков для обсуждения, каким способом вести осаду государственной власти, чтобы вернее и крепче захватить в свои руки», а также «как бы урвать лучший кусок государственного пирога, остатки которого пойдут на кухню толпе», – давало свое определение партии в феврале 1911 г. «Русское знамя» [10].

Крайне правые громогласно объявили, что их организации стоят вне «всяких политических партий и выше всякой партийности» и отказались от борьбы за власть. Пытаясь уйти от использования взятого из западного политического лексикона слова «партия», они именовали свои объединения «союзами», «братствами», «обществами» и т. д. В январе 1911 г. «Русское знамя» заявило, что СРН не признает себя партией, так как является выразителем интересов подавляющего большинства русского народа [11]. С этой точки зрения черная сотня выступала как национальное единение русских без различия статуса (в отличие от классового разъединения партий). Себя крайне правые позиционировали как «опору престола» [7]; «доблестных сынов Отечества, объединившихся и открыто составших на защиту основ русской государственности: православия и самодержавия, которым угрожала во время революции смертельная опасность» [12]; «СРН – это объединяющийся для борьбы со свои-

ми внутренними врагами весь русский народ. Как хозяин и устроитель земли русской» [10].

Утверждая непартийный характер своего движения, крайне правые доказывали это следующими тезисами.

Во-первых, стремлением черной сотни к объединению русских людей (а не разъединению). Еще в самом начале своего пути, в 1906 г., руководители СРН заявили, что в противоположность всем политическим партиям Союз русского народа представляет именно то, что заключается в смысле слов его названия и «имеет целью объединить всех честных русских людей, верных долгу и присяге, во имя тех именно начал, на которых созидалось, росло и крепло великое и сильное государство Российское и которые, даже помимо Союза, по долгу присяги обязан свято чтить и охранять всякий верноподданный русский гражданин» [1. Оп. 2. Д. 1. Л. 677].

Исходя из данного посыла, задача лидеров патриотических союзов состояла в том, чтобы «уловить совершающийся перелом мысли и чувства в народных массах ...и не дать заглохнуть и растаять восторженному патриотическому чувству народа и ввести его в твердые границы, обеспечивающие его правильный рост и дальнейшее прочное развитие», – заявлялось в воззвании Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела [6].

Во-вторых, стремлением черной сотни к укреплению государства (не его разрушению в угоду политическим амбициям). В «Задачах русского монархизма» декларировалась цель не завоевания политической власти, а укрепление государственности: «основной миссией монархизма является содействие благому устройению Государства, в смысле развития во всех отношениях его полной мощи, пристойной Великой империи и ее национальному гению» [9, с. 4].

С этой точки зрения цель черносотенных организаций состояла в мобилизации населения на защиту национальных устоев и в противодействии разрушению их либеральными и революционными партиями. СРН в распространенном в 1906 г. обращении заявлял, что «не стремится искусственно изменить исторически сложившийся на Руси государственный строй». Напротив, он желает направить течение государственной жизни России в то «историческое, самобытное русло, из которого она была искусственно выведена Петром Великим двести лет тому назад» [3. Кор. 46/1. № 1100/28].

В-третьих, развитием общегражданских добродетелей (патриотизма, нравственности, уважения к самобытным истокам Руси). Позиционируя себя как общенародное объединение и в широком смысле слова отождествляя себя со всей русской нацией, черносотенцы видели задачу своих организаций в нравственном воспитании народа в духе христианства и русского монархизма, что позволило

бы в условиях единения и согласия преодолеть общенациональный кризис. В частности, в обращении Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела в марте 1908 г. заявлялось: «Будить чувство национального самосознания в народной массе, не давать забывать ей, кто ее враги, как бы они ни притихли в силу обстоятельств, укреплять в русском народе уверенность в его мощи, основанной на сплоченности отдельных единиц, связанных любовью к исконным созидательным началам родной земли» [6].

Отказываясь от борьбы за власть, крайне правые подчеркивали задачу борьбы с самой партийной системой. СРН выступал за уничтожение «искусственно созданного» разделения народа на враждебные друг другу партии, что воспринималось черносотенными идеологами как целенаправленный раскол общества. Газета «Русское знамя» наивно полагала, что «...существование в государстве политических партий, этого неопишуемого зла, от гнета которого изнемогают все народы Западной Европы и которое, вопреки здравому смыслу, насильно было навязано и нам, само собой прекратится, не имея под собой почвы» [13]. Враждебное отношение к партийности черносотенцы сохраняли на протяжении всего периода существования их союзов.

Не вносит ясность в решение вопроса о типологизации черносотенных организаций и применение методологии М. Дюверже [4] по принципам организации. В рядах черносотенного движения были организации двух типов: кадровые (сформированные «сверху» на базе групп давления, ориентированные на лоббирование интересов консервативной части элиты) и массовые (сформированные «снизу», с возможным участием профессиональных политиков, как правило, артикулирующих интересы определенных социальных слоев). К объединению, строившемуся по кадровому принципу, можно отнести Русское собрание, типичным образцом массовой организации стал Союз русского народа.

Несмотря на то, что черносотенцы принимали активное участие в выборах в Государственную думу, их нельзя отнести к прагматическим, или так называемым избирательным партиям, которые ставят своей целью мобилизацию возможно большей части электората для победы на выборах и выполнение обещаний конкретным социальным группам и классам. Отказ от парламентского формата своих организаций был официально закреплен в партийных документах: «Союз русского народа не представляет собой какой-либо предвыборной партии: задачи его гораздо шире, цели его неизменно выше и основы его несравненно глубже» [2. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 1. Л. 231].

К оценке черной сотни более применим подход с точки зрения идеологического облика, поэтому они относятся к идейно-

политическим, или так называемым мировоззренческим, объединениям, которые в своей деятельности руководствуются определенными идеологическими принципами. Если же воспользоваться классификацией, предложенной З. Ньюменом, то черносотенные организации можно отнести к доктринальному типу, в деятельности которых доминировала защита чистоты своих идеалов и принципов.

Анализ деятельности черносотенных организаций на политической арене России начала XX в. показывает, что, несмотря на наличие у них всех внешних признаков политической партии (программы, уставы, партийные методы работы), однозначно отнести их к разряду партий не представляется возможным по следующим причинам. Во-первых, отсутствие у них главной черты политической партии – стремления к обладанию государственной властью и участия в ее осуществлении. Во-вторых, черносотенная идеология не являлась классовой идеологией, поскольку отражала универсальные христианские мировоззренческие ценности и обширный спектр стереотипов социально-исторического мышления, что обусловило ее всесословный характер.

Исходя из вышеизложенного, черную сотню можно классифицировать как православное религиозно-политическое движение, определившее принципы самоорганизации традиционалистской части населения в условиях постепенного разрушения православно-самодержавной монархии, угроз главенствующим позициям РПЦ и целостности страны. Объектом ее защиты выступали основы исторической русской цивилизации, а не западные секулярные модели реформирования страны. Широкая социальная база и исключительно быстрая мобилизация, помогли черной сотне стать серьезной политической силой, что позволило условно типологизировать ее как форму русского национально-освободительного движения, выступавшего против внутренних врагов: порожденной петровскими реформами антинациональной (космополитической) бюрократии и являвшихся трансляторами различных западных концепций переустройства общества либерального и революционного лагерей.

В полной мере черносотенцев нельзя отнести к реакционным объединениям, ориентировавшимся на частичный или полный возврат к доманифестному строю, так как абсолютистская монархия была далека от их идеала, несмотря на собственное позиционирование быть «опорой престола». Это не позволяет сделать и наличие серьезных программ крайне правых организаций по рабочему, крестьянскому и иным социальным вопросам. С другой стороны, черносотенцев нельзя в полной мере квалифицировать как ситуативно-консервативные организации, стремившиеся сохранить сложившийся постманифестный строй. Будучи критически настроенными к существующей абсолютистско-бюрократической системе власти и не

признавая Госдуму как государственный законодательный орган, черносотенцы ориентировались на серьезные преобразования в сторону своего патриархального идеала «единения царя с народом».

Черную сотню можно определить как консервативно-реформистское движение, ориентировавшееся на серьезные преобразования в сторону возрождения поврежденных в ходе реформ XVIII – начала XX вв. исторических основ русской цивилизации, восстановление принципа допетровского самодержавия «единения царя с народом» и возвращение национальной политической традиции. Крайне правые были вынуждены защищать абсолютистскую монархию как меньшее зло по сравнению с универсалистскими западными концепциями, игнорировавшими национальные особенности страны. Опора на противоположные по своим классовым устремлениям традиционалистские социальные слои привела к бесконечным расколам в черносотенном движении и затем, по мере дискредитации в общественном сознании православно-монархической идеи, к организационному краху правых.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116.
2. ГАРФ. Ф. 102.
3. Государственная Общественно-Политическая библиотека. Отдел редкой книги.
4. Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. – М.: Академический Проект, 2000.
5. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. – М., 2001.
6. Колокол. – СПб. – 1908. – № 642. Приложение.
7. Прямой путь. – СПб. – 1913. – Вып. III (март).
8. Размолодин М.Л. О консервативной сущности «черной сотни» / под ред. проф. Ю.Ю. Иерусалимского. – Ярославль: Ньюанс, 2010.
9. Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. – М., 1914.
10. Русское знамя. 1911. 4 февр.
11. Русское знамя. 1911. 20 янв.
12. Русское знамя. 1907. 2 дек.
13. Русское знамя. 1907. 23 февр.
14. Степанов С.А. Черная сотня в России. – М., 2005.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 338(091)(470+571)«1894/1914»:631.17

*В. В. Шевлякова**

Передовые сельскохозяйственные технологии конца XIX – начала XX в. и их пропаганда российской периодической печатью

Во второй половине XIX в. сельское хозяйство оставалось основной отраслью экономики России. В статье показана роль сельскохозяйственных журналов и газет в пропаганде и распространении новых технологий в животноводстве.

Agriculture was the main sector of Russian economy at the end of the 19th century. The author of the article describes the role of agricultural magazines and newspapers in the promotion and widespreading of new technologies in livestock sector.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственные машины, сельскохозяйственная печать, агротехника, сельскохозяйственная культура, ферма, животноводство, земство, достижения народного (сельского) хозяйства.

Key words: agriculture, agricultural machines, agricultural print, agricultural engineering, agricultural crops, farm, livestock sector, zemstvo, achievements in national (agriculture) economy.

Во второй половине XIX в. сельское хозяйство оставалось основной отраслью экономики России. Поэтому в конце XIX в. российским правительством были приняты организационные меры, направленные на стимулирование передовых методов ведения сельского хозяйства. В 1894 г. Министерство государственных имуществ было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ, главной задачей которого определялось улучшение состояния аграрной отрасли.

Одновременно укреплялась система разнообразных учреждений в области сельского хозяйства: расширялась деятельность Вольного экономического общества, усилилась работа земств, увеличилась сеть сельскохозяйственных высших и средних учебных заведений. Активнее стали внедряться различные машины, приспособления, оборудование. Большую роль в распространении новей-

* **Шевлякова Валентина Владимировна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

ших технологий в сельском хозяйстве играли специализированные журналы, издававшиеся в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX в. Это, прежде всего, известные специализированные издания: «Северное хозяйство»; «Крестьянское хозяйство»; «Деревня»; «Хуторское хозяйство»; «Сельский хозяин».

Цель работы – показать, как новые технологии в сельском хозяйстве России пропагандировались периодической печатью.

Вторым компонентом крестьянского хозяйства после полевого хозяйства было животноводство, без которого не могло вестись и само земледелие, причем в отдельных районах животноводство приобретало преимущественное значение [1, с. 142].

В северных регионах страны из-за климатических условий короткого вегетационного периода, обильных дождей производство зерновых культур было затруднено. В отличие от северных в южных губерниях затраты на производство хлеба были намного меньше. Эти причины вели к распространению и увеличению травосеяния и пропаганде правильной постановки молочного животноводства в регионе [16, с. 97].

А.А. Калантарь, член Департамента земледелия и государственных имуществ, на страницах журнала «Северное хозяйство» назвал проблемы, существующие в молочном животноводстве. По его мнению, для уменьшения затрат на производство молока и получения прибыли необходимо правильно организовать кормление скота и уход за ним. Составление рационов по удоям и кормление скота по группам в значительном большинстве хозяйств отсутствовало и являлось главной причиной увеличения себестоимости молока [17, с. 59].

Для пропаганды новых технологий в молочном животноводстве на страницах журнала «Северное хозяйство» описывалась деятельность лучших передовых хозяйств Санкт-Петербургской губернии.

Вот, например, что писали о молочной ферме имения Лисий Нос графа А.В. Стенбок-Фермор. Молочный скот в этом имении не выращивался, а покупался. Выбраковке подлежали коровы, имеющие среднегодовой надой ниже 200 ведер. Среднегодовой надой составлял 3707 бутылок на голову. В хозяйстве применялся летний и зимний рацион кормления. Затраты на одну корову в год составляли 21 руб. 88 коп., а прибыль – в среднем 296 руб., 60 коп. Каждая корова давала чистую прибыль в 40 руб. [3, с. 210].

Имение Приютино г. Краузе располагалось вблизи Санкт-Петербурга. Для увеличения надоев молока при наименьших затратах Краузе ввел двухкратное доение и индивидуальное кормление коров. Экономия в кормлении составила 5 %. Краузе 10 лет работал в области молочного животноводства и достиг хороших результатов, от одной коровы в год получали 239 ведер молока. По мнению

автора статьи А. Гиплера, хозяйство г. Краузе представляло пример интенсивного его ведения. Несмотря на большие издержки производства, оно приносило доход, чистая прибыль от которого составляла 1884 руб. С одной головы скота чистый доход был в среднем 29 руб. 54 коп. [4, с. 186].

К инструктору А. Гиплеру обратился член Северного сельского общества Ф.С. Голицын с просьбой изучить состояние молочного стада имения и выяснить причины плохого некачественного производства масла. А. Гиплер в журнале «Северное хозяйство» дал рекомендации, которые включали: увеличение посевов корнеплодов; необходимость произвести выбраковку скота [5, с. 23].

В статье «Из поездок инструктора» журнала «Северное хозяйство» А. Гиплер приводит отчет по состоянию молочного животноводства в Санкт-Петербургской губернии. Более или менее правильная отчетность по животноводству велась только в трех хозяйствах. В одиннадцати хозяйствах ограничились пробными надоями два раза в месяц и велась случайные записи. Только в одном «Приютине», пишет он, велась правильно и постоянно учет производства молока, что давало возможность производить вовремя выбраковку скота.

К сожалению, признает автор статьи, вполне охотно были приняты его указания только в восьми хозяйствах, администрация которых сама шла навстречу, понимая важность молочного животноводства для северных регионов страны [6, с. 13].

А. Гиплер считал, что для улучшения молочного животноводства в северных регионах страны необходимо следующее: правильный отбор молочного скота; достаточная обеспеченность кормами; групповое и индивидуальное кормление скота; правильная дойка [7, с. 25].

Таким образом, А. Гиплер, исследуя животноводческие хозяйства Санкт-Петербургской губернии, на страницах журнала «Северное хозяйство» проводил расчет рентабельности хозяйств, а также давал советы по увеличению продуктивности скота.

В статье О. Налетова «Несколько слов о маслоделии» сообщалось, что на развитие маслоделия в Санкт-Петербургской губернии в 1903 г. было выделено 3000 руб., кроме того, были направлены финансовые средства для обучения крестьян производству масла на промышленной основе [9, с. 21].

Журналом «Северное хозяйство» описывались и новые способы кормления молочного скота, применяемые в Западной Европе и получившие распространение в России.

А. Калантарь в журнале показал датский способ кормления молочного скота, указав на его выгодность [15, с. 45]. Инструктор Се-

верного сельскохозяйственного общества Я.Г. Рабба подробно описал доение молочного скота [21, с. 15].

А.Д. Юрмалиат, инструктор Северного сельскохозяйственного общества, в ряде статей под названием «По вопросу о выращивании телят на племя» показал различные способы выращивания молодняка, указав финансовые затраты по каждому предлагаемому способу выращивания [40, с. 65].

В 1911 г. Северным сельскохозяйственным обществом по примеру прошлых лет были проведены курсы по скотоводству и молочному животноводству. А.Д. Юрмалиат в статье «Из деятельности северного сельскохозяйственного общества» сообщал, что комиссия по скотоводству и молочному делу четвертый год проводит для крестьян трехнедельные курсы по молочному делу. Курсы приобрели широкую популярность среди крестьян. Земства и сельскохозяйственные общества были заинтересованы в проведении таких же курсов у себя в губерниях и уездах [38, с. 29].

В 1910–1911 гг. курсы были проведены в следующих населенных пунктах:

- Новгородской губернии, Крестецком уезде, с. Александрово;
- Санкт-Петербургской губернии, Царскосельском уезде, д. Шагино;
- Санкт-Петербургской губернии, Лужском уезде, д. Хлупино;
- Псковской губернии, Великолукском уезде им. «Жегалово»;
- Псковской губернии, Псковском уезде, д. Трудище.

После проведения этих курсов на местах возникали различные кооперативы, такие как: контрольные союзы по скотоводству, маслодельные артели, товарищества по сбыту молочных продуктов. В 1911 г. функционировали следующие контрольные союзы:

- Дудергофский Царскосельский уезд Санкт-Петербургской губернии;
- Шушарский Царскосельский уезд Санкт-Петербургской губернии;
- Рябовский Шлиссельбургский уезд Санкт-Петербургской губернии;
- Струго-Бельский Лужский уезд Санкт-Петербургской губернии.

Все эти контрольные союзы находились под надзором комиссии по скотоводству и молочному хозяйству. В каждом контрольном союзе имелся свой специалист контроль-ассистент, проживавший на месте [39, с. 29].

В журнале «Северное хозяйство» сообщалось о результатах деятельности контрольных союзов. Инструктором Северного сельскохозяйственного общества К. Розилект в статье «Рябовский контрольный союз – некоторые результаты его деятельности» была

показана работа контрольного союза. Организован союз был в 1909 г. и находился в Шлиссельбургском уезде Санкт-Петербургской губернии. Деятельность союза была направлена на то, чтобы под руководством контроль-ассистента, посещавшего периодически каждое хозяйство, установить правильное кормление и уход за скотом, вести в хозяйствах записи по молочному делу, а также обратить внимание хозяев на подбор племенных животных и выбраковку убыточного скота на основании правильных записей.

В хозяйствах, входивших в контрольный союз, контроль-ассистентом был введен датский способ составления кормовых рационов как наиболее простой и доступный для крестьян. Контроль-ассистент работал в хозяйствах и составлял годовые отчеты под руководством инструкторов Северного сельскохозяйственного общества. Результаты деятельности Рябовского контрольного союза были приведены в таблице. Автор статьи пришел к выводу, что средний годовой надой всех коров союза увеличился на 762 фунта на корову, относительная продуктивность коров также увеличилась. В 1910 г. на 100 фунтов молока было затрачено на 15 к. ед. меньше. Таким образом, считал К. Розилехт, стоимость производства одного ведра молока понизилась с 93 до 82 коп., т. е. на 11 коп. Производство всего годового количества молока (25634 ведра) обошлось хозяйствам дешевле на (11×25634) 2845 руб. [23, с. 32].

Г.А. Ланге на страницах журнала «Северное хозяйство» подробно рассказал о выращивании племенного молочного молодняка и произвел расчеты затрат на содержание молодняка крупного рогатого скота молочного направления, показывая рентабельность содержания молочного скота [19, с. 43].

Использование контекст-анализа позволило прийти к выводу, что журнал «Северное хозяйство» уделял значительное внимание распространению новых технологий в молочном животноводстве. На страницах журнала печатались статьи известных специалистов в области животноводства, таких как А.А. Калантарь, А.И. Гипплер, М.Ю. Жувский, А.Д. Юрмалин, О.И. Ивашкевич.

С 1982 по 1917 г. Калантарь написал 35 статей, или 7 % от общего числа статей, по молочному животноводству. А.И. Гипплер – 31 статью – 6 %. А.Д. Юрмалин – 18 статей – 4 %. М.Ю. Жуковский – 26 статей – 5 %. В.М. Немыцкий – 10 статей – 2 %. В.Г. Гомилевский – 8 статей – 1 %; В.П. Средневский – 8 статей – 1 %; А. Турчанинов – 6 статей – 1 %, Г.И. Ланге – 8 статей – 1 %, М.Н. Португалов – 2 статьи – 0,4 %, И.Г. Пронин – 4 статьи – 0,8 %.

Работу контрольных союзов показали в журнале и контроль-ассистенты по молочному делу. Е.И. Столица написал 10 статей, К.К. Вебер – 10 статей – 2 %, А.Д. Карпов – 7 статей – 1 %, С.И. Ершов – 7 статей – 1 %, Н.И. Зонне – 3 статьи – 0,6 %.

Всего за 16 лет на страницах журнала по молочному животноводству было напечатано 193 статьи, или 42 % от общего числа статей, по сельскому хозяйству.

Таким отраслям в сельском хозяйстве, как свиноводство и птицеводство, редакция журнала уделяла незначительное внимание. За весь период издания журнала по рациональному ведению в области свиноводства было напечатано специалистом зоотехником А.Н. Щербининым три статьи, или 0,6 % от общего числа статей.

Распространению новых технологий в птицеводстве были посвящены три статьи Е.М. Гедды, или 0,6 % от общего числа статей по сельскому хозяйству.

В журнале «Крестьянское хозяйство» помещались статьи преимущественно «практического» содержания. Все статьи писались специалистами в области сельского хозяйства. На страницах журнала отрасли молочного животноводства уделял внимание О.И. Ивашкевич, заведующий Андромеровской школой скотоводства, маслоделия и сыроварения имения А.В. Пантелеева в с. Андромер Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии [22]. Ученики в этой школе обучались молочному делу, маслоделию, изготовлению сыров «Бакштейна», «Тильзита и Голландского» [28. Л. 14].

В статье «Как вырастить теленка, чтобы получить хорошую молочную корову», О.И. Ивашкевич привел новый голландский метод выращивания телят на племя. Им были подробно и доступно даны рационы выпойки и кормления молодняка [10, с. 4]. Им же была описана технология доения коров в статье «Как нужно доить корову» [11, с. 21]. Кроме того, О.И. Ивашкевич в журнале «Крестьянское хозяйство» обучал читателей правилам переработки молока с помощью сепаратора [12, с. 403]. В статье «До какого возраста выгодно держать корову» он приводил расчеты затрат на содержание коров, тем самым показывая выгодность и рентабельность молочного животноводства [13, с. 8].

Но особое внимание О.И. Ивашкевич уделял кормлению крупного рогатого скота, описывая в статье «Приготовление квашенного корма» новый способ приготовления силоса, применявшийся в то время в западной Европе. Использование силоса в кормлении животных, считал он, вело к увеличению продуктивности коров [14, с. 87].

Таким образом, для распространения новых технологий в молочном животноводстве журналом печатались статьи О.И. Ивашкевича, С.П. Урусова, А.Н. Щербинина, Г.А. Гомилевского, А.И. Гиплера, А.Д. Юрмалиата, а также профессора И.П. Попова.

С 1899 по 1915 г. журналом в этой области были напечатаны статьи: О.И. Ивашкевича (11), А.Н. Щербинина (3), В.А. Васильева (7), А.Д. Юрмалиата (8), С.П. Урусова (2), А.И. Гиплера (2), Г.А. Гомилевского (2), Г.А. Земляка (1), Н.М. Вышеславского (2), О.И. Шрейнера (2).

Всего 40 статей, или 20 % от общего числа статей по сельскому хозяйству. В области птицеводства журнал напечатал шесть имевших практическое содержание статей специалиста-зоотехника А.И. Осипова.

О современном состоянии молочного хозяйства в России на 1898 г. на страницах журнала «Сельский хозяин» в ряде статей сообщал Н.А. Санин [27, с. 690].

По мнению автора статей, движение к ведению молочного хозяйства на новых началах как отрасли промышленности возникло в Северном регионе, где получило преимущественное развитие как в количественном, так и в качественном отношении, Южный регион в этой области значительно отстал и занимал лишь второстепенное место. Н.А. Санин считал, что улучшенное молочное хозяйство сосредоточено в Тверской, Новгородской, Санкт-Петербургской и Вологодской губерниях.

Журнал «Сельский хозяин» с целью распространения рациональных форм ведения животноводства печатал статьи теоретического и практического содержания ведущих специалистов в этой области, таких как М.Н. Португалов, М. Орлова, А. Щербинин, Д. Некрасов, А. Юрмалиат. Правила ухода за птицей и рационы, применяемые в птицеводстве, построенном на промышленной основе, описывались в семи номерах журнала за 1907 г. специалистом М. Орловым [20, с. 377, 410, 443, 512, 542, 607, 631].

Для распространения рациональных форм ведения хозяйства в молочном животноводстве на страницах журнала печатались статьи ведущего специалиста Департамента земледелия А. Щербинина. В 1907 г. он написал статью «С чего нужно начинать улучшение скотоводства» [29, с. 79].

С новым молочным оборудованием для переработки молока знакомила читателей статья А. Юрмалиата «Новые пастеризаторы подогреватели молока» [37, с. 461].

В 1908 г. журнал печатал статьи по молочному животноводству А. Щербинина, имевшие теоретический и практический характер. О том, какие породы скота лучше подходили для выращивания и содержания в России, А.Н. Щербинин рассуждал в статье «Какую нам заводить породу» [30, с. 26]. Племенные качества и продуктивность финского скота автор описывал в статье «Финский скот» [31, с. 27].

В двух статьях «О доильных машинах» ведущий специалист Департамента знакомил читателей с производительностью доильного аппарата «Бурелль-Лауренса» [32, с. 53, 51].

В 1908 г. в седьмом и восьмом номерах журнала А.Н. Щербинин показал на примере Благодаренской школы скотоводства, как правильно проводить выбраковки скота, надой молока в молочном животноводстве [33, с. 120, 151]. Взаимосвязь экстерьера животного и надоя описано тем же автором в статье экстерьер и удой [34, с. 185].

О влиянии кормов на производительность животных и о соотношении в кормах сахара, крахмала, протеина сообщил А.Н. Щербинин в своей статье «Все ли равно чем кормить корову» [35, с. 307].

Ведущий специалист Департамента уделял внимание и распространению рациональных форм ведения хозяйства в хуторах. В 1908 г. им было написано ряд статей на эту тему. В номерах 17, 18, 19, 20 автор описал способы кормления и содержания крупного рогатого скота, птицы, свиней и мелкого рогатого скота, которые можно было применять на хуторе. Кроме того, им были высчитаны затраты на содержание и производство продукции [36, с. 642].

О мероприятиях по улучшению пород в овцеводстве на страницах журнала рассуждал зоотехник М. Глухов [8, с. 21].

О выгодности искусственного птицеводства сообщал в нескольких своих статьях специалист Н. Савицкий [24, с. 851; 25, с. 878]. Он также описал устройство и принципы работы американского инкубатора [26, с. 893].

С 1894 по 1918 г. редакция журнала напечатала 57 статей А.Н. Щербинина, а также 36 статей А.Д. Юрмалиата, имеющих практическое значение, и 29 статей научного и практического содержания М.Н. Португалова.

Кроме того, журнал уделял внимание распространению новых технологий в птицеводстве. Для решения этой задачи было напечатано 43 статьи специалиста по птицеводству М.И. Орловой.

Таким образом, журналы «Северное хозяйство», «Крестьянское хозяйство», «Сельский хозяин», печатая статьи ведущих специалистов в области животноводства и рекламируя новые технологии, пытались решить имеющиеся проблемы в сельском хозяйстве.

Журналы «Северное хозяйство» и «Крестьянское хозяйство» в основном уделяли внимание распространению новых технологий в молочном животноводстве. Редакция журнала «Сельский хозяин» старалась пропагандировать новые технологии, применяемые не только в животноводстве, но и птицеводстве.

Список литературы

1. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. – М., 1980.
2. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. – СПб., 2000.
3. Гиплер А. Молочная ферма имения Лисий Нос графа А.В. Стенбок-Фермор // Северное хозяйство. – 1904. № 25.
4. Гиплер А. Имение Приютино г. Краузе // Северное хозяйство. – 1905. № 14.
5. Гиплер А. Некоторые соображения о постановке скотоводства и молочного хозяйства в северных хозяйствах // Северное хозяйство. – 1904. – № 27.
6. Гиплер А. Из поездок инструктора // Северное хозяйство. – 1905. № 22.
7. Гиплер А. Некоторые соображения по улучшению скотоводства Северного региона. – 1905. – № 28.
8. Глухов М. Мероприятия по улучшению овцеводческих пород // Сельский хозяин. – 1908. – № 19.
9. Еленев П.Д. Новый способ обработки молока // Северное хозяйство. – 1905. – № 28.
10. Земляк А.В. Промышленное маслоделие // Северное хозяйство. – 1904. – № 33.
11. Ивашкевич О.И. Как нужно доить корову // Крестьянское хозяйство. – 1899. – № 8.
12. Ивашкевич О.И. Получение хорошей сметаны // Крестьянское хозяйство. – 1901. – № 9.
13. Ивашкевич О.И. До какого возраста выгодно держать корову // Крестьянское хозяйство. – 1991. – № 1.
14. Ивашкевич О.И. «Приготовление квашенного корма» // Крестьянское хозяйство. – 1903. – № 11.
15. Калантарь А.А. Опыт кормления молочного скота по датскому способу на Толеской сельскохозяйственной ферме // Северное хозяйство. – 1903. – № 4.
16. Калантарь А.А. Доходно ли молочное скотоводство в Северных регионах страны // Северное хозяйство. – 1910. – № 13.
17. Калантарь А.А. О причинах безопасности русских стад // Северное хозяйство. – 1910. – № 14.
18. Курсы по скотоводству в д. Шушары Царскосельского уезда // Северное хозяйство. – 1910. – № 2.
19. Ланге Г.А. Доходно ли содержание молочного скота // Северное хозяйство. – 1913. – № 13.
20. Орлова М. Уход птицы по рационам // Сельский хозяин. – 1907. – № 24–30.
21. Рабба Я.Г. Правила доения молочного скота // Северное хозяйство. – 1910. – № 24.
22. РГИА. СПб. Ф. 777. Оп. 19. Д. 247.
23. Розилехт К.А. Рябовский контрольный союз – некоторые результаты его деятельности // Северное хозяйство. – 1913. – № 23.
24. Савицкий Н.И. Выгоды искусственного птицеводства // Сельский хозяин. – 1909. – № 10.

25. Савицкий Н.И. Выгоды искусственного птицеводства // Сельский хозяин. – 1909. – № 11.
26. Савицкий Н.И. Американский инкубатор и его устройство // Сельский хозяин. – 1909. – № 12.
27. Санин Н.А. Сельский хозяин. – 1898. – № 44.
28. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп 13. Д 278.
29. Щербин А. С чего нужно начинать улучшение скотоводства // Сельский хозяин. – 1907. – № 40.
30. Щербинин А.Н. Какую нам заводить породу // Сельский хозяин. – 1908. № 2.
31. Щербинин А.Н. Финский скот // Сельский хозяин. – 1908. – № 2.
32. Щербинин А.Н. О доильных машинах // Сельский хозяин. – 1908. – № 3, 4.
33. Щербинин А.Н. Браковка скота по удоям // Сельский хозяин. – 1908. – № 7–8.
34. Щербинин А.Н. Экстерьер и удой // Сельский хозяин. – 1908. – № 9.
35. Щербинин А.Н. Все ли равно чем кормить корову // Сельский хозяин. – 1908. – № 16.
36. Щербинин А.Н. Ведение хуторского хозяйства // Сельский хозяин. – 1908. – № 18.
37. Юрмалиат А. Новые пастеризаторы подогреватели молока // Сельский хозяин. – 1907. – № 30.
38. Юрмалиат А.П. Из деятельности северного сельскохозяйственного общества // Северное хозяйство. – 1911. – № 2.
39. Юрмалиат А.П. Курсы по скотоводству и молочному хозяйству // Северное хозяйство. – 1911. – № 3.
40. Юрмалиат А.П. По вопросу о выращивании телят на племя // Северное хозяйство. – 1910. – № 22.

УДК 629.7(091)(470+571)+378.662(091)(470+571)

*А. Ю. Пиджаков**, *В. А. Хороших***

Зарождение авиационных обществ и авиационного образования в дореволюционной России

В статье рассматривается зарождение авиационного образования в дореволюционной России. Авторы дают краткий обзор истории воздухоплавания и авиации в России. Раскрывается деятельность Московского общества воздухоплавания, Императорского Всероссийского аэроклуба. Показана работа по развитию авиационных знаний профессора Н.Е. Жуковского и других ученых.

Describes the birth of aviation education in pre-revolutionary Russia. The authors provide a brief overview of the history of Aeronautics and aviation in Russia. Expands to the Moscow society of Aeronautics, Imperial Russian Aeroclub. Shows the development of aviation knowledge by Professor N. E. Zhukovsky and other scientists.

Ключевые слова: авиация, образование, воздухоплавание, Россия, аэроклуб, император, полеты, достижения.

Key words: aircraft, ballooning, Club, Emperor of Russia, airplanes, flights, reaching.

Рождению авиации предшествовало развитие воздухоплавания в нашей стране. Первый полет в России, как известно, состоялся 5 декабря (24 ноября) 1783 г. на набережной Невы у Эрмитажа в день именин Екатерины II. Тогда в воздух был запущен тепловой аэростат диаметром около полуметра [2, с. 20]. В те годы было отмечено лихорадочное увлечение воздухоплаванием, и зажиточные люди запускали аэростаты в дни особых торжеств для развлечения. К сожалению, уже через несколько месяцев Екатерина II охладела к

* **Пиджаков Александр Юрьевич**, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

** **Хороших Владимир Алексеевич**, кандидат исторических наук, директор, Рыльский авиационный технический колледж гражданской авиации, Заслуженный работник транспорта РФ.

воздухоплаванию и 15 (4) апреля 1784 г. своим Указом № 15973 запретила полеты аэростатов в России с 12 (1) марта по 12 (1) декабря «под страхом заплаты пени 20 рублей в Приказ общественного призрения и взыскания вреда, ущерба и убытка тем причиняемого»[19].

Следующее знаменательное событие произошло 30 (18) июля 1803 г., когда на воздушном шаре поднялся первый россиянин – генерал С.Л. Львов. Пилотировал аэростат знаменитый французский аэронавт Андре Жак Гарнерен. Воздухоплаватели стартовали в Санкт-Петербурге, поднялись на высоту 3000 метров и перелетели Финский залив [7, с. 24].

В некоторых работах по истории воздухоплавания сообщается, что штаб-лекарь И.Г. Кашинский 6 октября (24 сентября) и 13 (1) октября 1805 г. совершил полеты на своем «градетуровом великолепном аэростате» [7, с. 26]. Однако точных сведений о полетах Кашинского нет [1, с. 129].

В период начала и середины XIX в. в России были замечательные энтузиасты воздухоплавания: Леппих, Ростопчин, Каразин, Ильинская, Леде, Снегирев, Архангельский, Черносветов, Третеский, Соковнин и др., которые проектировали, строили воздухоплавательные аппараты и летали на них.

17 (5) декабря 1869 г. военный министр Д.А. Милютин приказал сформировать Комиссию «для обсуждения вопросов о применении воздухоплавания к военным целям» [17. Ф. 401. Оп. 2/9261. 1869 г. Д. 122. Л. 10-13]. Возглавил комиссию генерал Э.И. Тотлебен. Благодаря работе этой комиссии в российской армии были проведены опыты по использованию привязных аэростатов в целях разведки, рекогносцировки и передачи телеграфных сообщений из корзины аэростата. Первый подъем первого русского военного аэростата состоялся 19 (7) июня 1870 г. [17. Ф. 401. Оп. 2/9261. 1869 г. Д. 122. Л. 21]. Эта комиссия активно работала до 1876 г.

Несомненно, эпохальным событием в истории отечественного воздухоплавания стала организация по инициативе военного министра П.С. Ванновского комиссии по применению воздухоплавания, голубиной почты и сторожевых вышек к военным целям. 2 января 1885 г. (21 декабря 1884 г.) Александр III одобрил «развитие у нас воздухоплавания, голубиной почты и формирование кадров аэронавтов» [17. Ф. 3. Оп. 14. Д. 2295. Л. 48–50]. Комиссию возглавил генерал-майор М.М. Боресков, а делопроизводителем стал поручик А.М. Кованько – легенда русского воздухоплавания. Благодаря ее работе русская армия получила на вооружение аэростаты и дирижабли, они прошли боевое крещение в годы Русско-японской и Первой мировой войн, также зародилась отечественная авиация, была организована подготовка воздухоплавательных специалистов.

В разные годы в дореволюционной России были созданы различные общества: Русское общество воздухоплавания (в СПб., 1880), воздухоплавательный отдел Императорского Русского технического общества (ВО ИРТО), Общество воздухоплавания в Москве (проект, 1898) [19].

Рождение авиации в России пришлось на начало XX столетия. В 1909–1914 гг. в стране появились первые самолеты Я.М. Гаккеля, Д.П. Григоровича, И.И. Сикорского и др. На первый взгляд может показаться, что занятия авиационным делом были весьма далеки от политики. Между тем документальные факты свидетельствуют, что возникавшие в России общества любителей авиации сразу же попадали под бдительное око полиции. Интерес власти к подобным организациям прежде всего был вызван успехами в области авиационного производства в России, а также активным развитием «искусства воздухоплавания».

I Всероссийский съезд всех деятелей авиации и воздухоплавания состоялся под председательством Н.Е. Жуковского с 12 по 17 апреля 1911 г. Количество участников съезда не превышало 300 человек. Всего состоялось три таких съезда: в 1911, 1912 и 1914 гг. Четвертый предполагалось созвать в 1917 г., но по причине революционных событий он не состоялся.

Московское общество воздухоплавания ежегодно организовывало выставки в городском манеже, где демонстрировались новинки авиационной техники и устраивались полеты на воздушных шарах. Летом (в июне – июле) Общество обычно проводило неделю воздухоплавания, а в 1911 г. она завершилась воздушным перелетом из Петербурга в Москву. В этом перелете принимали участие известные российские авиаторы [3].

В то время в Петербурге действовала еще одна организация со сходными задачами: Императорский Всероссийский аэроклуб. В 1908 г. Василий Корн выступил инициатором создания в России первого аэроклуба [4, с. 38–42]. 29 (16) марта состоялось первое общее собрание его членов, а 7 ноября (25 октября) – общее собрание, на котором был избран Совет клуба в составе 35 человек. В 1909 г. император Николай II взял под свое покровительство Аэроклуб, и он стал именоваться «Императорский Всероссийский аэроклуб» (ИВАК). Печатным органом его являлся журнал «Воздухоплаватель» [19].

Учредители клуба при выработке устава взяли за основу устав Парижского аэроклуба [9]. Отдельной целью стояло получение общего образования специалистов-воздухоплавателей в связи с нуждами военного времени, а также предоставление в распоряжение правительства всех воздухоплавательных средств в случае нужды в них во время военных действий [19].

Первым председателем ИВАК стал член Госдумы граф И.В. Стенбок-Фермор, товарищем (т. е. заместителем) председателя – граф Я. Н. Ростовцев, секретарем – В.В. Корн, товарищем секретаря – Ю.Н. Герман. В правление клуба были избраны: председатель – В. В. Корн, товарищ председателя – Н.М. Раевский, секретарь – Г.А. Слольвинг, казначей – М.П. Чернов, председатель научно-технического отдела – профессор Н.Н. Митинский, товарищ председателя – Е.П. Сверчков, секретарь – Н.А. Рынин, председатель спортивного комитета – граф Д.М. Грабе, товарищ председателя – Д.В. Фельдберг, секретарь – А.И. Шабский [19]. В аэроклубе установили день, когда его члены могли являться «в клубное помещение для обмена мнениями по разного рода интересующим их вопросам авиации». Таким днем был четверг. Назначили приемные часы руководителей клуба (четыре раза в неделю), клуб обзавелся библиотекой во главе с библиотечной комиссией. Заседания Совета проходили еженедельно по вторникам. Отдельным параграфом устава в клубе были запрещены карточные и другие азартные игры, а также обсуждение политических и религиозных вопросов [19].

В числе публичных акций, организуемых Императорским аэроклубом, особо следует отметить ежегодно проводимые весной «сборы на усиление средств» воздушного флота. Программа была весьма насыщенной: полеты дирижаблей, аэропланов и бипланов всех известных в России систем. Накануне Первой мировой войны во многих городах России собирали средства на развитие воздушного флота. Сбором средств занимался Императорский Отдел воздушного флота, и он же направлял в наиболее крупные центры страны известных российских авиаторов и пилотов для популяризации авиаторского дела [5].

Изучением и популяризацией достижений авиации, кроме специальных авиационных обществ, занимался VII (Воздухоплавательный) отдел, образованный при Императорском русском техническом обществе. Одной из главных задач было ознакомить население с развитием науки и техники в области авиации. Проблемы и перспективы развития воздухоплавания в России, вопросы объединения деятельности отдельных лиц и учреждений, работавших в этой сфере, обсуждались на воздухоплавательных съездах, организованных Техническим обществом. Первый такой съезд, как отмечалось выше, был созван в Петербурге в апреле 1911 г.

Но в то же время воздухоплавательные общества, занимавшиеся практической разработкой и популяризацией достижений науки и техники в своих областях, находились на особом контроле Департамента полиции МВД. Наблюдение за ними возлагалось на ряд структурных подразделений Департамента полиции, ключевую

роль среди них играл образованный в 1898 г. Особый отдел, который занимался политическим сыском в стране. Кроме него надзор за действиями этих обществ осуществляли созданные в январе 1907 г. 4-е делопроизводство Департамента полиции, специализировавшееся на наблюдении за общественным движением в стране, а также 2-е (законодательное) делопроизводство, ведавшее учреждением уставов общественных организаций. Руководители Департамента полиции, приветствуя развитие в России техники воздухоплавания и возникновение воздушного флота как важнейшего научного достижения времени, одновременно привыкли рассматривать то или иное явление с охранительных позиций, с точки зрения его возможных противоправных последствий, не исключая возможности использования летательных аппаратов (аэропланов, воздушных шаров и др.) в преступных целях.

Полицейско-административные меры, направленные против воздухоплавательных обществ и кружков, содержались в циркуляре товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова губернским властям, изданным 16 марта 1910 г.: «Быстрое развитие техники воздухоплавания и полная возможность обращения летательных снарядов, если не сейчас же, то в очень скором времени, в орудия преступных замыслов, побудили Правительство обсудить теперь же те меры, какие надлежало бы принять в видах предупреждения такого рода явлений». Циркуляр возлагал контроль за аэроклубами и уставными воздухоплавательными обществами, в обязанности которых входило «ведение точной регистрации приписанных к ним аэропланов и авиаторов с сообщением о всякой перемене местной полицейской власти» в губернские по общественным делам присутствия. В то же время полицейские чины должны были осуществлять наблюдение за тем, чтобы все без исключения авиаторы в пределах губернии были приписаны к тому или другому аэроклубу и имели надлежащее свидетельство на производство полетов, выданное клубом под его ответственность [15].

Почти через год П.Г. Курлов подписал секретный циркуляр (от 27 февраля 1911 г.), который был нацелен на предотвращение попыток «обращения летательных снарядов в орудия преступных замыслов». Он предписывал губернаторам и градоначальникам в случае обнаружения ими «выбрасывания при полетах приписанными к клубу авиаторами каких бы то ни было печатных произведений» незамедлительно ставить на обсуждение губернских по делам об обществах присутствий вопрос о закрытии данного аэроклуба как уклонившегося от предоставленных ему уставом прямых задач и целей [16].

Особая строгость проявлялась полицейскими властями в отношении студенческих воздухоплавательных обществ. Так, представ-

ляя на рассмотрение Департамента полиции летом 1910 г. проект устава студенческой аэролиги, ее учредители, учитывая отношение власти к организациям такого рода, казалось бы, соблюли все формальности: в уставе специально оговаривалось, что в помещении аэролиги воспрещаются разговоры на политические и религиозные темы, а также карточные и все другие азартные игры. Тем не менее к числу «отягчающих» обстоятельств в данном случае были причислены имевшиеся в Департаменте полиции компрометирующие сведения об одном из учредителей лиги – студенте, оштрафованном за хранение оружия, а также низкий рублевый взнос, установленный для действительных членов лиги, что могло повлечь за собой приток неблагонадежных. «Исключительный состав лиги и крайне незначительный членский взнос... легко могут привести к объединению всего студенчества в Санкт-Петербурге, полагая в том числе и лиц женского пола», – такова была резолюция Департамента полиции по поводу проекта устава студенческой аэролиги, на основании чего делался вывод, что положения устава данного общества подлежали коренной переработке [10].

Проще обстояло дело со студенческими воздухоплавательными кружками, создававшимися в стенах учебных заведений. Претендуя на статус научных кружков и ориентируясь главным образом на теоретическое изучение авиаторского дела (знакомство студенчества с вопросами воздухоплавания путем организации лекций, опытов, курсов, совместного чтения и обсуждения научных работ по данной отрасли знания и т. п.), они утверждались советами учебных заведений, в которых действовали. По данным московского градоначальника, представленным в Департамент полиции 31 декабря 1910 г., в Москве действовали два воздухоплавательных кружка – при Московском университете и Московском техническом училище (оба были учреждены осенью 1909 г.) [13].

В начале XX в. в России возрос интерес к научно-техническим достижениям, в том числе в области авиастроения. Возник целый ряд общественных организаций, ставивших своей целью распространение и популяризацию авиадела в стране. Воздухоплавательные общества, далекие от политики, тем не менее доставляли немало беспокойства полицейским органам. Прежде всего, эти опасения были вызваны возможностью использования технических достижений авиации и автомобилестроения в антиправительственных целях. Однако, несмотря на стремление полиции поставить деятельность этих обществ под свой жесткий контроль, остановить научно-технический прогресс в стране ей было не по силам.

Еще в 1907 г. студенты Института инженеров путей сообщения, интересовавшиеся воздухоплаванием, обратились в Совет института с ходатайством о введении в число читаемых в институте дисци-

плин необязательного курса воздухоплавания. На вывешенном в институте объявлении, приглашавшем подписаться всех, сочувствующих этому начинанию, в течение 10 дней появилось около 300 фамилий. Результатом этого ходатайства было проведение Советом института в 1908 г. ряда лекций по воздухоплаванию. Лекции и доклады читали известные в те годы ученые и инженеры. Среди них был и генерал-майор А.М. Кованько, организовавший впервые в мире полеты на воздушных шарах для научных исследований верхних слоев атмосферы (впоследствии, с 1910 г., он командовал Офицерской воздухоплавательной школой, в которой готовились первые летчики России) [12, с. 22–24].

Еще в 1909 г. в ИИПС появилось направление, связанное с воздушным сообщением. Первую программу и первый курс прочитал энтузиаст воздухоплавания профессор Н.А. Рынин. В 1914 г. в ИИПС проходил III Всероссийский съезд воздухоплавателей, на котором присутствовали многие пионеры-воздухоплаватели и известные ученые, такие как И.И. Сикорский, С.А. Чапыгин, А.А. Саткевич, К.Э. Циолковский [20, с. 153]. В 1908/1909 уч. году в институте был организован студенческий кружок по изучению воздухоплавания.

В 1908/1909 уч. году подобные кружки возникли в Московском техническом училище (МТУ), в Петербургском политехническом институте и университете. Инициатором и организатором студенческого воздухоплавательного кружка в МТУ был основоположник отечественной аэродинамики профессор Н.Е. Жуковский. Особенностью его педагогической деятельности было «пристальное внимание к самостоятельно размышляющим студентам и плодотворное («отеческое») руководство студенческими научными кружками» [8, с. 153]. Уже в 1909 г. члены воздухоплавательного кружка МТУ, среди которых был и будущий выдающийся советский авиаконструктор академик А.Н. Туполев, строили под руководством Жуковского планеры и осуществляли первые полеты на них.

Как писала «Столичная Москва»: «Вследствие неоднократно выраженного студентами Императорского технического училища желаний, с будущего учебного года в училище предполагается ввести курс воздухоплавания и аэродинамики, который будет читать проф. Н.Е. Жуковский. Курс этот будет читаться 1-й раз в России» [11].

После революции 1905 г. царское правительство было напугано различными студенческими собраниями и выступлениями, поэтому 9 октября 1909 г. на имя директора Института инженеров путей сообщения профессора А.А. Брандта поступает письмо градоначальника Санкт-Петербурга за № 3575: «Ввиду появившихся в периодической печати статей об образовании при некоторых высших учебных заведениях столицы студенческих кружков воздухо-

плавания, и в том числе при Институте инженеров путей сообщения, покорнейше прошу... уведомить меня, кем и когда разрешена организация такого кружка при вверенном Вам институте, а также не отказать доставить мне два экземпляра устава названного кружка»[18. Л. 5].

Через пять дней, 14 октября 1909 г., директор института поспешил успокоить «его превосходительство градоначальника», сообщив, что «организация кружка для изучения воздухоплавания разрешена Советом института, утвердившим устав означенного кружка в заседании 9 апреля с. г. по журналу № 5, п. 103», и «при сем любезно препроводив два экземпляра устава»[18. Л. 6].

С октября 1909 г. в Институте инженеров путей сообщения началось систематическое чтение лекций по общему курсу воздухоплавания и по устройству авиационных двигателей, которые были включены в учебные планы и программы. В 1909/1910 уч. году лекции по воздухоплаванию начали читать и в некоторых других высших учебных заведениях России: Московском университете (Н.Е. Жуковский), Петербургском политехническом институте (К.П. Боклевский) и Киевском политехническом институте (Н.Б. Делоне – один из пионеров русского планеризма, популяризатор авиации).

Первая в России Международная воздухоплавательная выставка была организована седьмым (воздухоплавательным) отделом Русского технического общества (РТО) и проходила в Петербурге, в Михайловском манеже, с 11 по 27 апреля 1911 г. Выставка «собрала большое количество экспонатов и представила благодаря энергичной деятельности организационного комитета, привлечшего к участию в ней почти всех наиболее крупных производителей в этой области, как заграничных, так и русских, яркую картину современного состояния как воздухоплавания вообще, так и этой отрасли промышленности в частности... выставку посетило около 100 000 лиц» [6, с. 336–337].

Основанное в Петербурге в 1866 г. РТО представляло собой прогрессивную научную организацию, в задачи которой входило содействие развитию техники и промышленности в России. В конце XIX в. РТО состояло из девяти отделов по различным отраслям науки и техники. Седьмой отдел, воздухоплавательный, был создан в 1880 г. и занимался в основном пропагандой идей воздухоплавания. Начиная с 1867 г. РТО издавало «Записки Русского технического общества», а его отделы имели свои периодические издания (воздухоплавательный отдел выпускал ежемесячный научно-популярный журнал «Техника воздухоплавания» с 1912 по 1916 г.).

1 июня 1910 г. в Петербурге открылась первая в России школа авиации, устраиваемая «Российским товариществом воздухоплава-

ния». Кроме теоретического изучения вопроса, «школа организовала и практическое обучение на специальном аэродроме в Гатчине...Плата за полный курс обучения назначена в 500 руб.» [14].

Сергею Алексеевичу Ульянину – российскому офицеру, изобретателю, инженеру, авиатору 25 сентября 2011 г. исполнилось бы 140 лет. Его приход в авиацию – поиск средств наилучшего использования своей службы. Ульянин искал способы организации целеуказания артиллерии при ведении стрельбы с закрытых позиций. Именно для этого была изобретена его легендарная в начале прошлого века связка воздушных змеев (змейковый поезд), способная поднимать нескольких наблюдателей.

Необходимость освободиться при полете от капризов природы – наличия или отсутствия ветра – привела Ульянина в ряды авиаторов. В списке первых дипломированных русских летчиков 1910 г., где их всего-то было около четырех десятков человек, Сергей Алексеевич был восьмым – прямо перед знаменитым и сегодня летчиком-любителем и атлетом Иваном Заикиным, а среди военных пилотов России – четвертым. Пилотов тогда еще монополично готовили французские авиашколы – Фармана, Блерио и др. Они же и выдавали «сертификаты соответствия» – дипломы пилотов-авиаторов. С 1910 г. летчиков начала готовить и Россия – почти одновременно в Санкт-Петербурге и Севастополе. Первым начальником первого авиационного отдела Офицерской воздухоплавательной школы (АО) столицы был именно Ульянин. В 1914 г. АО реформировали в Военную авиационную школу. Первым вступил в командование этой знаменитой авиашколой в Гатчине полковник Ульянин. И это продолжение всё той же «служебной необходимости»: должен же кто-то готовить пилотов, чтобы авиация ожила и начала приносить практические плоды! Справедливо – нет ли, да только прославленных учеников мы знаем гораздо лучше учителя...

Фан-дер-Флит, Алксандр Петрович (1870–1941 гг.) – русский инженер и ученый в области прикладной механики. Родился в Петербурге 29 октября (10 ноября) 1870 г. в семье профессора физики Петербургского университета Петра Петровича Фан-дер-Флита. Семья эта голландского происхождения обосновалась в России в первой половине XVIII в. Мать Александра Петровича была сестрой известного русского литературоведа А.Н. Пыпина.

С 1902 г. Фан-дер-Флит вел преподавательскую работу на кораблестроительном отделении незадолго до того учрежденного и только что открывшегося Санкт-Петербургского Политехнического института. Здесь его деятельность почти сразу же сосредоточилась на кафедре теории корабля, где он начал читать лекции уже в 1903 г. С 1909 г. Фан-дер-Флит начал читать также курс аэродинамики на организованных при кораблестроительном отделении По-

литехнического института воздухоплавательных курсах. В начале 1911 г. он опубликовал обширный курс аэромеханики, охватывавший широкий круг вопросов и явившийся первым русским руководством такого рода, принимал участие в работе всех трех Всероссийских воздухоплавательных съездов, выступал с докладами на первых двух (1911, 1912) и был председателем секции «Научные основы воздухоплавания» и почетным членом третьего съезда (1914). Участвовал и в издании научно-технических журналов («Теплоход», «Техника воздухоплавания»).

Санкт-Петербургский / Петроградский политехнический институт сыграл важную роль в подготовке кадров для отечественной авиации. В 1909 г. при кораблестроительном отделении открылись курсы авиации и воздухоплавания – первая высшая авиационная школа России, имевшая право выдавать дипломы и свидетельства об авиационном образовании. В 1912 г. для теоретической подготовки офицеров, изъявивших желание стать военными летчиками, при том же отделении института были открыты офицерские теоретические курсы авиации и воздухоплавания, носившие имя В.В. Захарова, в честь крупного западноевропейского промышленника русского происхождения, который жертвовал средства на развитие авиации в России.

После начала Первой мировой войны были открыты параллельные Курсы авиации и воздухоплавания для теоретической подготовки будущих летчиков из числа добровольцев (как тогда говорили, «охотников»), не имевших офицерского звания. В 1915 г. на курсах появилось специализированное отделение по гидроавиации. В те же годы открылись и курсы авиамехаников. В конце 1916 г. при Политехническом институте было создано конструкторское бюро авиационной испытательной станции морского ведомства. Таким образом, вплоть до 1917 г. Политехнический институт готовил кадры как для авиационной промышленности, так и для военной авиации.

Список литературы

1. Вейгелин К.Е. Очерки по истории летного дела. – М.: Госиздат оборонпрома, 1940.
2. Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России. – М.: Машиностроение, 1981.
3. Воздухоплавание // Моск. ведомости. – 1911. – № 54. – 8 марта
4. Воздухоплаватель. – 1908. – № 1.
5. Императорский всероссийский аэроклуб // Биржевые ведомости. – 1913. – № 13434. – 7 марта. Утр. вып.
6. Записки Русского технического общества. – 1912. – № 10.
7. Король В.В. В небе России. – СПб.: Политехника, 1995.
8. Космодемьянский А.А. Николай Егорович Жуковский. – Т., 1984.
9. О первом заседании учредителей Русского аэроклуба // Новое время. – 1908. – 18 янв.

10. Справка Департамента полиции на проект устава Студенческой аэро-лиги // ГАРФ. Ф. 102. 2 д-во. 1910. Д. 14. Ч. 3. Л. 11–12.
11. Столичная Москва. – 1909. – 19 (06) апр.
12. Тарасов Б. Ф. Николай Алексеевич Рынин. 1877–1942. – Л.: Наука, 1990.
13. Уставы студенческих воздухоплавательных кружков // ГАРФ. Ф. 102. 2 д-во. 1910. Д. 14. Ч. 3. Л. 136–143; Московский градоначальник А. А. Адрианов – в Департамент полиции от 31.12.1910 за № 221326 // ГАРФ. Ф. 102. 2 д-во. 1910. Д. 14. Ч. 3. Л. 155.
14. Утро России. – 1910. – 31 (18) мая.
15. Циркуляр товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова губернаторам от 16.03.1910 // ГАРФ. Ф. 102. 2 д-во. 1910. Д. 14. Ч. 3. Л. 40–42.
16. Циркуляр товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова губернаторам от 27. 02. 1911 // ГАРФ. Ф. 102. 2 д-во. 1910. Д. 14. Ч. 3. Л. 148–148 об.
17. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА).
18. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 381. Оп. 13. Д. 3786.
19. www.aeronatic.ru
20. Фортунатов В.В. Становление научных школ в Петербургском государственном университете путей сообщения – старейшем транспортно-строительном вузе России // Вестн. Лен. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Науч. журн. № 2. – Т. 4. История. – СПб., 2010. – С. 34.

УДК 355.66(09)(470+571) «1851/1917»:316.342.4

*Д. Н. Соловьёв**

Артиллерийское и вещевое снабжение в казачьих подразделениях России во второй половине XIX – начале XX вв.

В статье рассмотрены вопросы технического перевооружения казачьих подразделений, а также вопросы снабжения казачьих полков всеми видами довольствия, какие положены были в армии в конце XIX начале XX в.

This article is devoted to the transition period and technical upgrading of the Cossack units. On a par with the rearmament in the article raised questions of supply Cossack regiments all kinds of supplies, which were laid in the army late XIX–XX centuries.

Ключевые слова: артиллерия, кавалерия, батарея, орудие, снабжение, подразделение.

Key words: artillery, cavalry, a battery, cannon, supplies, a unit.

В 1866 г. был утвержден план перевооружения артиллерии для кавалерии, в том числе иррегулярных войск, в соответствии с которым все конно-артиллерийские батареи должны были быть оснащены нарезными 4-фунтовыми орудиями, заряжающимися с казенной части [8, с. 158].

В европейских армиях в этот период начался переход к стальным пушкам, заряжаемым с казенной части, изготавливаемым на германских заводах Круппа [2, с. 28]. Для России, поставившей своей задачей перевооружение артиллерийских частей в кратчайшие сроки, массовое производство стальных орудий было трудным делом, так как Мотовилихинский завод в Перми еще не освоил массового производства стальных орудий [11, с. 32]. В силу этого было принято решение добиться замены стальных орудий бронзовыми. В конце 1866 г. был разработан образец 4-фунтовой пушки, отлитой из бронзы и заряжающейся с казенной части. Все бронзовые ору-

* **Соловьёв Дмитрий Николаевич**, кандидат военных наук, доцент кафедры управления персоналом, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

дия, заряжавшиеся с дульной части и состоявшие на вооружении русской армии в 1860-е гг., стали заменяться на 3-, 4-, и 9-фунтовые бронзовые нарезные пушки, которые заряжались с казенной части [27, с. 153].

В течение 1867–1869 гг. шло перевооружение конной и полевой артиллерии [20]. В 1870 г. все подразделения конной артиллерии, в том числе и иррегулярных войск, были снабжены новыми видами орудий 4-фунтового калибра. Однако в гвардейские казачьи части были направлены также 9-фунтовые орудия. Считалось, что они удовлетворяют современным техническим требованиям, однако в период русско-турецкой войны стало очевидным преимущество крупновесных стальных орудий, используемых турками. Поэтому после окончания войны правительство спешно перешло к комплектованию казачьих войск стальными дальнобойными 4-фунтовыми орудиями, однако этот процесс завершился лишь к 1881 г. [21].

И все же, несмотря на то, что состояние донской артиллерии (как и русской артиллерии в целом) не соответствовало тому уровню развития военной техники, который в тот момент был достигнут в Европе, казачья артиллерия сделала значительный шаг вперед накануне войны. В целом донские батареи не только успешно противостояли артиллерии противника, но и зачастую превосходили ее за счет тактического умения. Это, в свою очередь, было связано с улучшением подготовки донских артиллеристов, что всецело было заслугой начальника Управления донской артиллерии генерала Петра Александровича Башилова [15, с. 309].

Башилов был назначен на этот пост в 1870 г. и сразу же развил бурную деятельность по реорганизации артиллерийского дела на Дону. Благодаря исключительно ему 19 февраля 1872 г. в Новочеркасске была открыта артиллерийская школа на 90 учеников. В 1875 г. лагерь донской артиллерии был переведен с неудобного места у р. Несветай в стратегически более выгодное место на р. Грушевку, неподалеку от хутора Персиановка, в непосредственной близости от железной дороги. Это, несомненно, позволило сократить сроки мобилизации льготных батарей.

Были организованы не только летние полевые учения, но и зимние теоретические занятия офицеров, причем это осуществлялось за счет дополнительных к войсковым капиталов. За собственные средства Башилов сформировал библиотеку по артиллерийскому делу, укомплектованную последними новинками по данному вопросу. Генерал сделал обязательными смотры батареям, проводимые ежегодно в конце мая, испытывая донских артиллеристов на знание конно-артиллерийского строя и стрельбы из орудий. Эти смотры были новым явлением на Дону.

По оценке современников [15, с. 311–314], Башилов впервые ввел стрельбу по подымающимся мишеням. Как только мишень подымается, командир батареи назначает дистанцию, и 1-е орудие производит выстрел. Мишень остается в вертикальном положении одну только минуту, в течение которой хорошо выученная прислуга могла зарядить орудие, поставить прицел на требуемое число линий, навести в цель и выстрелить. Наводчик 2-го орудия должен был быстро сообразить, на сколько линий следует уменьшить высоту прицела, чтобы снаряд попал в следующую мишень. Другие орудия поступали так же, как и первые два. Когда по всем восьми линиям были произведены последовательно выстрелы из орудий, то командир батареи приказывал трубачу играть «отступление, и стрельба начинается по ближним от батареи мишеням» [17, с. 212–213].

Однако главным достоинством этих смотров было проведение учений батарей с тактической целью. Для этого из запряженных дивизионов составлялись сводные батареи; из них две становились в первой линии, две во второй и одна оставалась в резерве.

Когда огонь батарей первой линии достаточно расстраивал силы неприятеля, пятая сводная батарея проходила через колонну на полных рысях и в интервале первой линии развертывала фронт: карьером выносилась вперед на позицию и открывала картечный огонь с расстояния двухсот сажен. Затем производилось отступление под прикрытием батарей второй линии [17, с. 213–214]. Кроме того, огромное внимание Башилов уделял улучшению ремонта изношенных орудий, созданию артиллерийских мастерских и другим тонкостям постановки артиллерийского дела. Именно эти составляющие обеспечили умелые действия казачьих артиллеристов в военных действиях 1877–1878 гг., что не раз отмечалось в рапортах как казачьих, так и армейских военачальников.

По вопросу об обмундировании казачества следует отметить, что единая форма защитного цвета была введена в иррегулярный войсках, как и во всей армии, только накануне Первой мировой войны, в 1909 г. [22, с. 17]. До этого обмундирование казаков было традиционным: синие шаровары с красными лампасами, белая холщовая рубаха, казачья фуражка или бескозырка с красным околышем. Это обмундирование приобреталось казаками за свой счет. Непосредственно в период войны, когда военные действия проходили в горных условиях и в условиях жаркого климата Азии, традиционные головные уборы иногда заменялись на белые кепи с холщовыми назатыльниками.

«Устав воинской повинности Донского казачьего войска» гласил: «Казачи отбывают воинскую повинность с собственным снаряжением и на своих лошадях, за исключением случаев, указанных в поло-

жении о военной службе казаков Донского войска» [28, с. 24]. Перечисленные особенности казачьего войска складывались годами. Устав 1875 г. определил срок службы казаков в 20 лет: три года в приговорительном разряде, двенадцать – в строевом и пять – в запасном. Как правовой источник он закрепил организационную структуру войска и предопределил на будущее образ жизни казачества. На сборах и дома у казака всегда наготове должен был быть боевой конь с амуницией, вооружение – винтовка, шашка, пика и остальное: обмундирование, сухари, овес в саквах, набор подков и ухнали в переметных суммах. По сигналу тревоги в предельно сжатые сроки в строй становились сотни, полки и дивизии. В связи с этим войсковая администрация была вынуждена тратить значительные суммы на приобретение не только лошадей и вооружения, но и обмундирования для неимущих казаков [19, с. 133].

Это учитывало и высшее командование армии. В приказе Военного министерства 1875 г. о строевом обучении казаков имелся специальный пункт, который предписывал, «чтобы в отношении требований, относящихся к внешнему виду казачьих полков (обмундирование и снаряжение) и к составлению казаками строя, принимались в должное внимание особенности служебных обязанностей казаков (снаряжение на свой счет)» [26, с. 150].

С. Броневский с назначением его в 1834 г. на должность генерал-губернатора Восточной Сибири наряду с другими неотложными делами (административно-правовыми, социально-экономическими, полицейскими) вплотную занялся организацией местного казачьего войска [14, с. 15]. Он выгодно использовал возможности местной Тельминской казенной суконной фабрики (первой сибирской мануфактуры, 1731 г.), [4, с. 35] продукция которой поступала на пошив обмундирования для сибирских войск, в том числе для обмундирования казаков Сибирского и Забайкальского войск. Он посетил Тельму, интересовался работой фабрики, условиями жизни рабочих, качеством выделяемого сукна и амунических принадлежностей. В годы его губернаторства (1834–1837) капиталы фабрики увеличились с 642 761 до 722 039 руб. [9, с. 34].

21 апреля 1869 г., на лиц иногороднего происхождения (мастеровых, рабочих и т. п.), появляющихся в казачьих поселениях, было распространено право постоянного проживания с правом занятия различными ремеслами и сельским хозяйством [16, с. 9]. Им было разрешено выпасать домашний скот на общественных выгонах, приобретать у казаков их усадебные постройки и даже использовать станичные земли по договорам с обществом или отдельными казаками. Эти правительственные акты также негативно отразились на социально-экономическом положении казачества, и поступления в войсковую казну стали сокращаться.

Весной 1898 г. руководство области войска Донского обратилось к императору с «вероподданнейшим» прошением, в котором обрисовало реальное положение дел в области и заявило об упадке экономического состояния казачества [24, с. 248]. Они просили образовать на Дону особую комиссию по изучению причин, подрывающих социально-экономические устои области войска Донского и определить меры по восстановлению благосостояния казаков. Император, «обратив милостивое внимание на прошение, соизволил выразить согласие на запрашиваемую меру» [18, с. 23]. 16 июня 1898 г. был утвержден состав комиссии, а военный совет на расходы, связанные деятельностью комиссии, распорядился ассигновать 5 870 руб.

На что же обратила особое внимание правительственная комиссия за время своей почти полугодовой работы в войске Донском?

Представитель станичных обществ Черкасского округа Л.Л. Донецкий на одном из заседаний комиссии довел до видения его участников данные об ухудшении социально-экономического положения казачества войска Донского. На протяжении ряда лет постоянно удорожались приготовления казака на службу, стоимость его амуниции и снаряжения во время нахождения в строевом разряде. «Высокие требования к строевой лошади приводят к тому, что доморощенные лошади уступают место покупным», а приобретение их весьма накладно для семейного казачьего бюджета. Установленные формы обмундирования и вооружения не имеют в себе ничего постоянного и через неопределенное время меняются; ...самые образцы форм делаются из материалов такого высокого качества, что поставлять их в казачье хозяйство не в силах. Под влиянием изложенных фактов. Расходы казака по снаряжению на службу постоянно росли и достигли в настоящее время громадной цифры 250–300 руб.» [23, с. 111]. По некоторым другим данным, приводимым в последних работах о казачестве, цена обмундирования составляла 300–400 руб. [25, с. 23].

Кроме всех вышеприведенных расходов казака, связанных с отбыванием им воинской повинности, учитывались и другие финансовые издержки. Так, плата за наем жилья четыре раза по семь дней (на время сборов) обходилась в среднем в 12 руб., перевоз имущества и продовольствия к месту учений и в летний лагерь и обратно оценивался в 24 р. 65 к., отсутствие казака дома в течение 28 осенне-зимних дней и 30 суток весной как рабочей силы с лошадью обходилось в 46 р. 80 к. И еще. Для того чтобы владеть основательными знаниями военного дела, казаки «должны были, оставаясь дома, заниматься ... и, таким образом, терять немало рабочих дней в году» [25, с. 290].

Исследователи истории казачьих войск подсчитали расходы казака на фураж для лошади. Стоимость однодневной дачи фуража в 3 гарнца овса и 15 фунтов сена обходилась в 15–30 коп. С учетом продолжительности летнего сбора с передвижением к месту проведения сборов и обратно и с учетом того, что продолжительность сборов составляла около 30 суток, общие расходы на фураж можно выразить в суммах, представленных в таблице.

Таблица

Стоимость фуражного довольствия коней
второчередных казаков при призывах на лагерные сборы

Войска	Стоимость фуражного довольствия, руб.
Донское	27000–54000
Кубанское	2500–27000
Оренбургское	6750–8000
Терское	4500–9000
Сибирское	3375–6700
Семиреченское	742–450

Однако необходимо признать, что государство многие из статей расхода казачьей семьи на снаряжение казака на военную службу не учитывало. Эти расходы считались как бы само собой разумеющимися: «сиденки» (дежурства в правлении), караулы, разные «натуральные отбивки» [1, с. 245] и т. п.

Для суммарной оценки расходов проведем комплексный подсчет расходов казака. Конь в армию стоил 125 руб., в артиллерию – 150 руб., в гвардию – 200 руб. Если считать, что на коня казак получал пособие 100 руб., то все-таки ему приходилось при его покупке докладывать своих не меньше 50 руб. Нужно ездить, искать, тратиться, выдерживать коня дома. В среднем затраты казака на коня составляли 50 руб.; седло – 40 руб., два мундира – 25 руб.; две шинели – 13 руб.; шашка – 7 руб.; мелкая амуниция, сундук и прочее – 8 руб.; пара сапог – 12 руб. Всего 156 руб.

Потери для казачьего хозяйства от того, что в нем отсутствуют рабочие руки уходящих на службу и на учения казаков – 10 руб. в месяц, 120 руб. в год, от службы казака за четыре года – 480 руб. и от майских лагерей – 40 руб. [3, с. 17]. Всего 520 руб.

Таким образом, чистые потери казачьей семьи по подготовке казака к военной службе составляли 676 руб. в год призыва и 520 руб. в год за время нахождения на службе!

Для оценки дополнительных расходов приведем данные, представленные в материале «Положения о военной службе казаков»:

«Три рубля убытку за одну очередь сиденком. В год за четыре очереди 12 р., а за 15 лет – 180 р. Караулы через год по 5 недель в году. За 10 лет – 25 недель. В станице Усть-Медведицкой на караулы нанимаются по 5 р. в неделю. За 10 лет – 125 р. Всего каждому казаку сиденочная и караульная служба обойдется около 300 р.» [5, с. 1–2].

На основе официальных данных были опубликованы затраты казаков войска Донского [25, с. 62]. Они выражались колоссальной цифрой – 32 392 628 руб. Материальные затруднения особенно испытывал офицерский состав. По свидетельству источников того времени, казачьи офицеры в отношении денежного довольствия находились «в плачевном состоянии... они не получали регулярного жалованья. Ситуация хронически ухудшалась до конца XIX в.... с 1841 г. казачьи офицеры получали только две трети от жалования регулярной армии» [7, с. 98]. Предполагалось, что они имеют постоянный доход от своих земельных владений в казачьих округах. Повышение окладов не обеспечило благополучия казачьего офицерства.

Снаряжение казака на службу было поставлено под усиленный контроль снизу и сверху. Ежегодно специальные комиссии проверяли станичные правления по всем видам деятельности станичных обществ, в том числе и по отчетности о снаряжении казаков к службе на общественный счет. Результаты, как правило, оформлялись в своде замечаний при ревизии.

Сверху контроль за степенью подготовки казаков в строевом отношении и качеством их обмундирования и снаряжения осуществлялся при осмотрах сменных команд, прибывавших на укомплектование первоочередных строевых частей.

Вполне естественно, что при столь высоких требованиях к экипировке казаков расходы их на снаряжение не уменьшались, а возрастали. С учетом всех социально-экономических факторов подготовки казаков к службе вывод комиссии Н.А. Маслоковца сводился к тому, что войско Донское в последние 25 лет XIX в. «попало в заколдованный круг хозяйственных нужд и воинских потребностей». В этом выводе указывалось, что «...только 21 % казачьего населения находится в настоящее время еще настолько в благоприятных условиях экономических, что может выполнять тяготы воинской повинности, для 45 % это сопряжено со значительным потрясением хозяйственного быта. Наконец, остальные 34 % казачьего населения принадлежат уже к той малоимущей части, которая оказывается всегда несостоятельной. Посему относится на общественные средства станиц снаряжение на службу казаков. Такое видимое несоответствие тягостей воинской повинности привело бы к

экономическому кризису, исход из которого мог быть только один: обращение донских казаков в разряд общего в империи сельского податного населения с подчинением их в отношении воинской повинности общим в государстве условиям и правилам» [13, с. 119].

Н.А. Маслоковец, лично глубоко изучавший причины упадка хозяйственного быта войска Донского, вынужден был констатировать: «Если в 1877 году, при усиленном выкомандировывании казаков всего строевого состава, в среднем приходилось наряжать на общественный или войсковой счет одного из 20, то в 1897 году, при совершенно ординарных условиях служебных командировок, потребность в посторонней помощи при выходе на службу ощущается одним из 6 казаков сменных команд, т. е. имущественная неспособность казаков в деле отбывания воинской повинности с 1877 по 1897 год упала уже в 3.3 раза». Эти выводы подтвердила и комиссия, образованная в 1899 г. под руководством генерал-лейтенанта Грекова [12, с. 328].

Работа обеих комиссий результатов не дала, она могла бы и дальше продолжаться также безрезультатно, если бы не вмешался военный министр А.Н. Куропаткин, решивший лично на месте ознакомиться с положением дел. Об итогах своей поездки в 1900 г. по Дону он донес Николаю II. В донесении говорилось, что «если не будут приняты меры, то казачество Донское скоро окажется не в силах выполнять лежащие на нем военные обязанности...» [10, с. 1–3].

Военный министр считал, что необходимая помощь казачеству «должна была выразиться в сторублевом пособии каждому казаку, выходящему на службу с конем» [6]. Именно в это время появилась казачья поговорка, что «войсковая администрация начинается войсковым наказным атаманом и кончается станичным жеребцом» [3, с. 217].

Объективно все же работа правительственной комиссии под руководством Н.А. Маслоковца дала некоторые положительные результаты. Доклады членов комиссии, частные, порой противоположные, их мнения, выводы и предложения правительству послужили конструктивным материалом для выработки правительственной политики в отношении казачества, по крайней мере на ближайшую перспективу.

Список литературы

1. Аусский С. Казачество – особое сословие. – М.: Олма-Пресс, 2001.
2. Ашурков В. Русские оружейные заводы в 40–50-х годах XIX в. – М., 1960.
3. Быкадоров Ис. История казачества. – СПб., 1915.
4. Броневский С.Б. Отрывки из записок // Истор. вестн. – 1889. – Т. 38. – № 12.

5. Высочайший Указ ЕИВ, Высочайше утвержденный 17 апреля 1875 г, «Положение о военной службе казаков». URL: http://dikoepole.com/2010/02/07/voinskaya_sluzhba_mechetinskaya/
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 170. Л. 6, 7 об., 8, 9–12.
7. Гордеев А.А. История казаков. – М.: Страстной бульвар, 1992.
8. Зайончковский П.А. Полн. собр. соч. – М., 1996.
9. Из воспоминаний первого омского областного начальника С.Б. Броневского // Изв. Омск. гос. истор.-краеведч. музея. № 8 / публ. А. В. Ремнева.
10. Из всеподданнейшего доклада военного министра А.Н. Куропаткина о деятельности и состоянии отраслей военного управления за 1901 год. 26 февр. 1902 г.
11. История военного искусства: сб. материалов. Вып. III. – М., Воениздат, 1952.
12. История тыла и снабжения Русской армии. – Калинин: Тип. Воен. академии тыла и снабжения, 1955.
13. Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей: справ. книжка Главной Императорской квартиры // под ред. В.К. Шенка; сост. В.Х. Казин. – СПб., 1912.
14. Козьмин Н. Н. Из прошлого Сибири. (Бывший генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский и его мемуары) // Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. – СПб., 1910.
15. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское / АРР. Т. 5. – М., Терра-Политиздат, 1991.
16. Краткий обзор казачьих иррегулярных войск Российской империи. – СПб., 1858.
17. Нефедов В.М., Ковалев Е.Е. Материал для истории Донской артиллерии. – Париж. Изд. Союза донских артиллеристов, 1939.
18. О выделении средств на расходы // Правительственный вестн. – 1899.
19. Пушкаренко А.А. Участие донского казачества в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Из истории Дона (XVII–XX вв.): сб. ст. – Вып. 1. – Ростов-н/Д, 1956.
20. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 18760. Оп. 1. Д. 234. Л.11.
21. РГВИА. Ф. 865. Оп. 2. Д. 976. Л. 556.
22. Рыжкова Н.В. Донские казачьи части на Кавказском театре Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической истории Юга России. – Ростов н/Д., 1997.
23. Савельев Е.П. Казаки. История. – Владикавказ, 1991.
24. Соболев М.Н. Коммерческая география России. – СПб.: учеб. изд-во Мин-ва финансов, 1907.
25. Статистический обзор современного положения казачьих войск. Бесплатное приложение к «Вестнику казачьих войск». – СПб.: Изд. «Вестник казачьих войск», 1903.
26. Столетие Военного Министерства. – Т. XI. – 1902. – Ч. 3.
27. Субботкин Н.И. Ижевский оружейный завод // Оружейный сборник. – 1863. – № 2.
28. Устав воинской повинности Донского казачьего войска. 1875 г.

В. А. Журавлев*, **И. А. Тропов****

Роль солдат в формировании местных органов власти в России в 1917 г.

В статье рассматривается процесс втягивания солдат русской армии в революцию 1917 г. Показана роль солдат в смещении царской администрации и в формировании новых органов власти после победы Февральской революции. Раскрыта роль солдат действующей армии и тыловых воинских частей весной – осенью 1917 г. в процессе углубления революции в стране.

Article discusses the process of involving the soldiers of the Russian army into the Revolution of 1917. Author shows the role of soldiers in the removal of imperial administration and the formation of new government after the victory of the February Revolution. Article reveals the role of the soldiers of the army and the rear military units in the process of deepening of the revolution in the country in spring - autumn of 1917.

Ключевые слова: революция, Временное правительство, действующая армия и тыловые гарнизоны, солдаты, офицеры, местные органы власти, Советы рабочих и солдатских депутатов, общественные исполнительные комитеты.

Key words: revolution, the Provisional Government, the army and rear garrisons, soldiers, officers, local authorities, soviets of workers' and soldiers' deputies, public executive committees.

В событиях Февральской революции 1917 г. армии выпало сыграть исключительно большую роль не только в Петрограде, но и на местах. Это во многом было связано с тем, что русская армия, как и все общество в целом, тяжело переживала ужасы военных потерь в годы Первой мировой войны. На положении войск непосредственно сказывались остановка ряда промышленных предприятий, расстройство железнодорожной сети, нехватка оружия, боеприпасов, продовольствия, топлива и т. п., а также ставший затяжным характер войны при неясности ее целей и полной неопределенности перспектив ее завершения [1, с. 474; 20, с. 144–151].

К этим проблемам добавлялись и факторы субъективного свойства. Накапливались и все острее сказывались раздражение и уста-

* **Журавлев Валерий Анатольевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Западный филиал Российской академии правосудия (Санкт-Петербург).

** **Тропов Игорь Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

лость народа от войны. В действующей армии все активнее циркулировали слухи о «немецкой партии», сложившейся будто бы вокруг императрицы Александры Федоровны, о других «темных силах», окружавших престол, о продаже немцам территорий России за золото и т. п. Известный российский историк Г.Л. Соболев отметил весьма примечательный факт, что практически все визиты Александры Федоровны в Ставку были строго засекречены, так как в войсках существовало стойкое убеждение, «что после каждого такого посещения русская армия терпела поражения» [25, с. 61].

Традиционно главной силой в поддержании порядка и организованности в армии являлось офицерство. В России в начале XX в. существовала довольно стройная система подготовки офицерских кадров, которая обеспечивала решение всех насущных вопросов. Однако многомиллионное увеличение армии в условиях мировой войны и огромные потери командного состава, превысившие к началу 1917 г. 62 тыс. чел. [6, с. 32], вынуждали царскую власть срочно увеличивать количество офицеров. В последние годы войны обновление командного состава производилось в основном за счет «ускоренных» выпускников из военных училищ, курсов и трехмесячных школ прапорщиков.

В результате и профессиональный, и социально-политический состав офицерского корпуса существенно изменился. Изменения эти приводили к двояким последствиям. С одной стороны, в армию чаще стали попадать люди невысоких моральных принципов. Получая абсолютную власть над подчиненными, они не всегда могли верно распорядиться ею, допускали не только грубости, но и издевательства над солдатами [23, 18 апр.]. Среди этой категории офицеров более заметными становились случаи пьянства, увлечения карточными играми, хищения продовольствия и обмундирования. Это приводило к падению авторитета таких командиров, вызывало возмущение солдат.

С другой стороны, ускоренное обновление командного состава за счет крестьян, казаков, студентов порождало тип офицера, который был социально гораздо ближе простому солдату, лучше понимал его чаяния и переживания, был близок с ним по духу [8, с. 21–22]. В любом случае, к 1917 г. распад некогда единой корпорации русского офицерства был уже налицо, и вместе с этим все больше ослабевала его роль как цементирующего элемента военной организации.

Совокупность указанных выше объективных и субъективных факторов приводила к кризису традиционных в военной среде ценностей и норм, к росту недовольства среди солдат. Это недовольство находило свое отражение, в частности, в стремительном росте в

войсках пессимистических настроений [16, с. 58–60], а также в братании и дезертирстве [30, с. 25].

Вопрос о войне и мире был, пожалуй, самым болезненным для солдат. Но следует учитывать и другое. Армия оставалась преимущественно крестьянской по своему составу, поэтому все, что происходило в деревне, живо интересовало солдат. Земский начальник одного из участков Сумского уезда Харьковской губернии в апреле 1915 г. отмечал в своем рапорте: «Мне приходилось читать письма, присылаемые солдатами из действующей армии своим родным, в коих они высказывались, что настоящая война их совершенно переутомила, но зато по окончании таковой они придут домой и тогда отберут у "панов" всю землю» [13, с. 8].

Особенно остро солдаты переживали различные несправедливости, чинимые их родным на местах разного рода спекулянтами: «Женка пишет, купец наш до того обижает, просто жить невозможно. Я так решил: мы за себя не заступники были, что хошь, то и делай. А теперь повыучились. Я каждый день под смертью хожу, да чтобы моей бабе крупы не дали, да на грех... Нет, я так решил, вернусь и нож Онуфрию в брюхо... Выучены, не страшно... Думаю, что и казнить не станут, а станут, так всех устанут» [11, с. 84]. Страшные идеалы народного возмездия обретали свои контуры, все более рельефно определялись объекты борьбы и ее методы. Нарастала усталость и озлобленность.

В начавшейся 23 февраля 1917 г. в Петрограде революции солдаты приняли самое живое участие. Днем 26 февраля обнаружилось первые серьезные колебания в войсках Петроградского гарнизона, проявлением чего стал отказ одной из рот Павловского полка подчиниться приказу стрелять в народ. На следующий день, 27 февраля, командующий военным округом генерал С.С. Хабалов в своей телеграмме начальнику штаба Ставки генералу М.В. Алексееву признал, что выполнить царское распоряжение «о восстановлении порядка в столице не мог», так как военные части в Петрограде «изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников». На всех окружавших его людей С.С. Хабалов производил «тяжелое впечатление» растерявшегося генерала [15, с. 295]. Вскоре он с другими представителями рухнувшей царской власти был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

27 февраля 1917 г. солдаты Петроградского гарнизона, насчитывавшего от 322 до 466 тыс. чел. [3, с. 96; 24, с. 6–22] вместе с рабочими промышленных предприятий активно включились в процесс формирования Петроградского совета (по одному представителю от каждой роты солдат). Благодаря поддержке гарнизона Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов стал реальной властью в столице, особенно после провозглашения знаменитого Приказа

№ 1, который фактически выводил солдат из-под офицерского контроля [10, с. 38].

Огромную роль солдаты сыграли и в свержении царской власти в Москве. 1 марта 1917 г. явственно обозначился массовый переход солдат на сторону революции. Командующий войсками Московского военного округа генерал И.И. Мрозовский, имевший чрезвычайные полномочия, вынужден был всё же признать бессилие официальных властей: «В Москве полная революция, – отмечал генерал. – Военские части переходят на сторону революционеров». Уже 2 марта в руках восставшего народа, поддержанного войсками, оказались все важнейшие объекты городской инфраструктуры. Губернатор М.Н. Татищев, командующий военным округом, и другие высшие чины царской власти были арестованы [33]. В ходе этих революционных событий образовались два самостоятельных городских органа – Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов. Но на уровне районов (Замоскворецкий, Лефортовский и др.) возникали объединенные Советы рабочих и солдатских депутатов [2, с. 17].

Несколько иначе, но также весьма интенсивно развивались события в Псковской губернии. Там по инициативе 2-й автомобильной роты 5-й армии Северного фронта в ночь на 1 марта 1917 г. был создан комитет во главе с большевиком А.А. Ивановым и принято решение об организации революционного выступления солдат псковского гарнизона. Утром 1 марта представители автомобильной роты завладели ключами от оружейного склада. В тот же день на улицах Пскова появились сформированные по распоряжению комитета вооруженные патрули, в воинских частях гарнизона прошли митинги с участием делегатов 2-й автороты в поддержку революционных событий в столице.

После распространения известия об отречении от власти императора Николая II народное движение стало более массовым и радикальным. Наиболее многолюдной была демонстрация, состоявшаяся 4 марта 1917 г. В ней приняли участие солдаты псковского гарнизона, а также рабочие местных предприятий и мастерских. Все содержащиеся на гауптвахте солдаты были освобождены, из тюрьмы были выпущены политзаключенные, вечером того же дня начались аресты высших офицеров. Не обошлось и без кровопролития. Начальник гарнизона генерал Ушаков и начальник распределительного пункта полковник Самсонов были убиты. Аналогичные события происходили в первых числах марта и в других местностях Псковской губернии – в г. Остров, Великие Луки, на станциях Дно, Новосokolьники и др. [22, с. 180–183].

Большую роль в смещении старой власти сыграли воинские части также в тыловых гарнизонах Царского Села, Ораниенбаума, Петергофа и в целом ряде других мест. Вот как, например, развива-

лись события в одном из ближайших пригородов Петрограда – Царском Селе и Царскосельском уезде, где размещались внушительные по своей численности воинские части. Сведения о петроградских революционных событиях стали проникать в города Царскосельского уезда уже с вечера 27 февраля. В Красном Селе солдаты 176-го пехотного запасного полка решили отправиться в Петроград, чтобы принять участие в революционной борьбе. В самом Царском Селе «первым выступил 28 февраля запасной батальон 1-го Царскосельского стрелкового гвардейского полка, направившийся в расположение 4-го стрелкового гвардейского полка и 1-й тяжелой артиллерийской бригады. Затем к этим частям присоединились солдаты 2-го и 3-го стрелковых гвардейских полков. Солдаты патрулировали улицы города, поставили свои посты около почтового отделения и дворцовой электростанции» [5, с. 145]. Во многом благодаря солдатским патрулям на улицах города поддерживался порядок. Центром средоточия либеральных и революционных сил в это время являлась городская ратуша.

Солдаты сыграли большую роль в смещении и арестах представителей царской власти во многих регионах страны. Так, в городе Вышний Волочек (Тверская губ.) революция началась 2 марта 1917 г. с разоружения полиции, которое «производилось прибывшими в город солдатами и продолжалось рабочими местных фабрик» [26, с. 79].

Конечно, далеко не везде участие солдат в революционных событиях достигало такого накала, как, например, в Пскове, сопровождаясь насилиями и жертвами. Например, из Владимирской губернии в начале марта 1917 г. правительственный комиссар сообщал: «Переход войск [к новому строю] прошел спокойно. Человеческих жертв в губернии не было» [21. Д. 167. Л. 3]. Из Воронежа сообщалось о создании милиции, «которая совместно с войсками поддерживает порядок» [21. Д. 167. Л. 4]. Из Красноярска (Енисейская губ.) поступали сведения о формировании там комитета общественной безопасности, в ведении бюро которого находился местный гарнизон [21. Д. 168. Л. 23 об.]. Но, несмотря на то, насколько драматично развивались события в различных уголках страны, везде было очевидным, что солдаты представляют собой серьезную, хорошо вооруженную и достаточно организованную силу. Понятно, что новые органы демократической власти стремились привлечь солдат на свою сторону, использовать их потенциал.

На местах не сложилось характерного для столицы «двоевластия». Наряду с официальными лицами – правительственными комиссарами – наиболее сильными и влиятельными структурами, претендовавшими на власть, были «общественные исполнительные комитеты» (хотя на практике существовало гораздо большее разно-

образии в их названиях) и Советы. Сразу заметим, что с первых же шагов своего формирования все местные органы стремились получить опору в войсках.

Варианты участия солдат в формировании местных органов власти были различными. В некоторых случаях инициатива в организации солдатских масс принадлежала рабочему классу. Так, например, Самарский Совет рабочих депутатов энергично содействовал формированию солдатского Совета. Их первое совместное заседание состоялось 7 марта 1917 г. [12, с. 35]. В некоторых городах существовали только Советы рабочих депутатов, но, несмотря на такое название, они тоже включали в себя небольшое число представителей солдат. Такая ситуация сложилась, к примеру, в г. Ковров Владимирской губернии. Из 68-ми депутатов образовавшегося 6 марта Совета большинство (53 чел.) были представители от заводов, фабрик и железнодорожных мастерских, но наряду с ними в Совет вошли и 4 солдата [34, с. 22].

В Воронеже 5 марта 1917 г. гласные местной городской управы «торжественно приветствовали войска со свержением царизма» [19, с. 33–34]. 9 марта только что сформировавшийся Воронежский совет рабочих депутатов обратился с призывом к частям гарнизона «выбрать своих представителей по одному от каждой роты и команды и прислать их в Совет», благодаря чему образовался объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов, включавший в свой состав и офицеров. 22 апреля 1917 г. в этом Совете была образована специальная военная секция «для обслуживания военно-экономических нужд солдат гарнизона» [19, с. 34].

В Архангельске на многолюдном митинге, состоявшемся 2 марта 1917 г., была сформирована организационная комиссия под руководством меньшевика А.В. Папилова. На вечернем заседании этой комиссии было принято решение направить агитаторов на предприятия и в войсковые части для организации выдвижения кандидатов в Совет [18, с. 58–59]. В исполком Архангельского Совета, избранный 6 марта, вошло 12 чел.: 6 – от рабочих, 3 – от солдат и еще 3 – от матросов [18, с. 63].

Есть немало примеров того, когда солдаты сами проявляли инициативу в формировании Советов. Например, 6 марта 1917 г. в Пензе на общем собрании представителей солдат и офицеров местного гарнизона был учрежден Совет солдатских и офицерских депутатов в составе 33 солдат и 22 офицеров. Председателем Совета был избран прапорщик Ф.Т. Милов [12, с. 40]. 21 марта во Владимире был образован уездный Совет солдатских депутатов «из представителей всех рот и команд, расположенных на территории города и уезда» [34, с. 30].

Еще большую роль солдаты сыграли в Лужском уезде Петроградской губернии. 1 марта 1917 г. на митинге солдат автомобильной роты был сформирован Военный комитет в количестве 5 чел. под председательством унтер-офицера А.П. Заплавского [31. Д. 1397. Л. 10]. Вскоре к солдатам присоединилось и гражданское население. Днем в Петроград на имя М.В. Родзянко из Луги была направлена телеграмма, сообщавшая, что вся власть находится в руках Лужского гарнизона, который ждет распоряжений Государственной думы [21. Д. 168. Л. 62].

Лужский Военный комитет, действительно, проявлял себя в качестве полномочного распорядительного органа, хотя справляться с погромами и самосудами ему удавалось далеко не всегда [4, с. 308, 313]. Комитетом была сформирована особая боевая дружина, с помощью которой проводились аресты и разоружение полиции и части офицеров, устанавливался контроль над наиболее важными объектами города, включая железнодорожную станцию. В ночь с 1 на 2 марта 1917 г. солдатами Лужского гарнизона был задержан направленный с фронта эшелон 68-го лейб-Бородинского полка для подавления революции в столице. Переговоры с офицерами и солдатами привели к быстрому и мирному разоружению «бородинцев», которые в большинстве своем были вскоре отправлены обратно в Псков [4, с. 314–316; 31. Д. 1397. Л. 19–22].

По инициативе солдат местных гарнизонов, а также солдат, прибывших из других регионов, и при их непосредственном участии формировались полковые, бригадные и гарнизонные Советы, нередко становившиеся главной движущей силой в процессе создания Советов рабочих и крестьянских депутатов. Такая ситуация сложилась, например, в Новгородской губернии. По воспоминаниям участника событий Н.Д. Алексеева, 2 марта 1917 г. инициативная группа солдат 177-го запасного пехотного полка «разослала по ротам извещение о выборах от каждой роты и команды по 5 чел. в полковой Совет солдатских депутатов», по инициативе которого 14 апреля был созван съезд рабочих, солдатских, общественных и партийных организаций. На этом съезде было провозглашено создание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [28, с. 9].

В целом формирование различных Советов с участием солдат (рабоче-солдатских, солдатских, солдатско-офицерских) шло огромными темпами. К концу марта 1917 г. только в Центральном промышленном районе существовало 38 Советов солдатских депутатов. В Сибири и на Дальнем Востоке было создано 67 Советов, среди них 28 Советов рабочих и солдатских депутатов [2, с. 9–10]. Опорными пунктами Советов были фабзавкомы на предприятиях и солдатские комитеты в воинских частях [2, с. 15].

Весной 1917 г. Советы часто действовали не сами по себе, а в тесном единении с общественными исполнительными комитетами. Практически во всех этих местных коалиционных органах народной власти находилось место для солдат. Например, сформированный 3 марта 1917 г. Костромской объединенный комитет общественной безопасности включил в свой состав 24 чел.: треть мест принадлежала гласным земства и городской думы, треть – представителям Совета рабочих депутатов и еще треть – представителям солдат местного гарнизона и Совета крестьянских депутатов [7. Д. 107. Л. 5]. Схожая ситуация наблюдалась и на уездном уровне. Так, Гдовский уездный комитет общественной безопасности Петроградской губ., сформированный 5 марта на митинге жителей Гдова, солдат гарнизона и крестьян ближайших сел, состоял из 5 горожан, 5 крестьян, 6 солдат и 2 офицеров [14, с. 45].

Радикальные изменения в политической системе России на какое-то время приглушили социально-классовые различия и антагонизмы. Господствовавшие в обществе настроения удачно отражала печать того времени: «Нужно, чтобы не было офицеров, солдат, рабочих и крестьян, а была бы единая народная семья равных граждан» [17]. Коалиционный состав общественных исполнительных комитетов и присутствие офицеров в некоторых солдатских Советах было зримым отражением этой позиции.

Но эта коалиция оказалась недолговечной. Проблема состояла в недоверии и в серьезных конфликтах между солдатами и офицерами. Негативное впечатление на многих офицеров производило фактическое двоевластие в армии, утрата дисциплины и управляемости войсками. Немалые проблемы возникли у офицерского состава в связи с постоянной пропагандой в социалистических изданиях необходимости установить систему выборности командного состава [8, с. 71]. Солдаты же в обстановке неожиданно возникшей свободы с трудом терпели высокомерное поведение офицеров. В своем обращении на имя А.И. Гучкова группа солдат писала: «Господа офицеры по-прежнему держатся к своим подчиненным недоступно, а не как старшие братья» [23. 14 апр.]. Судя по имеющимся источникам, в некоторых случаях были даже попытки восстановить «палочную» дисциплину. Так, из 43-й самарской бригады солдаты жаловались: «...Наши господа офицеры стали сильнее наказывать, под винтовку ставить» [32. Ф. 1000. Оп. 74. Д. 1. Л. 8].

Следствием этого стало нарастание недоверия к офицерам, что неизбежно отразилось и на формировании местных органов власти. Уже с начала апреля 1917 г. солдатско-офицерские Советы постепенно прекращают свое существование. Например, на митинге солдат Ярославского гарнизона 6 апреля 1917 г. было принято решение вместо ранее существовавшего Совета солдатских и офицерских

депутатов «немедленно сорганизоваться» и, проведя выборы в ротах и командах, сформировать Совет солдатских депутатов, «который вместе с Советами рабочих и крестьянских депутатов обеспечит трудовому народу торжество его интересов» [29, с. 63]. Объединение советов произошло уже 8 апреля 1917 г. [29, с. 67].

По мере углубления революции солдаты все более четко заявляли о своих правах и требованиях. На митинге 14 мая 1917 г. в Ярославле неизвестный «оратор в солдатской шинели» призвал «воевать не с немецкими солдатами, а с русскими капиталистами...». Эта речь, по донесению городского головы В. Лопатина, «была покрыта приветственными кликами толпы солдат-манифестантов» [29, с. 96]. На своем общем собрании солдаты Коломенской автомобильной мастерской (Костромская губ.) 18 июля 1917 г. выступили с протестом против введения смертной казни, поскольку, заявили они, возвращение «старых дореволюционных порядков не в силах оздоровить армию...» [27, с. 133–134]. Хотя во многих местах все еще сохранялась готовность поддерживать Временное правительство, но уже все отчетливее начинали звучать голоса с призывами к правительству более четко выполнять народную волю. Так, например, 13 июля 1917 г. Нижегородский совет рабочих и солдатских депутатов вынес резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Власть Временного Правительства должна быть организована так, чтобы деятельность его была явно революционно-демократической и опиралась бы на постановления Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов и проводила бы их программу» [9, с. 171–172].

Решающее значение в изменении политической обстановки в стране и, в частности, в усилении роли солдат в общественно-политической жизни сыграл так называемый «корниловский мятеж». Эти события нанесли сокрушительный удар по правительству А.Ф. Керенского, по перспективам буржуазной модернизации страны и, наконец, по самой армии, прежде всего, по офицерскому составу, который, пусть даже на минимальном уровне, все же сохранял управление вооруженными людьми. Недоверие и временами даже ненависть к офицерам и буржуазии со стороны солдат превратились в широко распространенное явление. Осенью 1917 г. солдаты стали активнее выдвигать требования полного устранения офицерства, запрещения буржуазной («контрреволюционной») печати, расширения прав солдатских войсковых организаций и Советов трудящихся, установления полной свободы слова и собраний [32. Ф. 1000. Оп. 78. Д. 1. Л. 4, 11; 29, с. 211–214]. Эти требования уже в сентябре – октябре 1917 г. активно проводились в жизнь местными Советами рабочих и солдатских депутатов.

Примечательно, что осенью 1917 г. в условиях фактического «вакуума» власти солдаты вместе с гражданским населением действовали все более активно и радикально. Они, в частности, поддерживали забастовки рабочих-железнодорожников и выдвигаемые ими экономические и политические требования [29, с. 222–223], участвовали в насильственном освобождении из-под стражи лиц, арестованных властями за «аграрные беспорядки» [21. Д. 165. Л. 30] и т. п. Это, конечно, не означает, что осенью вся армия стояла на большевистских позициях, но очевидно, что уровень солдатского недовольства и стремление к кардинальным переменам на фронте и в тылу неизмеримо возросли по сравнению с предшествовавшим временем. Чем призрачнее становилась власть Временного правительства, чем сильнее падала дисциплина в войсках, чем крепче в народном сознании конец войны и улучшение жизни связывались с утверждением идеалов народовластия, тем в большей степени солдаты действующих частей и тыловых гарнизонов становились опорой большевиков и активной движущей силой в формировании новой политической системы.

Список литературы

1. Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской Империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. – М.-СПб.: Альянс-Архео, 2009.
2. Андреев А.М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). – М.: Наука, 1983.
3. Бурджалов. Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. – М.: Наука, 1967.
4. Воронович Н.В. Записки председателя Совета солдатских депутатов // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М.: Книга, 1991.
5. Гальперина Б.Д. Царскосельский уезд // Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии (1917-1918). Очерки и документы. – Л.: Лениздат, 1972.
6. Гаркавенко Д.А. Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 году: сб. науч. ст. – М.: Наука, 1981.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2.
8. Журавлев В.А. Без веры, царя и Отечества: Российская периодическая печать и армия в марте – октябре 1917 года. – СПб.: ГУАП, СПбУМВД РФ, 1999.
9. Илларионов В.Т. Революция 1917-1918 гг. в Нижегородской губернии // Материалы по истории революционного движения / под ред. В.Т. Илларионова. Т. 2. – Н.-Новгород: Нижегородское отд. Госиздата, 1921.
10. Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. – М.: Наука, 1989.
11. Кабытов П.С., Литвак Б.Г., Козлов В.А. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. – М.: Мысль, 1988.
12. Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции: 1917 год в Поволжье. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999.
13. Красный архив. 1936. № 3 (76).

14. Кузнецова Д.С. Гдовский уезд // Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии (1917–1918). Очерки и документы. – Л.: Лениздат, 1972.
15. Куликов С.В. Совет министров и прогрессивный блок во время падения монархии // Нестор. – № 7 (2005. № 1).
16. Куликова О.Ю., Куликов Ю.Н. Настроения русской армии и тыла в Первой мировой войне // Первая мировая война: история и психология: материалы Рос. науч. конф. 29–30 ноября 1999 г. / под ред. В.И. Старцева и др. – СПб.: Нестор, 1999.
17. Морской сборник. – 1917.
18. Овсянкин Е.И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. – Архангельск: ЗАО «Архконсалт», 2007.
19. Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии / под общ. ред. И.П. Тарадина. – Воронеж: Изд-во «Воронежская Коммуна», 1927.
20. Оськин М.В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. // Вопр. истории. – 2010. – № 3.
21. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 152. Оп. 4.
22. Псковский край в истории СССР. Очерки истории // под общ. ред. Г.М. Дейча и С.И. Колотиловой. – Л.: [Псковское отд. Лениздата], 1970.
23. Речь. – 1917.
24. Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября / под ред. И.И. Минца. – Л.: Наука, 1985.
25. Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.
26. Соловьева А.Г. Дни великих испытаний // Октябрь в Вышнем Волочке: сб. ст., воспом., док-тов и материалов. – [Калинин]: б/и, 1957.
27. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии (март 1917 – сент. 1918 гг.): сб. док-тов. – Кострома: Костром. кн. изд-во, 1957.
28. Установление Советской власти в Новгородской губернии (1917–1918 гг.): сб. док-тов и материалов. – Новгород: Кн. ред. газеты «Новгородская правда», 1957.
29. Установление Советской власти в Ярославской губернии: сб. док-тов и материалов. – Ярославль: Ярослав. кн. изд-во, 1957.
30. Френкин М.С. Русская армия и революция. 1917–1918. – Мюнхен: Logos, 1978.
31. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 5.
32. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).
33. Чураков Д.О. Февральская революция 1917 г. в Москве и Центральном промышленном районе. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/43277.php> (дата обращения: 25.11.2010 г.).
34. Шаханов Н. 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. – Владимир: Призыв, 1927.

Защита населения и объектов Москвы от немецко-фашистской авиации

Раскрыты организационные основы подготовки Москвы и Московской области к возможному воздушному и химическому нападению авиации противника в начальный период Великой Отечественной войны.

Показан объем подготовительных мероприятий для создания эффективной системы защиты населения и объектов – местной противовоздушной обороны столицы.

The article deals with organizational principles of preparing Moscow and its region for the possible enemy air and gas attacks in the first period of the Great Patriotic War.

The range of preliminary actions for creating an effective system of civil and facility defence (local anti-aircraft defence) is shown in the article.

Ключевые слова: местная противовоздушная оборона, зажигательная бомба, убежище, группа самозащиты, воздушная тревога, ликвидация последствий.

Key-words: local anti-aircraft defence, incendiary bomb, dugout, self-defence group, air-raid warning, eliminating the aftermath.

Партийная организация Москвы, возглавляемая секретарем ЦК, МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербаковым, Московский городской совет (председатель В.П. Пронин) с первых дней войны непосредственно занимались укреплением местной противовоздушной обороны города. 22 июня 1941 г. состоялось совещание руководящих работников исполкомов городского и районного советов, начальников служб местной противовоздушной обороны (МПВО), на котором председатель исполкома Моссовета сообщил указания ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о необходимости переключения работы городского хозяйства на военный лад и поставил задачу усиления обороноспособности Москвы, расширения всех форм оборонно-массовой работы, приведения в полную боевую готовность всех формирований МПВО и организации защиты населения и объектов от воздушного нападения. Для жителей столицы и области был доведен приказ начальника МПВО Москвы С.Ф. Фролова, где говорилось: «В связи с

* **Гусев Александр Викторович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры защиты в чрезвычайных ситуациях, Костромской государственной технологической университет.

угрозой воздушного нападения на город объявляю в г. Москве и Московской области с 13 часов 22 июня 1941 года угрожаемое положение» [2].

Все руководители предприятий, учреждений, домоуправлений и население Москвы и Московской области получили указания точно выполнять правила МПВО. В приказе были определены первоочередные меры, а именно: полное затемнение на весь период угрожаемого положения жилых зданий, учреждений, торговых предприятий, фабрик и заводов; обеспечение светомаскировки транспорта; приведение в готовность бомбоубежищ и газоубежищ; назначение на всех объектах ответственных дежурных по МПВО. Устанавливались сигналы воздушной и химической тревоги. Контроль за выполнением всех правил по МПВО был возложен на органы милиции и штабы МПВО Москвы и Московской области.

Между членами исполкома Московского городского совета были распределены обязанности по контролю выполнения мероприятий по МПВО: Д.Д. Королев – руководство городским транспортом, перевозкой топлива и продовольствия; М.А. Яснов – руководство аварийно-восстановительной службой МПВО; П.В. Майоров – строительство убежищ и укрытий; И.А. Федин – обеспечение населения продовольствием; М.Г. Смирнова – организация эвакуации детей и детских учреждений в безопасные районы страны [6, с. 23]. Моссовет развернул оборонно-массовую работу в столице в трех главных направлениях: поднятие и укрепление боеспособности формирований МПВО и мобилизация всего взрослого населения города на защиту от налетов вражеской авиации; организованное проведение мобилизации призывных возрастов и подготовка боевых резервов для фронта, в том числе и по противовоздушной и противохимической обороне; мобилизация москвичей на строительство оборонительных укреплений и обеспечение этих работ техническими средствами [1, с. 60]. На суженном заседании исполкома Моссовета 23 июня 1941 г. обсуждались вопросы о дополнительном производстве противопожарного оборудования, а также о проведении проверки состояния и готовности групп самозащиты МПВО на предприятиях, в учреждениях и домоуправлениях к обезвреживанию зажигательных бомб и борьбе с пожарами.

Основная тяжесть организаторской и практической работы по проведению мероприятий защиты населения и объектов, ликвидации последствий возможного воздушного и химического нападения лежала на штабе и службах МПВО Москвы. На них возлагалось: строительство бомбоубежищ, газоубежищ и простейших укрытий для населения; подача сигналов об опасности воздушного и химического нападения; создание системы наблюдения и разведки; организация аварийно-спасательных и восстановительных работ. Для

решения задач по защите населения, объектов народного хозяйства, жилых домов Москвы и Московской области были созданы службы: медико-санитарная, противопожарная, аварийно-восстановительная, связи и оповещения, охраны общественного порядка и безопасности, светомаскировки, противохимической защиты и др.

24 июня в столице была проведена учебно-боевая тревога. Жители города покинули свои жилые дома, служебные помещения и укрылись в убежищах. В противовоздушной учебной тревоге были задействованы все средства ПВО Москвы, в том числе истребительная авиация, зенитная артиллерия, прожекторные и аэростатные части, а также первичные подразделения и формирования местной ПВО. Анализ действий боевых подразделений ПВО и формирований МПВО, групп самозащиты жилых домов и самого населения показал, что в основном Москва готова к защите от воздушного нападения. Вместе с тем был вскрыт ряд недостатков, требовавших безотлагательного устранения. В газете «Вечерняя Москва» был опубликован приказ начальника противовоздушной обороны города «Об улучшении противопожарной безопасности в столице». В нем определялись срочные меры повышения противопожарной безопасности города. В тот же день был объявлен приказ начальника Московского гарнизона об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в столице.

С первых дней войны Московский совет развернул работу по созданию дополнительных формирований местной противовоздушной обороны и групп самозащиты жилых домов. На базе управлений исполкома Моссовета было создано: 5 аварийно-восстановительных полков; транспортный полк; 29 отдельных батальонов МПВО; специализированный батальон связи. В течение недели на предприятиях и в домоуправлениях было создано: 285 команд самозащиты, 5 тысяч санитарных команд. Создавались посты воздушного наблюдения, оповещения и связи. За действиями вражеской авиации наблюдение производилось из 19 городских, 220 районных наблюдательных постов и 375 постов приема донесений. Кроме этого, была создана целая сеть наземных наблюдательных постов, выставленных группами самозащиты жилых домов, предприятий и учреждений. Оповещение населения и служб МПВО было организовано через 7 подузлов связи и 80 подстанций сети оповещения, в которые было включено: 130 сирен, 479575 репродукторов, 406 уличных динамиков. Медицинская служба МПВО для оказания помощи пострадавшим имела: 60 специально оборудованных машин для перевозки раненых; 22 машины для оказания травматологической помощи; 127 травматологических отрядов; 25 медико-санитарных рот.

По поручению Моссовета в течение недели архитекторами В.П. Лагутенко, И.И. Ловейко, К.К. Орловым, М.В. Посохиним и др. были разработаны проекты коллективных бомбоубежищ, к сооружению которых тут же приступили строители ряда трестов совместно с жителями Москвы. И если к началу войны город располагал 700 убежищами и 2613 бомбоубежищами общей вместимостью 400 тыс. чел., то к концу 1941 г. для укрытия населения было подготовлено: 1029 газобомбоубежищ; 6215 бомбоубежищ; 19 500 землянок и щелей; 23,3 км линий метро. Всего в защитных сооружениях можно было укрыть 1600 тыс. чел. На случай применения противником отравляющих веществ и для защиты от них населения в предприятиях и учреждениях на оставшихся в городе около 2,5 млн чел. имелось 2 770 тыс. противогазов [5, с. 38].

30 июня 1941 г. исполком Моссовета принял постановление «Об обязанностях граждан, руководителей предприятий, учреждений, учебных заведений и управляющих домами г. Москвы по противовоздушной обороне». В постановлении были определены обязанности всех жителей города независимо от должностного положения по соблюдению светомаскировки, способы тушения зажигательных авиационных бомб и пожаров, подачи сигналов ПВО и правила поведения при воздушной тревоге. В специальной статье постановления оговаривался вопрос привлечения населения к работам по ликвидации последствий от налетов вражеской авиации.

Большое значение в деле мобилизации населения на укрепление и повышение боевой готовности МПВО имело постановление Совнаркома СССР от 2 июля 1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» и постановление СНК РСФСР № 502 от 2 июля 1941 г. «О порядке подготовки населения к противовоздушной и противохимической обороне и порядке организации групп самозащиты на территории РСФСР» [8].

Главное управление МПВО в свете выполнения постановления СНК СССР от 2 июля 1941 г. утвердило «Положение о группах самозащиты жилых домов, учреждений и предприятий», в котором были дополнены и уточнены задачи групп, их состав, порядок обучения, комплектования и оснащения. Одновременно была развернута массовая агитационная работа по подготовке всего населения столицы к действиям в условиях нанесения противником авиационных ударов.

В Москве было выпущено 100 тыс. плакатов по МПВО, листовок с правилами поведения по сигналам воздушной и химической тревоги. Тиражом в 10 тыс. экземпляров вышло постановление Моссовета об обязанностях руководителей предприятий, учреждений, домоуправлений, а также граждан при угрожаемом положении и воздушных тревогах. Массовыми тиражами печатались брошюры по

вопросам местной противовоздушной обороны. Систематически проводились беседы, читались лекции и доклады [4, с. 19].

5 июля 1941 г. вышло постановление Государственного Комитета Обороны СССР № 26 «О реорганизации службы МПВО г. Москвы». В постановлении ставилась задача реорганизовать службы МПВО, для чего было принято решение создать: полк по восстановлению зданий и ликвидации завалов; полк по восстановлению дорог и мостов; отдельный аварийно-восстановительный водопроводно-канализационного хозяйства полк; аварийно-восстановительный полк по энергетическому хозяйству; отдельный аварийно-восстановительный батальон по газовому хозяйству; отдельную специализированную аварийно-восстановительную роту связи. Участковые команды районов Москвы были реорганизованы в 25 батальонов при штабах районов МПВО с личным составом 23800 чел. и с необходимым техническим оборудованием. Все аварийно-восстановительные полки и батальоны МПВО Москвы были военизированы, переведены на казарменное положение, из них было запрещено производить мобилизацию личного состава и технического оснащения [9. Л. 88–89].

9 июля 1941 г. в целях усиления противопожарной обороны города исполком Моссовета принял постановление «Об организации комсомольского полка по противопожарной обороне» в составе 16 рот в количестве 5 тыс. чел., с переводом их на казарменное положение и полным обеспечением за счет Моссовета. Исполком обратился в ЦК ВЛКСМ с просьбой мобилизовать в полк комсомольцев в возрасте старше 16 лет [3, с. 91–92]. В течение нескольких дней отбор желающих вступить в полк был завершен, а к 20 июля все подразделения полка приступили к выполнению своих обязанностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что к началу налетов немецко-фашистской авиации на столицу Москва имела хорошо организованную и оснащенную необходимой техникой местную противовоздушную оборону. В общей сложности она включала 18 городских служб; 5 отдельных специализированных полков и батальонов для восстановления зданий, дорог и объектов ЖКХ; 25 районных городских батальонов; 3-й инженерно-противохимический полк; отдельную специализированную аварийно-восстановительную роту связи. Для борьбы с пожарами были подготовлены: 12736 специальных противопожарных команд на предприятиях и учреждениях численностью 205220 чел.; противопожарные звенья в группах самозащиты в домоуправлениях. Для оказания медицинской помощи пострадавшим были подготовлены: все медицинские учреждения города; 5000 санитарных дружин на предприятиях; 36 медико-санитарных рот городских батальонов; 127 травматологических отрядов и другие подразделения. Для наблюдения за действиями авиации противни-

ка и возникавшими очагами поражения было создано 230 вышковых наблюдательных постов [7, с. 104–105]. Вся система МПВО Москвы насчитывала до 650 тысяч подготовленных бойцов. Принятыми мерами по МПВО удалось спасти от разрушения и пожаров многочисленные объекты и жилые здания Москвы и спасти многие тысячи жизней жителей столицы и области.

Список литературы

1. Алещенко М.Н. Московский Совет в 1941-1945. – М., 1980. – С. 60.
2. Вечерняя Москва. – 1941. – 22 июня.
3. Выстояли и победили: Сб. док. и материалов. – М., 1966. – С. 91–92.
4. Гражданская защита. – 2001. – № 5. – С. 19.
5. История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941–1965 гг. – М., 1967. – С. 38.
6. Котлуков К.Г. Гражданская оборона вчера и сегодня. – М., 1975. – С. 23.
7. Москва – фронту. – М., 1966.– С. 104–105.
8. Правда. – 1941. – 2 июля.
9. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1.

УДК 94(47).073:34.97/99

*А. С. Киричѐк**

Противодействие общественному движению и законы о порядке формирования уездных судов в Юго-Западном крае Российской империи (1839–1850 гг.)

Автор, основываясь на документах Комитета Западных губерний и законодательных актах, анализирует процесс подготовки реформы устройства уездных судов Юго-Западного края Российской империи в 1839–1850 гг., в котором участвовали генерал-губернатор края, Комитет Западных губерний и Министерство юстиции.

Author, based on documents of the Committee of the Western provinces and laws, analyzes process of development of alterations of system of district courts of the Southern-Western region of the Russian Empire in 1839–1850. The governor-general, the Committee of the Western provinces and the Ministry of justice participated in it.

Ключевые слова: Юго-Западный край, Комитет Западных губерний, Министерство Юстиции, Д.Г. Бибииков, уездные суды, уездные судьи, чиновники от короны.

Key words: the Southern-Western region, the Committee of the Western provinces, the Ministry of Justice, D.G. Bibikov, district courts, district judges, crown officials.

К концу 1830-х гг. обстановка в Юго-Западном крае оставалась довольно сложной. Только что была раскрыта деятельность «Союза польского народа», возглавляемого Ш. Конарским, в которую были вовлечены представители шляхты, католического духовенства и студенты Киевского университета. В связи с этим перед руководством края стояла сложная задача по недопущению в будущем подобных явлений.

Для борьбы с общественным движением большое значение имела организация деятельности властей на местном уровне. Наряду с органами исполнительной власти генерал-губернатор края отводил важное место в этом деле уездным судам. Согласно закону

* **Киричѐк Анна Сергеевна**, аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена.

в функции этих учреждений непосредственно борьба с общественным движением не входила [9, с. 220]. Тем не менее Д.Г. Бибииков рассматривал их как один из инструментов борьбы со «злонамеренностью» поляков. В представлении комитету Западных губерний в марте 1839 г. он отмечал, что «при нынешнем напряженном состоянии умов в Западном крае должность сия [уездных судей] чрезвычайно важна, потому что нижняя ступень судебной расправы дает направление делам, и упущения ее трудно уже исправить при ревизии» [5. Л. 56 об.]. В связи с этим он предлагал упразднить выборность членов уездных судов и назначать на эти должности чиновников, «хотя бы в виде временной меры» [5. Л. 56 об.]. Комитет Западных губерний, однако, указал, что нежелательно устанавливать какие-либо исключения из недавно принятого общего закона о правилах выборов уездных судей. Мнение генерал-губернатора он счел нужным сообщить министру юстиции, чтобы тот «по сношению с обоими генерал-губернаторами Западных губерний, рассмотрел предмет сей, с надлежащей подробностью, и если найдет возможным и полезным, постановить для Западных губерний какие-либо особые в сем отношении правила, представляя о сем по порядку» [5. Л. 57 об.].

Представители центрального органа управления пытались следовать в своих действиях хотя бы внешне принципам легитимизма и не желали дополнительного юридического закрепления особого положения Западных губерний. В то же время руководитель края смотрел на дело с практической точки зрения и считал обоснованным существование особенностей в юридическом положении нижнего звена судебной системы. В декабре 1839 г. этот вопрос рассматривал министр юстиции. В целом он разделял мнение генерал-губернатора о том, что избрание местными дворянами кандидатов в должности уездных судей таит в себе ряд опасностей с политической точки зрения. Однако министр указывал на то, что введение порядка определения судей, предложенного Д.Г. Бибииковым, может привести к еще более пагубным результатам. Министр юстиции предвидел возможность отсроченных негативных последствий от введения такой меры. Он обращал внимание на то, что «непосредственное определение судей в первые инстанции от короны обратит прямо на него (правительство) все жалобы, необходимо сопровождающие течение судебных дел, чего нужно избегать, особенно в крае, где умы раздражены и требуют успокоения» [5. Л. 264 об.]. По мнению министра юстиции, было достаточно того, чтобы следствие производили чиновники от короны, а за судебными решениями надзирали стряпчие и прокуроры. Он полагал достаточным подтвердить генерал-губернаторам Западных губерний, что необходимо строго следить за тем, чтобы стряпчими и секретарями

уездных судов назначались «преимущественно уроженцы Велико-российских губерний и люди, сколько по опытности, столько же и по нравственным качествам своим, достойные доверия» [5. Л. 266]. Министр указывал, что генерал-губернаторам следует разрешить только в виде исключения в тех случаях, когда все кандидаты в должности судей и заседателей уездных судов «будут ими признаны явно неблагонадежными к занятию таковых должностей», делать представления министру юстиции о выборе новых кандидатов или о назначении на эти должности чиновников от короны [5. Л. 266]. Вероятно, министр попытался найти компромиссный вариант между позициями генерал-губернатора и комитета Западных губерний, признавая косвенно возможность избрания неблагонадежных кандидатов на должности членов уездных судов. Комитет полагал, что нужно утвердить предложения министра юстиции. Император Николай I, однако, склонялся к тому, что Д.Г. Бибиков имеет право на особую точку зрения. Он повелел вновь передать спорный вопрос на рассмотрение комитета Западных губерний, пригласив туда Киевского генерал-губернатора.

Это произошло уже в следующем году. Новый министр юстиции, В.Н. Панин, согласился с мнением своего предшественника. Он, как и прежний министр, был убежден, что изменение порядка определения заседателей уездных судов и уездных судей может привести к пагубным политическим последствиям. Приводил В.Н. Панин и вполне практические аргументы. Министр указывал, что предложение генерал-губернатора трудно осуществить практически, поскольку невозможно в короткое время обеспечить уездные суды края русскими чиновниками. Глава ведомства указывал также, что еще не пришло время повсеместно назначать в должности уездных судей лиц, «совершенно чуждых как польскому языку, так и местным законам и формам судопроизводства, остающимся в силе» [6. Л. 78 об.]. Скорее всего, министр полагал, что необходимо считаться с местными исторически сложившимися условиями общественно-политической жизни и не стоит грубо нарушать их. Он, очевидно, предвидел, что это может вызвать резкий протест со стороны местного дворянства. Более того, он, как и бывший министр, утверждал, что «необходимость заставляет назначить на эти места от короны уроженцев того же края и, может быть, иногда, с чувствами против России, многим из них свойственными» [6. Л. 78 об.].

Рассуждения В.Н. Панина свидетельствуют о том, с какими трудностями сталкивались власти в Юго-Западном крае: признавая, что часть местных чиновников враждебно относится к российской власти, а потому его действия могут быть бесплодными, он, тем не менее, был вынужден мириться с существующим положением дел. С подобной проблемой центру приходилось сталкиваться и в других

сферах общественной жизни, в частности, в системе народного просвещения, где примерно в это же время также решался вопрос о замене местных чиновников и преподавателей уроженцами великороссийских губерний, но и там его не удалось решить окончательно.

Д.Г. Бибиков продолжал настаивать на своем на заседании комитета Западных губерний. Он указывал на то, что, несмотря на введение в судопроизводство уездных судов русского языка и уничтожение польских названий должностей, по своему общему духу они все еще «совершенно отличны от русских, и представляют элементы чисто польские со всей враждой и неприязненностью к России и ее законам» [б. л. 82]. Генерал-губернатор прямо указывал на политическую опасность сохранения такого положения дел. По его мнению, это предоставляло полякам возможность легальными методами активно противодействовать политике центрального правительства в крае. Кроме того, он подчеркивал, что сохранение прежнего порядка в уездных судах не дает возможности защитить местных крестьян от произвола польских помещиков. Генерал-губернатор отмечал, что для изменения такого удручающего положения необходимо заменить членов уездных судов коронными чиновниками «хотя бы до времени, до тех пор, пока поляки твердыми и решительными мерами правительства не будут обузданы и не откажутся от вредных мечтаний» [б. л. 84]. Указание на то, что предлагаемые меры будут временным явлением, характерны для чиновников, представлявших интересы центральной власти в регионе. Это давало им возможность несколько смягчить радикальность своих предложений в глазах оппонентов, а в случае принятия их позиции – и в глазах местного населения. С другой стороны, такая формулировка и полная неопределенность временных границ применения их предложений предоставляли чиновникам возможность очень долго сохранять тот порядок вещей, который они считали правильным с точки зрения интересов империи.

Д.Г. Бибиков предлагал заменять всех членов уездных судов и уездных судей, оставляющих свои должности по тем или иным причинам, чиновниками от короны по усмотрению руководства края. Следовало также замещать коронными чиновниками всех тех членов уездных судов, которые будут замечены в частых отлучках, «слабом или медленном» рассмотрении дел, а также в других неблагоприятных поступках [б. л. 84 об.]. Генерал-губернатор вновь указал, что подобную меру нужно ввести «на первый случай в виде опыта до следующего срока шестилетних выборов членов уездных судов» [б. л. 85].

Комитет Западных губерний рассмотрел предложения Д.Г. Бибикова и, признавая необходимость введения некоторых изменений для улучшения деятельности уездных судов, вместе с тем считал

нужным учитывать и мнение министра юстиции по этому вопросу. Различие их позиций, по заключению членов самого комитета, состояло в том, что министры юстиции, как прежний, так и нынешний, считали «звание судьи и право, приобретенное выбором дворянства, слишком важным, чтобы упразднить его одной властью генерал-губернатора» [6. Л. 86]. Они полагали, что выборных членов уездных судов и самих судей необходимо замещать чиновниками только в тех случаях, когда все кандидаты на должности уездных судей и заседателей уездных судов будут признаны неблагонадежными. Такой путь давал возможность имперским властям влиять на состав уездных судов и при этом не прибегать к грубому нарушению законов и прав местного дворянства. Однако он значительно затруднял осуществление контроля над уездными судами со стороны центральной власти. Члены комитета Западных губерний указывали также, что все «перемещения» служащих уездных судов и уездных судей должны происходить лишь после предварительного представления о них министру юстиции для получения через Комитет министров разрешения императора на назначение новых чиновников. Бюрократы центральных ведомств не желали допустить всевластия генерал-губернатора края, в первую очередь Д.Г. Бибикова, в вопросе назначения чиновников нижнего звена судебной системы. С другой стороны, они обращали внимание на то, что уездные суды являются инстанцией, в которой рассматриваются дела не только дворян, но и представителей других сословий, в частности крестьян, а заседателей от крестьян и других сословий в уездных судах Западных губерний, в отличие от великороссийских, иметь не полагается, и их интересы в уездных судах никто не представляет. Комитет отмечал, что эта проблема особенно остро стоит в Юго-Западном крае, где «почти все население, будучи коренного русского происхождения и исповедуя православную веру, подвергается угнетениям небольшого числа дворян-поляков, от которых оградить оное есть обязанность правительства» [6. Л. 87].

Таким образом, представители центральных властей прибегли к идее защиты православного крестьянства от произвола польских помещиков в качестве одного из аргументов, обосновывающих необходимость изменения устройства уездных судов. В этом, очевидно, проявился «некоторый поворот к крестьянской массе» в политике Николая I, который он начал в Западных губерниях, особенно в Юго-Западном крае, уже после подавления восстания 1830–1831 гг.» [1, с. 106]. Однако примечательно, что не предлагалось установить такой же порядок, как в великороссийских губерниях, и ввести в состав уездных судов представителей крестьян. С.В. Удалов рассматривал эти идеи как один из аспектов «более масштабной политики, направленной на унификацию империи» [10, с. 28].

Между тем он не учел того, что центральные власти не предлагали установить в Юго-Западном крае порядок, существовавший в великороссийских губерниях и ввести в состав уездных судов выборных от крестьян, защитником интересов которых власть объявляла себя. Вместо этого было предложено, чтобы всех членов уездных судов назначали в Петербурге. Принимая во внимание приведенные аргументы, комитет счел возможным в Юго-Западном крае принять предположение Д.Г. Бибикова, но на определенных условиях. Одно из них заключалось в том, что о каждом увольнении и назначении членов уездных судов генерал-губернатору полагалось сообщать министру юстиции. Предполагалось, что это будет служить ограждением от возможного произвола в действиях руководителя края. Кроме того, комитет подчеркнул, что эта мера будет принята «на первый случай только в виде опыта до следующего срока выборов в надежде, что при производстве новых дел под влиянием нового генерал-губернатора выбраны уже будут в члены уездных судов чиновники благонадежные», что должно было подтвердить временный характер решения, ограничивавшего права местных помещиков [6. Л. 88]. Вместе с тем новшества обуславливались и строгим политическим условием: благонадежностью потенциальных членов уездных судов, которые будут избраны уже во время следующих дворянских выборов.

Изменения в порядке назначения членов уездных судов и уездных судей в Западных губерниях были зафиксированы в именном указе 15 апреля 1840 г. В принципиальных вопросах его положения больше соответствовали предложениям Д.Г. Бибикова, чем комитета Западных губерний. Закон закреплял временный характер назначения судебных чиновников, что содержалось как в предложении Киевского генерал-губернатора, так и комитета Западных губерний. Документ предписывал: «Меру сию допустить на первый случай в виде опыта до следующего срока выборов», однако никак не оговаривал ожидания властей относительно благонадежности кандидатов в члены уездных судов при следующих выборах [2, с. 285]. Именной указ 4 декабря 1840 г. «Об образовании уездных судов в Западных губерниях» предполагал «состав присутствия уездных судов во всех [Западных] губерниях образовать по примеру губерний великороссийских из одного судьи и двух заседателей от дворянства» [3, с. 77]. Этот закон, однако, уже не затрагивал вопрос о порядке назначения чиновников уездных судов от короны.

В 1841 г. Киевский гражданский губернатор вошел с предложением в Министерство юстиции назначать председателя палаты гражданского суда и уездных судей, т. е. предлагал установить абсолютный контроль высшей власти над личным составом уездных судов. Свое предложение он подкреплял утверждением, что чинов-

ники, избираемые дворянством, «не зная русских законов и не владея русским языком, легко могут вовлекаться в разные недоразумения и тем останавливать производство дел» [7. Л. 285 об.]. Однако как генерал-губернатор Северо-Западного края Н.А. Долгоруков, так и Д.Г. Бибииков отклонили такое предложение. Они утверждали, что нельзя предположить какого-либо противодействия распространению как в Юго-Западном, так и в Северо-Западном крае русских законов со стороны избранных дворянством чиновников уездных судов, если за их действиями будут бдительно наблюдать губернские прокуроры и стряпчие. Трудно сказать, насколько искренними были генерал-губернаторы и верили ли они в то, что чиновники уездных судов, избранные местным дворянством, не смогут злоупотреблять своей властью. Другой их аргумент представляется более обоснованным. Они высказывали опасения, что принятие подобного предложения может вызвать сильное раздражение местного дворянства и потому не принесет существенной пользы властям. Руководитель Юго-Западного края понимал, что следует в определенной степени считаться с устоявшимися традициями и привилегиями дворянства. Министр юстиции, ознакомившись с этим предложением, заявил, что права влиять в определенных случаях на личный состав уездных судов, предоставленного Д.Г. Бибиикову законом 4 апреля 1840 г., достаточно, и нет необходимости в принятии новых распоряжений. Комитет Западных губерний полностью согласился с мнением министра и постановил оставить без внимания предложение Киевского гражданского губернатора [7. Л. 290]. В результате центральная власть признала правильным сохранить условия вмешательства высшего начальства в определение состава уездных судов как временное явление, связанное с неблагонадежностью кандидатов на должности уездных судей.

Однако, как и следовало ожидать, при приближении следующих дворянских выборов, в апреле 1844 г., Д.Г. Бибииков вошел с ходатайством в комитет Западных губерний о продолжении срока действия этого правила. Он отмечал, что принятая мера «оказалась весьма полезною, сколько в отношении скорого и правильного производства дел, столько и потому, что русские гражданские законы вошли немедленно в совершенную силу» [8. Л. 124 об.]. Генерал-губернатор утверждал, что принятые четыре года назад решения и введенные тогда же законы уже принесли ощутимые плоды: улучшилось судопроизводство, и, что еще важнее, в Юго-Западном крае стали распространяться нормы общероссийского гражданского права. Министр юстиции счел обоснованным предложение генерал-губернатора. Он, однако, сослался не только на указанный аргумент Д.Г. Бибиикова, но также и на его свидетельство о том, что обстоятельства, «послужившие поводом к первоначальному ходатайству

его по сему предмету, существуют и поныне» [8. Л. 125]. Следовательно, осуществленные изменения, по мысли самого Д.Г. Бибикова и согласившегося с ним В.Н. Панина, не привели к устранению фундаментальных причин, подтолкнувших руководство края к их введению. Принятые ранее меры не привели к безусловному успеху. Более того, министр юстиции признавал, что «Западный край требует еще особенного, постоянного и бдительного надзора местного начальства» [8. Л. 126]. Он считал, что следует принять предложение генерал-губернатора Юго-Западного края, содержащее некоторые отступления от принятого ранее решения по вопросу об организации деятельности уездных судов. Генерал-губернатор теперь предлагал избирать членов уездных судов «на те только места, кои во время самих выборов не будут заняты чиновниками от короны» [8. Л. 125].

В представлениях Д.Г. Бибикова изменились акценты: раньше он предлагал назначать чиновников на все открывающиеся вакантные должности в уездных судах, а теперь – только на те места, которые не будут заняты чиновниками от короны в ходе выборов. Министр юстиции одобрил и предложение Д.Г. Бибикова о продлении сроков действия принятых в 1840 г. мер. Изменение позиции министра юстиции весьма показательно: если в 1839 и 1840 г. он был оппонентом генерал-губернатора, то теперь он согласился и с его мнением об уездных судах, и с его общей оценкой политической ситуации в Юго-Западном крае.

В итоге комитет Западных губерний утвердил предложение министра юстиции и продлил ранее данные генерал-губернатору полномочия заменять судей и заседателей уездных судов чиновниками от короны «со времени имеющих быть новых выборов до следующего срока установленных лет службы» [8. Л. 126 об. – 127].

В 1850 г. при наступлении нового срока дворянских выборов Д.Г. Бибиков вновь ходатайствовал о продлении времени действия принятого правила, но теперь уже не на конкретный срок, а «до усмотрения». Генерал-губернатор, как и шесть лет назад, утверждал, что принятая мера оказалась весьма полезной, «посему и дабы совершенно упрочить сделанные в том крае по указаниям государя императора преобразования», он просил продолжить ее действие [4, с. 181]. Его точку зрения разделял и министр юстиции. В.Н. Панин, как и в 1844 г., соглашался с тем, что политическая ситуация в крае продолжает оставаться сложной и требует сохранения действия некоторых особых мер. Министр возражал, однако, против того, чтобы эта норма была принята «впредь до усмотрения». Он утверждал, что такое решение «лишило бы правило сие того характера временного распоряжения, который оно сохраняло с видимой пользой до настоящего времени» [4, с. 181]. Министр полагал, что со-

хранение видимости временного характера распоряжения в какой-то степени смягчит потенциальное сопротивление местного дворянства. Он предлагал продлить действие установленного порядка устройства уездных судов еще на 6 лет, до следующих дворянских выборов, предоставив Д.Г. Бибикову право по истечении этого срока «в случае надобности, возобновить вновь ходатайство свое по сему предмету» [4, с. 181]. Министр юстиции представил свое мнение на рассмотрение Комитета министров, который утвердил его. Вскоре оно было одобрено императором. Таким образом, положение о временном характере правила попало даже в закон, который предоставлял генерал-губернатору неограниченные возможности принятия тех решений, которые были выгодны не только центральным властям, но и ему самому.

Итак, столичная администрация с подачи Д.Г. Бибикова разработала и закрепила в законе изменения в устройстве уездных судов Юго-Западного края, деятельность которых была направлена на усиление позиции центральной власти в регионе, используя, в том числе, идею защиты крестьян от произвола польских помещиков. Вместе с тем, даже в наиболее поздних законах, регулировавших этот вопрос, были закреплены нормы, предоставлявшие генерал-губернатору широкие возможности для принятия по собственному усмотрению решений о порядке формирования состава уездных судов.

Список литературы

1. Западные окраины Российской империи / под ред. М.Д. Долбилова, А.И. Миллера. – М.: Новое лит. обозрение, 2006.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание II. Т. XV. Ч. I. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. №13386.
3. ПСЗ. Собрание II. Т. XV. Ч. I. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. №14016.
4. ПСЗ. Собрание II. Т. XXV. Ч. I. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1851. №24607.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1266. Оп. 1. Д. 24.
6. РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 26.
7. РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 28.
8. РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 34.
9. Свод законов Российской империи. – Т. 2.: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2.: Учреждения губернские. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832.
10. Удалов С.В. Государственная идеология и политика на национальных окраинах Российской империи во второй четверти XIX века (на примере Западных и Северо-Западных губерний) // Проблемы истории российской цивилизации: сб. науч. ст. – Саратов: Науч. кн., 2007. – Вып. 3. – С. 22–40.

Управление викторианским течением в Русской православной церкви (апрель 1928 – май 1931 г.)

В статье освещаются динамика и особенности формирования двух вертикальных структур управления викторианским течением в Русской православной церкви в середине 1928 – второй половине 1931 г., после ареста и осуждения весной 1928 г. лидера движения епископа Виктора (Островидова).

The article is dedicated to the evolution of two structures of management of the Victorian trend in Russian Orthodox Church from the middle of 1928 till 2nd half of 1931. The structures arose after arrest and conviction of Bishop Victor (Ostrovidov) in the spring of 1928.

Ключевые слова: вертикали управления викторианским течением в Русской православной церкви, епископ Виктор (Островидов), игуменья Феврония (Юферева).

Key words: structure of management of the Victorian trend in Russian Orthodox Church, the Bishop Victor (Ostrovidov), mother superior Thebronia (Yufereva).

Как известно, епископ Виктор (Островидов) – первый из иерархов, кто открыто выступил против июльской церковной декларации 1927 г. и в целом церковно-политического курса заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), направленного на безоговорочную легитимацию светской власти и её политики. Он увидел в этом ущерб внутренней духовной свободе Церкви, вынужденной вновь следовать за прагматическими интересами светской власти вместо того, чтобы придерживаться принципов аполитичности при условии признания и подчинения правительству.

Осенью 1927 – начале 1928 г. епископом Виктором на территории Вятской губернии было создано параллельное сергианскому замыкающееся на нём церковное управление. По мнению протоиерея Всехсвятской церкви Александра Серебрянникова, управляющего канцелярией архиепископа Вятского и Слободского Павла (Борисовского), викторианский «несказанный раскол» можно было разделить на две группы: 1) те, кто идёт за епископом Виктором, благочинным о. Леонидом Юферевым, т. е. официальными руково-

* **Поляков Алексей Геннадьевич**, кандидат исторических наук, доцент, филиал Московского государственного индустриального университета, г. Киров.

дителями движения; 2) тёмная масса, руководимая игуменьей Февронией (Юферевой) [4. Л. 224].

Осенью 1927 г. игуменья Феврония просила не принимать декларацию даже протоиерея Александра Серебрянникова. С этого времени по лето 1929 г. игуменья Феврония и монахини ликвидированных монастырей, пользуясь своим личным влиянием и авторитетом епископа Виктора, осуществляли массовые обращения верующих на свою сторону [2. Л. 6 об-7]. Руководство игуменьей «тёмной массы» можно назвать довольно условным. Оно носило, скорее, духовный, нежели организационно-управленческий характер. Религиозный авторитет Февронии был достаточно велик, чтобы значительные массы верующих, в особенности монахинь бывшего Покровского женского монастыря, на протяжении многих лет (а в отдельных случаях и десятилетий) почитали игуменью. Несмотря на то, что в материалах архивно-следственного дела о «церковно-монархической контрреволюционной организации» при Воскресенском соборе г. Вятки особый акцент делался на организационный характер деятельности Февронии, во время следственных действий, а также после вынесения приговора её ввиду «болезненного состояния» оставили на свободе. Помимо состояния здоровья изоляция Февронии (в восприятии народа – «святой», а в «глазах» государства – «преступника») от общества осложнялось опасностью возможных негативных настроений и массовых народных выступлений [3. Л. 220].

После ареста и ссылки весной 1928 г. епископа Виктора управленческие функции в викторианском движении Вятской губернии стал исполнять Леонид Юферев. Он до момента своего ареста «выполнял функции наместника Вятского епископа» – единолично возглавлял административную деятельность по всей Вятской епархии, имел у себя в квартире нелегальную канцелярию духовного управления. Для более четкого руководства он занялся организацией в Вятской епархии нелегальных благочиннических округов и назначением духовных руководителей, в частности, в числе последних был священник Александр Ельчугин [3. Л. 73].

Леонид Юферев являлся благочинным 14 сёл Вятского уезда. Также к нему обращались люди и из других сел и уездов за советами и по вопросам замещения вакантных мест священниками викторианами.

После ареста 4 апреля и осуждения 8 мая 1928 г. епископа Виктора перед его последователями в соответствии с церковным правом встал вопрос о необходимости восстановления руководства церковной жизнью. К весне 1928 г. одними из авторитетных и общепризнанных антисергианских церковных лидеров – единомышленников епископа Виктора – были: один из заместителей патриаршего

местоблюстителя митрополит Петроградский Иосиф (Петровых), викарий Ленинградской епархии еп. Гдовский Дмитрий (Любимов) и еп. Нарвский Сергей (Дружинин). Их имена связаны с деятельностью наиболее известного к настоящему времени антисергианского церковного движения – «иосифлянства», получившего своё название от имени митрополита Иосифа (Петровых). После ареста в феврале 1928 г. митрополита Иосифа еп. Дмитрий стал практическим руководителем иосифлянского движения, в этом качестве он был признан многими противниками митрополита Сергея [10, с. 43, 49, 53–54, 70].

В документах, хранящихся в кировских архивах, отложилась масса документов (не менее 31), свидетельствующих о самостоятельном характере рукоположений и назначений на должности епископом Виктором священников до своего ареста в апреле 1928 г. Викториа́нами административное подчинение иосифлянским лидерам воспринималось временным явлением в противовес постоянному управлению, осуществляемому епископом Виктором.

Началом полноценных управленческих контактов между викторианами и епископом Дмитрием (Гдовским) можно считать поездку в мае 1928 г. Леонида Юферева к еп. Дмитрию в Ленинград. Её главной целью помимо прочих церковно-административных дел было решение вопроса о назначении правящего епископа над Вятской епархией. Кандидатом в епископы был выдвинут священник с. Никулицкого Михаил Юферев, который весной 1929 г. также ездил к епископу Дмитрию Гдовскому в Ленинград [3. Л. 73–73 об, 220–221].

Викторианские благочинные, священнослужители, приходские советы обращались за решением церковно-административных вопросов (например, за рукоположениями, назначениями на должности и т. д.) к епископу Гдовскому Димитрию, а после его ареста – к Сергию Нарвскому. В архивах Кировской области нами выявлено не менее 36 различных свидетельств, относящихся преимущественно к 1929–1930 гг., указывающих на наличие управленческих связей между лидерами иосифлянства и викторианами [6. Л. 13–16].

Попыткой упорядочить разрозненную деятельность викторовцев было создание в период конца 1929 – начала 1930 г. в г. Вятке нелегального управления. Оно просуществовало до начала 1932 г. и имело заметный вес среди части викторианских приходов бывших Вятского и Котельничского уездов. Также управление стремилось распространить своё влияние на всех викториан бывшей Вятской губернии. Управление находилось при приходе Хлыновской церкви г. Вятки. Организаторами и руководителями управления являлись священники Павел Владимирович Будрин, получивший полномочия от еп. Дмитрия Гдовского; Серафим Григорьевич Новинский; Нико-

лай Николаевич Вылежинский (ссылный), порвавший весной 1931 г. с сергианами.

После установления административных контактов с лидерами иосифлянства епископами Дмитрием (Любимовым) и Сергием (Дружининым) у вятских противников митрополита Сергия продолжала доминировать идентификация себя и своих единомышленников (за единичными исключениями) в качестве викториан. На это указывают не менее 256 свидетельств, выявленных нами в кировских архивах. Наиболее примечательные из них – это показания обвиняемых по делам вятских филиалов ИПЦ, по которым одной из главных задач следствия как раз и входило причислить викториан к членам церковно-монархической организации «Истинно-православная церковь». С одной стороны, викторианские приходы признавали, поддерживали, считали легитимными сложившиеся церковно-административные отношения с лидерами иосифлянства. С другой, не считали себя иосифлянами, а идентифицировали и позиционировали себя в качестве викториан [5. Л. 2–3].

Особые церковно-административные отношения сложились в Яранской епископии. До 1929 г. яранские викториане получали руководящие указания от епископов Дмитрия Гдовского и Сергия Нарвского. С 1929 г. непосредственным руководителем викториан Яранской епископии являлся вернувшийся из ссылки еп. Яранский Нектарий (Трезвинский), который, в свою очередь, поддерживал отношения с лидерами иосифлянства.

Находясь на Соловках, еп. Нектарий под влиянием старшего архиерея Иллариона (Троицкого) принял Декларацию митр. Сергия. Однако 8 февраля отказался от подчинения заместителю патриаршего местоблюстителя. В ответ на отход еп. Нектария митрополит Сергий и Синод запретили его в священнослужении и 4 мая 1928 г. сместили с Яранской кафедры. Летом и осенью 1928 г. владыка Нектарий был близок и сослужил с епископом Виктором. 20 ноября 1928 г. он был освобождён из мест заключения с запретом проживания в семи крупнейших городах и г. Вятке. Местом проживания еп. Нектарий избрал Казань, недалеко от своей вятской паствы. 8 января 1929 г. еп. Нектарий пишет послание к пастве, в котором помимо прочего даёт оценку политическому курсу митрополита Сергия и возникших оппозиционных течений [10, с. 146–175].

В 1929 г. устанавливаются активные контакты еп. Нектария с его яранской паствой. Викторианские священники обращались за рукоположением, назначением на должность. Руководство, как правило, проявлялось в форме благословений и наказов быть твёрдым в православной вере. Далее священники по своему усмотрению ре-

шали на местах возникающие вопросы. Послания еп. Нектария наиболее активно распространяли среди населения монашки и странники. Авторитет еп. Нектария усиливался благодаря распространяемым среди своих приверженцев сведениям о его близких контактах на Соловках с епископом Виктором, который и поручил епископу Яранскому принимать под своё руководство всех непризнающих митрополита Сергия. К маю 1931 г. общее количество входящих в Яранскую епископию и находящихся под влиянием епископа Нектария составляло 46 приходов. По данным на 1932 г., под влиянием еп. Нектария находилось 30 церковных приходов на территории Яранского, Кикнурского, Шарангского и Санчурского районов, а также приходы Советского, Пижанского и части Арбажского районов. Первая группа викторианских церквей возглавлялась благочинным Иваном Фокиным, затем Василием Попцовым и Иваном Никоновым, а вторая – Николаем Мышкиным.

Разделения между викторианским и новыми антисергианскими приходами Яранской епископии не наблюдалось, поскольку лидерами на местах в обоих случаях, как правило, выступали те же викториане.

После ареста еп. Нектария яранские антисергиане делали несколько попыток найти для себя духовного руководителя. В качестве кандидатур рассматривались епископы Бахчисарайский Иосиф и Донской Кирилл. В начале 1931 г. яранские антисергианские приходы перешли под духовное управление епископа Ижевского Синезия (Сергей Григорьевич Зарубин) [б. л. 11–16, 33–34, 412, 442–442 об.].

Мы склонны считать, что кратковременное управление еп. Синезием антисергианскими приходами Вятского края, сложившееся под стечением обстоятельств (был ближайшим истинно-православным епископом), скорее, носило номинально-формальный, чем конкретно-распорядительный, характер. После ареста авторитетного среди яранцев еп. Нектария «свежеиспечённому» антисергианцу еп. Синезию, ранее не связанному с Вятским краем, в течение восьми месяцев заново установить какие-либо стабильные административные отношения с вятской паствой представляется крайне затруднительным. Каких-либо сложившихся активных устойчивых контактов между епископом Синезием и антисергианами Вятского края в материалах следственных дел по вятским филиалам ИПЦ, а также в целом в государственных архивах Кировской области и Удмуртской республики не прослеживается.

Последующие годы были отмечены попытками восстановить утраченные иерархические связи. Так, с 1934 г. вятские викториане находилась под идейным руководством находящегося в заключении

архиепископа Угличского Серафима (Самойловича), который был признан правящим архиереем. По сведениям еп. Дамаскина, архиеп. Серафима Угличского перед своей смертью попросил принять викториан во временное управление сам епископ Виктор (Островидов) [8, с. 460].

Летом 1935 г. сосланный в Архангельск епископ Дамаскин (Дмитрий Иванович Цедрик) получил просьбу от архиеп. Серафима (Самойловича) принять в своё архипастырское окормление последователей еп. Виктора (Островидова) в Вятской епархии. Через известного ленинградского иосифлянина протоиерея Измаила Рождественского, проживающего в Вятском крае на поселении, еп. Дамаскин направил к вятскому духовенству, по версии следствия, воззвание, в котором сообщалось о принятии во «временное окормление Вятскую епархию от архиепископа Серафима». Помимо этого в документе устанавливался порядок, запрещающий духовенству самостоятельно занимать должности в приходах. По словам же самого епископа, он дал всего лишь совет, как упорядочить церковно-приходскую жизнь. Только часть викторан признала еп. Дамаскина своим епископом [7, с. 169–170]. По сведениям М.В. Шкаровского, еп. Дамаскин назначил несколько благочинных. Один из них – священник церкви с. Пищалье Оричевского района Василий Перминов в 1935–1936 гг. распространял среди духовенства воззвание еп. Дамаскина и посылал ему доклады. В марте 1936 г. еп. Дамаскин был в очередной раз арестован. Тогда и были «вскрыты» его связи с викторианами [9, с. 61].

В специфическом положении в середине 1930-х гг. находилась викторианская община Казанской церкви г. Уржума. С 1932 г. и до начала 1937 г. она входила в состав Уфимской епархии. В документах церковная община чаще всего обозначалась как относящаяся к Уфимской епархии либо «Уфимской ориентации». Её называли также «уфимской общиной», «руфимовской группой», «руфимовцами», «уфимцами», «викторовской ориентации Уржумского автокефального раскола», «викторовской ориентации Уфимского автокефального раскола» [1. Л. 106–116].

Таким образом, после ареста епископа Виктора (Островидова) в середине 1928 – второй половине 1931 г. на территории Вятского края сложились две вертикали управления викторианскими приходами. Первая преимущественно на территории Вятской и Котельничской епископий, а вторая – в Яранской епископии. Сверху вниз они выглядели следующим образом: 1) епископы Дмитрий Гдовский (май 1928 – ноябрь 1929 г.) и Сергей Нарвский (ноябрь 1929 – декабрь 1930 г.) – благочинные – церковные общины – верующие;

2) епископы Дмитрий Гдовский и Сергей Нарвский – еп. Нектарий (с конца 1928 – начала 1929 г. по август 1930 г.) и епископ Синезий (предположительно с августа 1930 по май 1931 г.) – благочинные – церковные общины – верующие. Указанные управленческие вертикали пытались воссоздать нормальную церковную жизнь. При этом вятские антисергиане в целом продолжали себя идентифицировать в качестве викториан.

Список литературы

1. Архивный отдел Администрации Уржумского района (АОАУР). Ф. 10. Оп. 1. Д. 55.
2. Государственный архив Кировской области (ГА КО). Ф. 237. Оп. 77. Д. 17.
3. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 6799. Оп. 7. Д. Су-8585. Т. 1.
4. ГАСПИ КО. Ф. 6779. Оп. 7. Д. Су-8585. Т. 2.
5. ГАСПИ КО. Ф. 6779. Оп. 8. Д. Су-10261. Т. 5.
6. ГАСПИ КО. Ф. 6779. Оп. 8. Д. Су-10267. Т. 8.
7. Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской православной церкви в 1920-х – 1930-х годах / науч. ред прот. Владимир Воробьев. – М., 2006.
8. Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадальцы. Жизнеописания и документы / сост. Л.Е. Сикорская. – М., 2008.
9. Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. – СПб., 1999.
10. Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской православной церкви в судьбах его участников. Архивные материалы. – СПб.: Сатисъ, 2006.

Художественная интеллигенция в «хрущёвский» период: состав и социальный облик (по материалам Ленинграда)

В статье рассматриваются ленинградские отделения творческих союзов и обществ, объединявшие в своих рядах художественную интеллигенцию. На основе документов, содержащихся прежде всего в архивных фондах, определяется численный, возрастной, партийный состав творческих организаций, исследуется социальный облик их членов.

The article investigates Leningrad branches of creative unions, which united the artistic intelligentsia in its ranks. On the basis of archival documents the numerical, age-related and party structure of intelligentsia is defined, the social position of this group is researched.

Ключевые слова: художественная интеллигенция, материальное положение интеллигенции, творческие союзы, Союз писателей, Союз художников, Союз композиторов, Союз кинематографистов, Всероссийское театральное общество.

Key words: artistic intelligentsia, financial position of intelligentsia, creative unions, Union of writers, Union of artists, Union of composers, Union of cinematographers, All-Russian theatrical society.

Состав и социальный облик художественной интеллигенции представляют интерес для изучения общественной жизни и культурной политики «хрущёвского» периода. Рассматривая художественную интеллигенцию как социально-профессиональную группу – представителей творческих профессий, создающих произведения искусства – обратимся к изучению сообществ писателей, композиторов, художников, работников театра и кино. В основе исследования лежат материалы, содержащиеся в фондах Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), а также опубликованные документы творческих организаций.

К середине 1950-х гг. крупнейшими профессиональными коллективами работников литературы и искусства в Ленинграде были отделения творческих союзов и обществ. К ним относились регио-

* **Фетюков Александр Борисович**, аспирант кафедры русской истории факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

нальные организации Союзов писателей, композиторов, художников, работников кинематографии, а также Всероссийского театрального общества. По нашим подсчётам, к концу 1950-х гг. в указанных отделениях состояли около 3,8 тыс. чел.

Наряду с этим существовал и другой тип творческих коллективов, к которому относились театральные труппы и объединения работников ленинградских киностудий. Нередко деятели искусств одновременно состояли в творческих коллективах разных типов: некоторые работники киностудий входили в организации художников или кинематографистов, работники сцены – во Всероссийское театральное общество.

Отметим, что творческие союзы и общества формально являлись общественными организациями, в то время как киностудии и театры – государственными учреждениями. Творческие союзы объединяли представителей художественной интеллигенции вне зависимости от того, имели ли последние постоянную работу по трудовому договору; киностудии, театры и другие учреждения культуры объединяли работников по месту их трудовой деятельности.

Писатели напрямую обращались к наиболее широкой аудитории. Так, только в 1957 г. было опубликовано около 200 книг ленинградских литераторов общим тиражом свыше 10 млн экземпляров [3, с. 40]. К середине 1950-х гг. Ленинградское отделение Союза писателей (ЛОСП) насчитывало в своём составе около 300, а к середине 1960-х гг. – более 350 чел. [24. Д. 306. Л. 96; Д. 496. Л. 7]. Почти 7 % членов Союза писателей СССР работали в его Ленинградском отделении [8, с. 26].

Важную роль в работе ЛОСП играла партийная организация, в которую входило более 40 % членов отделения – больше, чем в каком-либо другом творческом союзе Ленинграда [18. Д. 14. Л. 1]. Этот факт свидетельствует о признании партийными руководителями той высокой роли, которую играли литераторы в культурно-идеологической работе.

Самым малочисленным из ленинградских отделений творческих союзов было композиторское (ЛОСК). В середине 1950-х гг. в нём состояли 116, а в середине 1960-х гг. – 141 композитор и музыковед [6, с. 1; 11, с. 541]. Отметим, что несмотря на небольшую численность этого отделения, оно играло заметную роль в музыкальной жизни страны: здесь работали около 10 % всех профессиональных композиторов СССР [15, с. 201, 208].

Между тем характерной особенностью состава членов ЛОСК было абсолютное преобладание людей предпенсионного возраста. В 1959 г. в нём насчитывалось всего четыре композитора в возрасте до 30 лет, 43 в возрасте от 30 до 50 лет и 73 (61%!) старше 50 лет [26. Д. 54. Л. 3]. Руководство Ленинградского отделения Музыкаль-

ного фонда (ЛО Музфонда), занимавшегося оказанием материально-бытовой помощи композиторам, жаловалось, что из 120 человек 35 имели хронические заболевания, в связи с чем расходы организации на медицинскую помощь и санаторно-курортное лечение оставались на высоком уровне.

К 1960 г. парторганизация ЛОСК объединяла 27 коммунистов – 21,1 % от числа членов отделения [20. Д. 16. Л. 55]. Удельный вес членов КПСС среди композиторов был значительно меньше, чем среди писателей. Думается, это было не случайно. Дело в том, что авторитетный руководитель В.П. Соловьёв-Седой, в отличие от лидеров других творческих организаций, не состоял в партии. Ориентируясь на него, и другие композиторы не очень-то стремились стать партийцами.

Среди крупных объединений творческих работников – Ленинградское отделение Союза художников (ЛОСХ). Оно было одним из крупнейших в системе Союза художников РСФСР и в 1960 г. насчитывало 1050 чел. (19,7 % от числа художников республики) [12, с. 44]. Чтобы понять, какое важное место занимала ленинградская художественная организация, приведём данные о Московском областном отделении: будучи третьим по численности (вслед за Московским и Ленинградским), оно объединяло всего 191 художника [12, с. 46, 47].

В ЛОСХ входило 42 чел. в возрасте до 30 лет, 619 в возрасте от 30 до 50 лет и 399 (всего 38 %!) старше 50 лет [13, с. 5]. Видим, что организация художников была достаточно молодой, а указанные нами данные о возрастном составе кандидатов подтверждают линию руководства на дальнейшее омоложение этого творческого коллектива. В целом же молодежь (т.е. художники в возрасте до 35 лет) составляла в ЛОСХ около четверти его численности (23 % при среднем показателе по Союзу художников РСФСР в 21,9 %) [12, с. 30].

Четвёртое из изучаемых нами городских творческих объединений – кинематографическое. Ленинградское отделение Союза работников кинематографии СССР (ЛОСРК) было образовано уже после XX съезда партии – 30 декабря 1957 г. За короткий срок оно смогло стать весьма многочисленной организацией, объединившей лучших кинематографистов города. На рубеже 1962–1963 гг. (т. е. к моменту своего окончательного организационного оформления – было избрано правление, заменившее оргбюро), ЛОСРК объединяло 368 чел., большинство из которых – режиссёры, операторы и инженерно-технические работники [10, с. 5]. Между тем по количественному составу кинематографическая организация в несколько раз уступала ленинградским киностудиям. Объясняя данный факт, член оргбюро ЛОСРК И.Ф. Волк обращал внимание на то,

что приёмная комиссия руководствовалась принципом: «лучше сделать ошибку и не принять кого-то, чем широко открыть всем двери в союз» [22. Д. 2. Л. 63].

Многие из членов ЛОСКР были заняты на киностудии «Ленфильм», на Ленинградской киностудии научно-популярных фильмов «Леннаучфильм» и на Ленинградской студии кинохроники. Заметим, что студия «Ленфильм» была одной из крупнейших в стране, её коллектив насчитывал почти 1,5 тыс. человек (правда, не все они были творческими работниками) [7, с. 3].

Крупнейший творческий коллектив города – Ленинградское отделение Всероссийского театрального общества (ЛОВТО) – объединял актёров, режиссёров, театроведов и критиков. ЛОВТО насчитывало в своём составе около 2 тыс. работников сцены. При этом в Ленинграде было сосредоточено 11 % численного состава театральной организации республики [4, с. 43; 9, с. 10].

В ЛОВТО состояли многие театральные работники Ленинграда. Через них и при их посредничестве осуществлялась связь руководства творческого объединения с артистической средой. В Ленинграде работали 13 государственных театров – три музыкальных (Академический театр оперы и балета им. С.М. Кирова, Академический Малый оперный театр, театр Музыкальной комедии), шесть драматических (Академический театр драмы им. А.С. Пушкина, Большой драматический театр им. М. Горького, театр Комедии, театр им. Ленинского комсомола, театр им. Ленсовета, Ленинградский драматический театр (с 1959 г. – им. В.Ф. Комиссаржевской)), три кукольных, а также театр юных зрителей.

Примечательно, что коммунисты ЛОСКР и ЛОВТО преимущественно были прикреплены к парторганизациям в своих учреждениях – на киностудиях и в театрах. Так, в первичной ячейке ЛОВТО в рассматриваемый период состояли всего от 15 до 25 человек – в основном работники аппарата организации, её музея и библиотеки [19. Д. 1. Л. 5; Д. 13. Л. 65].

Большинство членов творческих союзов (кроме ЛОСП) имели высшее профессиональное (музыкальное, художественное и т. д.) образование. Многие члены ЛОСП, напротив, его не имели, представляли собой литераторов-самоучек, выходцев из народа.

Партийное руководство стремилось к тому, чтобы интеллигенция сохраняла связи с рабочим классом и колхозным крестьянством. Примечательно, что именно в «хрущёвское» время интенсифицировался процесс сближения классов и социальных групп, стирания границ между умственным и физическим трудом. В этих целях постоянно устраивались выезды творческих деятелей на заводы и в колхозы. Процесс был взаимообразным, направленным как на по-

вышение культурного уровня трудящихся, так и на рост партийной сознательности в среде художественной интеллигенции.

Несмотря на декларируемое авангардное положение рабочего класса в советском обществе, особые возможности открывала принадлежность к интеллигенции. Членство в творческом союзе, безусловно, было престижным само по себе и наделяло его обладателя определённым статусом. Как вспоминал искусствовед М.Ю. Герман, «главным было... ощущение принадлежности к особому ордену», к миру «отчасти респектабельного, отчасти богемного, творческого бытия» [5, с. 348, 349]. Некоторые исследователи, отмечая высокую долю государственного участия в финансировании творческих союзов, а также «идеологическую» функцию создававшихся произведений искусства, возводят интеллигенцию в разряд государственных служащих. «Лишиться членского билета... означало подвергнуться не только политическому и гражданскому ostracismу, но и обречь себя на полуголодное, нищенское существование», – заключает В.А. Антипина [1, с. 354].

Действительно, творческие союзы (а точнее – работавшие при них художественные фонды) обладали широким спектром возможностей по улучшению материально-бытовых условий жизни и труда своих членов.

Одной из их важнейших задач была забота об улучшении жилищных условий. Этот вопрос успешно решался. Так, участвуя в долевом строительстве, только в 1957–1959 гг. ЛОСК предоставило новые квартиры 38 (около 32 %) членам организации. Благодаря жилищно-строительной деятельности творческих союзов и их фондов постоянно увеличивался удельный вес деятелей искусства, расставшихся с коммунальным бытом и ставших счастливыми обладателями отдельных квартир. Изменения в жилищной сфере, способствовавшие улучшению условий профессиональной деятельности, стимулировали творческие достижения мастеров культуры.

Для осуществления дачного строительства создавали кооперативы. Местные советские органы выделяли престижные участки, в том числе на северном побережье Финского залива, в Комарово. При этом размах строительства, размеры и внешний вид некоторых «вилл» вызывали критику со стороны партийного руководства.

Помимо жилья, некоторым категориям творческой интеллигенции требовались отдельные помещения для работы. В рассматриваемый период Ленгорисполком принял несколько решений, в которых предусматривалось строительство мансардных мастерских для художников и скульпторов в новых жилых домах города. В 1957–1964 гг. ЛОСХ получило от Ленгорисполкома более 200 мастерских, не считая 100 мастерских в Доме художников, построенном организацией на Песочной набережной [14, с. 30].

Один из важных показателей материального благосостояния художественной интеллигенции – заработная плата. В 1956 г. для работников театрально-зрелищных учреждений (театров, кинотеатров, музыкальных организаций) местного подчинения она составляла 585 р., при этом средняя зарплата собственно в театральных коллективах превышала 750 р. [21. Д. 765. Л. 8]. Для творческого персонала театров заработная плата была установлена в соответствии с присвоенной профессиональной категорией. Так, актёры I категории зарабатывали от 1 тыс. р. в месяц и выше [21. Д. 714. Л. 7]. Тем не менее, и этот показатель ненамного превышал среднюю зарплату в отраслях народного хозяйства. С другой стороны, многие артисты театров, расположенных в менее крупных городах страны, имели оклады в 300–400 р. [2, с. 471].

Иная ситуация сложилась в общественных организациях художественной интеллигенции Ленинграда. Среди членов творческих союзов и обществ, получавших зарплату в этих организациях – только сотрудники аппарата, т. е. лица, занимавшие оплачиваемые штатные должности. Так, например, в 1957 г. аппарат ЛОСП состоял из 22 работников. Месячный оклад ответственного секретаря А.А. Прокофьева составлял 5 тыс. р., его заместителя Д.А. Гранина – 3,5 тыс. р. [24. Д. 328. Л. 2]. В ЛОСК работали всего семь человек; председатель и его заместитель получали в три раза меньше, чем их коллеги по ЛОСП – соответственно 1, 8 и 1,1 тыс. р. в месяц [23. Д. 437а. Л. 1].

Таким образом, большинство членов творческих союзов не получало зарплату в этих общественных организациях. Обычно они имели один или несколько из нижеперечисленных источников дохода: работа в образовательном, культурно-просветительском учреждении или на производственном предприятии отделения фонда, гонорары за созданные произведения.

Ещё одним способом улучшения материального благосостояния художественной интеллигенции стало её активное участие в высокооплачиваемых мероприятиях, проводимых группами пропаганды. Гонорары и в самом деле были солидными: так, за участие в самостоятельном отделении концерта композиторы получали до 300 р., за проведение творческого вечера – до 600 р. [26. Д. 40. Л. 11, 12]. Некоторые композиторы, имевшие мало возможностей зарабатывать в других сферах, выступали более 50 раз за год, а отдельные писатели – более 100 раз! Гонорары за мероприятия, проводимые по линии групп пропаганды, были основной статьёй дохода для значительной части творческих работников.

Примечательно, что заработная плата и гонорары представляли собой лишь часть доходов представителей художественной интеллигенции. Весомый вклад в улучшение материального

положения творческих деятелей Ленинграда вносили местные отделения фондов, предоставлявшие своим членам различные виды помощи – творческие командировки, путёвки в дома отдыха, медицинское обслуживание, пособия, ссуды и т. п. Отдельно упомянем о том, что представители художественной интеллигенции были одними из немногих, кто широко пользовался возможностью зарубежных поездок.

Несмотря на различные блага, предоставляемые творческими союзами, находим в документах неоднократные указания на низкую дисциплину их членов. Посещаемость лекций и семинаров, устраиваемых сетью партпросвещения, в большинстве случаев оставляла желать лучшего. Так, директор Дома писателей А.Я. Миллер признавал, что обязательный для всех литераторов цикл лекций «посещается... очень плохо, молодёжь почти не ходит» [18. Д. 26. Л. 10]. Директор Дома композиторов Е.Д. Выходцева также отмечала, что композиторы мало посещают организуемые для них занятия [20. Д. 8. Л. 69]. В отчёте за 1961/62 г. указывалось, что некоторые, как например композитор Н.П. Червинский, ни разу не посещали семинар, хотя во время его проведения были замечены в Доме композиторов за игрой в бильярд. А назначенная на 6 июня 1962 г. теоретическая конференция сорвалась, так как на неё явились... лишь 3 коммуниста [20. Д. 19. Л. 167]. Показательно, что на ней должны были обсуждать роль музыки в коммунистическом воспитании трудящихся.

Несмотря на то, что членские взносы были невелики (в Союзе писателей – 25 р., композиторов – 36 р. в год), представляли собой формальность и финансового значения для союзов не имели, нередко у творческих деятелей образовывались задолженности. Руководство союзов неоднократно обращало внимание на большое количество должников. В 1957 г. ревизионная комиссия ЛОСП отчитывалась по результатам проверки: за прошедший 1956 г. в кассу должно было поступить 6375 р. от 254 писателей, а поступило 1975 р. от 79 писателей; таким образом, к числу аккуратных плательщиков можно было причислить только каждого третьего литератора [24. Д. 306. Л. 80, 81]. Уставы союзов содержали положения о том, что неуплата членских взносов может служить причиной исключения, но предельные сроки задолженности были установлены только в уставе Союза композиторов и равнялись одному году. На практике задолженности достигали значительных размеров, а вышеуказанная уставная мера воздействия не применялась.

Одной из постоянных проблем, которые поднимались на заседаниях правлений отделений художественных фондов, был вопрос о просроченных задолженностях по возвратным ссудам. У ЛО Музфонда даже был установлен общий лимит задолженности в размере

100 тыс. р. Когда совокупные долги превышали эту сумму, правление переставало выдавать кому бы то ни было из своих членов новые ссуды. На 1 января 1957 г. просроченная задолженность на общую сумму 94,9 тыс. р. была у 23 (20 %!) композиторов [26. Д. 41. Л. 70]. Часто принимались решения о прекращении предоставления должникам новых ссуд, а также творческих командировок, путёвок, льгот по отдыху и иных привилегий. Эти решения также не всегда соблюдались. Например, в 1957 г. В.Ф. Панова получила ссуду в размере 5 тыс. р. при наличии у неё крупной непогашенной задолженности [25. Д. 74. Л. 49].

В документах всех творческих союзов постоянно встречаются и упоминания о случаях недостойного поведения в среде художественной интеллигенции. Отдельные деятели искусства позволяли себе появляться в нетрезвом виде и сквернословить не только на заседаниях бюро секций, но и на творческих встречах с трудящимися. «В мастерской было совещание зрителей, но невозможно было сидеть на этом совещании, так как кругом стоял мат и было стыдно, что посторонние товарищи слышат это безобразие, – возмущался художник С.Г. Невельштейн на заседании партийной организации. – В дни выплаты денег в фонде творятся недопустимые вещи, и наши уборщицы с трудом выгоняют пьяных... Сейчас, пока идёт это собрание, в буфете сидят художники и выпивают, на столах стоят бутылки с водкой, люди пьют и теряют человеческий вид» [17. Д. 18. Л. 128, 129]. Другие документы и воспоминания также указывают на массовость явления. Ситуация была настолько серьёзной, что обращать внимание руководителей организаций на случаи пьянства были вынуждены работники горкома и райкомов. Такое внимание к моральному облику было не случайным – деятели искусства должны были пропагандировать высокие устои собственным примером.

Непростыми были и взаимоотношения внутри творческих союзов. За внешним дружелюбием часто скрывались интриги. На выборах в правления союзов коммунисты нередко оказывались забаллотированными – так определённые группы выступали против их консервативных позиций. Особенно недовольны интеллигентскими склоками были партийные руководители: конфликты и споры занимали слишком много времени, и работа творческих организаций замедлялась, выбивалась из ритма. Секретарь Дзержинского райкома Б.М. Фирсов обратил внимание на это обстоятельство, выступая 25 января 1962 г. на активе работников литературы и искусства: «Появляются письма, делегации и депутации, затем комиссии, разбирательства... часто всё это происходит потому, что какие-нибудь Иван Иванович и Иван Никифорович крупно поссорились между собой» [16. Д. 107. Л. 104].

Рассмотрев вопросы о составе и социальном облике ленинградской художественной интеллигенции, видим, что её численность (а также концентрация) уступала только московской. Возрастной состав серьёзно разнился в зависимости от творческого коллектива. Несколько меньше варьировался партийный состав: большинство деятелей искусств не состояли в КПСС, хотя и были вынуждены принимать участие в мероприятиях, инициированных своими партийными коллегами из первичных организаций. По сути, обслуживая интересы трудящихся – рабочего класса и колхозного крестьянства – организованная в профессиональные сообщества интеллигенция всё же обладала рядом привилегий. Используя одни лишь группы пропаганды, некоторые творческие работники ежегодно зарабатывали не один десяток тысяч рублей. Лишённые такой возможности пользовались финансовой поддержкой художественных фондов. Последние решали и жилищный вопрос. Несмотря на широкие возможности заработка, многие творческие деятели не выполняли финансовых обязательств перед своими организациями. Следует учитывать то немаловажное обстоятельство, что советские деятели искусства с середины 1950-х до середины 1960-х гг. – выходцы из сталинской «шинели», привыкшие к жёсткой дисциплине. Далеко не все сумели приспособиться к условиям хрущёвской «оттепельной» свободы, поэтому для них в сфере профессиональных взаимоотношений были характерны конфликты, связанные с общественной позицией (в т. ч. и с разным приятием XX съезда) либо с личными амбициями.

Список литературы

1. Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. – М.: Мол. гвардия, 2005.
2. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: документы / отв. ред. В.Ю. Афиани. – М.: РОССПЭН, 2001.
3. Васильев М. Партийное руководство работой творческих организаций // Пропагандист. – 1958. – № 8. – С. 40–46.
4. Всероссийское театральное общество между IX и X делегатскими съездами (1955 – 1959) / отв. ред. И.П. Скачков. – М.: Б. и., 1959.
5. Герман М.Ю. Сложное прошлое. – СПб.: Печатный двор им. А.М. Горького, 2006.
6. За музыку, достойную народа-творца // Лен. правда. 1956. – 9 марта. – С. 1.
7. Об организационно-творческой работе правления Союза писателей СССР за 1955–1958 годы. – М.: Тип. «Лит. газеты», 1959.
8. Марков А. На «Ленфильме» сегодня // Лен. правда. – 1956. – 25 июля. – С. 3.
9. Отчёт о работе правления Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества за 1958 год // Информационные материалы о работе Лен. отделения Всерос. театрального об-ва. – 1958. – № 21–22. – С. 1–11.

10. Отчёт оргбюро Ленинградского отделения Союза работников кинематографии СССР за период с 1 января 1958 по 1 декабря 1962 г. – Л.: Тип. Госгортехиздата, 1963.

11. Очерки истории Ленинграда. Т. 6: Ленинград в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму: 1946–1965 гг. / отв. ред. З.В. Степанов. – Л.: Наука, 1970.

12. Справка о деятельности оргкомитета Союза художников РСФСР по подготовке к первому учредительному съезду художников РСФСР за период с 3 сентября 1957 по июнь 1960 г. – М.: Тип. изд-ва «Сов. художник», 1960.

13. Справка о проделанной работе за период с 20 декабря 1957 г. по 10 мая 1960 г.: Приложение к отчётному докладу правления ЛОСХ РСФСР. – Л.: Тип. СЗРП, 1960.

14. Справка о работе за период с IV 1962 по IV 1965 г.: Приложение к отчётному докладу правления ЛОСХ РСФСР. – Л.: Тип. № 2 Управления по печати Ленгорисполкома, 1965.

15. Справочник Союза композиторов СССР на 1960 год. – М.: Сов. композитор, 1960.

16. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 124.

17. ЦГАИПД СПб. Ф. 2239. Оп. 3.

18. ЦГАИПД СПб. Ф. 2960. Оп. 6.

19. ЦГАИПД СПб. Ф. 5154. Оп. 4.

20. ЦГАИПД СПб. Ф. 6150. Оп. 2.

21. ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1.

22. ЦГАЛИ СПб. Ф. 183. Оп. 1.

23. ЦГАЛИ СПб. Ф. 348. Оп. 1.

24. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1.

25. ЦГАЛИ СПб. Ф. 372. Оп. 1.

26. ЦГАЛИ СПб. Ф. 447. Оп. 1.

Сведения об авторах

Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры, Всероссийский заочный финансово-экономический институт (филиал), г. Орёл; e-mail: vostr68@vfil.ru

Гусев Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры защиты в чрезвычайных ситуациях, Костромской государственный технологический университет; e-mail: gusev.aleksandr@list.ru

Ермолин Денис Сергеевич – аспирант, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, отдел европейстики; e-mail: swet@inbox.ru

Журавлев Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Западный филиал Российской академии правосудия (Санкт-Петербург); e-mail: itropov@ya.ru.

Киричёк Анна Сергеевна – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: anetkir@rambler.ru

Пиджаков Александр Юрьевич – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; e-mail: itropov@ya.ru.

Поляков Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, филиал Московского государственного индустриального университета, г. Киров; e-mail: agp17@rambler.ru

Размолодин Максим Львович – кандидат исторических наук, УФСБ РФ по Ярославской области; e-mail: razmolodinml@yandex.ru

Романова Марина Николаевна – соискатель отдела археологии и этнографии, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск; e-mail: Elisavetinskiy@inbox.ru

Соловьёв Дмитрий Николаевич – кандидат военных наук, доцент кафедры управления персоналом, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: botaniks@yandex.ru

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: itropov@ya.ru.

Фетюков Александр Борисович – аспирант кафедры русской истории факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: itropov@ya.ru

Хороших Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, директор, Рыльский авиационный технический колледж гражданской авиации, Заслуженный работник транспорта РФ; e-mail: itropov@ya.ru.

Шавлаева Тамара Магамедовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков, Чеченский государственный университет; e-mail: tamara-shavlaeva@yandex.ru

Шевлякова Валентина Владимировна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru.

Щанкина Любовь Николаевна, кандидат исторических наук, докторант, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва; e-mail: schanckina@yandex.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 476-90-34

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина

ОБЪЯВЛЯЕТ:

1. ВЫБОРЫ заведующих кафедрами: культурологии и искусства (1,0 ст.), общей и прикладной психологии (1,0 ст.).

2. КОНКУРС НА ЗАМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА: Профессоров кафедр: коррекционной педагогики и коррекционной психологии – 3,5 ст.; психофизиологии и клинической психологии – 1,0 ст.; психологии развития и образования – 1,0 ст.; педагогики и педагогических технологий – 3,25 ст.

Доцентов кафедр: коррекционной педагогики и коррекционной психологии – 5,5 ст.; психофизиологии и клинической психологии – 2,0 ст.; психологии развития и образования – 4,0 ст.; английской филологии – 1,0 ст.; иностранных языков (межфакультетская кафедра) – 3,25 ст.; педагогики и педагогических технологий – 4,75 ст.; культурологии и искусства – 1,0 ст. **Старших преподавателей кафедр:** психофизиологии и клинической психологии – 1,0 ст.; иностранных языков (межфакультетская кафедра) – 1,5 ст.; педагогики и педагогических технологий – 1,0 ст.; культурологии и искусства – 3,25 ст. **Ассистентов кафедр:** коррекционной педагогики и коррекционной психологии – 1,0 ст.; психофизиологии и клинической психологии – 1,0 ст.; психологии развития и образования – 1,0 ст.; английской филологии – 1,0 ст.; иностранных языков (межфакультетская кафедра) – 1,25 ст.

**Срок подачи документов – месяц
со дня опубликования
объявления**

АДРЕС: 196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10,
учёный секретарь

Пн.-пт.: с 9.00 до 17.00; тел.: 451–91–73.

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 2
Том 4. История**

Выпускающий редактор *А. А. Титова*
Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8. Тираж 500 экз. Заказ № 655

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а